

www.libclassicmusic.ru

Г. С. Козолупова

С. М. КОЗОЛУПОВ

Жизнь
и
творчество

Козолупова
С. М. КОЗОЛУПОВ
Жизнь и творчество

Редактор *Г. Шестаков*, Художник *Е. Бельский*,
Худож. редактор *Ю. Зеленков*, Техн. редактор *Т. Сергеева*,
Корректор *Г. Маргемьянова*.

ИБ № 3507

Подписано в набор 13.03.85. Подписано в печать 30.01.86. Формат
бумаги 84×108^{1/2}. Бумага книжно-журн. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Объем печ. л. 4,0. Усл. п. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 6,7825.
Уч.-изд. л. 6,91. Тираж 5000 экз. Изд. № 13156. Зак. № 201.
Цена 45 к.

Издательство «Музыка», 103031, Москва, Неглинная, 14.

Московская типография № 6 Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.

Г. С. Козолупова

С. М. КОЗОЛУПОВ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

МОСКВА «МУЗЫКА»
1986

78 2
К 59

Г. С. Козолупова

К59 С. М. Козолупов: Жизнь и творчество. — М.: Музыка, 1986. — 128 с., ил.

В книге рассказывается о жизни, исполнительской и педагогической деятельности С. М. Козолупова — одного из создателей советской виолончельной школы. Приложение к книге содержит воспоминания учеников С. М. Козолупова.

Издание рассчитано на широкий круг читателей — музыкантов и любителей музыки.

К 4905000000—172
026(01)—86

38—86

ББК 49.5

78 2

СОДЕРЖАНИЕ

Б. И. Куликов

К читателю

4

Г. С. Козолупова

С. М. Козолупов.

Жизнь и творчество

7

Приложение

Воспоминания учеников

108

Н. Н. Шаховская

Великий педагог

108

С. Ф. Цинцадзе

Мой учитель

Семен Матвеевич Козолупов

109

А. К. Власов

В классе профессора

Семена Матвеевича Козолупова

111

Ф. П. Лузанов

Мой дорогой профессор

115

В. Л. Симон

Мой учитель

117

Р. Е. Сапожников

Учитель и друг

118

Г. Л. Адамян

Воспоминания об учителе

119

Л. С. Гинзбург

Из воспоминаний

о годах учений

121

В. Я. Фейгин

Память на всю жизнь

123

А. Н. Хайрутдинов

Четыре незабываемых года

126

К ЧИТАТЕЛЮ

Отрадно отмечать, с какой необычайной силой растет в наше время интерес к истории культуры, к сложнейшим, могучим и увлекательнейшим процессам духовного творчества, к глубинным истокам народного, национального сознания, характера, таланта, к соизидательной преемственности явлений и свершений в сфере художественной деятельности, к вдохновляющей роли подлинных мастеров.

Отрадно отмечать и те события, которые мудро, умело и тонко идут навстречу этому бесценному интересу.

Можно с уверенностью сказать, что в нашей отечественной музыкальной истории немало богатств, которые при лучшем знании их обретали бы большую значимость и ценность.

В особенности это справедливо, пожалуй, в отношении нашей исполнительской школы.

В 1984 году торжественно отмечалось столетие со дня рождения выдающегося русского музыканта, основоположника советской виолончельной школы Семена Матвеевича Козолупова.

К этому юбилею с большим подъемом готовились его многочисленные ученики, виолончелисты из нашей страны и из-за рубежа, вся наша музыкальная общественность.

Профессор Галина Семеновна Козолупова в преддверии юбилея написала книгу об отце. Я имел честь познакомиться с рукописью еще в процессе работы над ней. Повествование о творчестве, учительстве талантливейшего и самобытнейшего музыканта и человека, о смысле содеянного им сразу же произвело сильное впечатление своей правдивой простотой, открытостью, прекрасным даром естественно вести рассказ о жизни в столь ярких красках, своей глубиной сочетания исторической панорамы, огромного размаха преобразующих событий — и личной судьбы.

Доверительно, будто бы неприятательно поведав о жизни и неустанных трудах отца, Галина Семеновна дала нам выразительный, достоверный, емкий портрет большого художника-гражданина, вдохновенного радетеля отечественного искусства, так много успевшего сделать в своей жизни, так много оставившего, передавшего нам, будущему.

В книге удивительно естественно раскрывается неделимость художественной и человеческой сущности Семена Матвеевича. И кому как не дочери и известнейшему музыканту и педагогу дано было так последовательно засвидетельствовать это.

Представляется особым достоинством книги то, что Галлине Семёновне удалось показать жизнь Семена Матвеевича в тесном переплетении с жизнью и творчеством его крупнейших современников, коллег-музыкантов, свершивших основополагающие дела в становлении и развитии советской исполнительской школы.

Да, Семен Матвеевич в когорте этих богатырей.

Хорошо думалось обо всем этом, когда проходил в Большом зале консерватории вечер, посвященный столетию со дня рождения Семена Матвеевича.

Огромные ансамбли виолончелистов козолуповской школы играли так одухотворенно и возвышенно, так благородно и совершенно, что звучание их воспринималось именно как гимническое славление учителя и мастера. Думалось: как же масштабен был творческий дух Семена Матвеевича, как пламенно и сердечно властен был наставник, как щедро был он преисполнен жизненных сил.

Школа Козолупова стала большей частью нашего музыкального искусства и культуры.

Книга Г. С. Козолуповой насыщена богатым профессиональным, художественным, общекультурным, проникновенно патриотическим смыслом. Еще она хороша тем, что динамично устремлена к размышлению, сопоставлению, поиску, что далеко не все здесь лежит на поверхности.

Не сомневаюсь — книгу эту будут с благодарностью читать и музыканты и любители музыки. Умная, нужная, полезная книга.

*Заслуженный деятель искусств РСФСР,
ректор Московской консерватории,
профессор Б. И. Куликов*

Г. С. Козолупова

С. М. КОЗОЛУПОВ.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

*Приношу свою сердечную
благодарность за оказанную
мне большую помощь
в создании этого труда*

Б. И. Куликову,

В. В. Ильёвой,

А. М. Шебалиной,

Л. Н. Прохоровой,

В. Е. Ханецкому,

Т. Х. Сильвестровой.

Г. С. Козолупова

10 апреля 1884 года (22 апреля по новому стилю) среди степей, среди бахчей, в станице Краснохолмской Оренбургской губернии в семье казака Матвея Ивановича и Анастасии Петровны Козолуповых родился пятый по счету сын — Семен.

Был он, как всякий здоровый мальчишка, быстрый, шустрый, играл в бабки, городки, до посинения сидел в речке, бегал босиком до первого снега.

В 1891 году, когда Семену было семь лет, семью постигло тяжелое горе — умерла мать. К тому времени у отца на руках осталось шестеро сыновей (седьмая, девочка, умерла во младенчестве). Конечно, при таких обстоятельствах на каждого члена семьи, даже маленького, возлагались свои определенные обязанности: до десяти лет Семен посильно помогал отцу по хозяйству и в основном был нянькой младшего брата. Обладал он, видимо уже тогда, врожденным чувством ответственности, в то же время был общителен, сметлив, сообразителен и воспринимал жизнь как нечто интересное, увлекательное, которым нужно пользоваться, не теряя никаких возможностей.

Когда Семену исполнилось десять лет (к тому времени отец женился вторично, в доме появилась хозяйка и стало уже легче), отцу удалось определить мальчика в войсковой музыкальный хор и оркестр при штабе Оренбургского казачьего войска. Там он под руководством капельмейстера впервые приобщился к музыке. С увлечением играл в оркестре на корнет-а-пистоне, потом на скрипке, пользуясь редкими указаниями скрипача Г. Ф. Эстеррейха, который в то время возглавлял казачий симфонический оркестр. Вскоре (после вывиха кисти левой руки) Семен стал играть на виолончели. В сущности, овладевая всеми этими инструментами, он был самоучкой, очень редко пользующимся советами музыкантов-любителей. Так шли годы.

И вот в один из обычных для Семена Матвеевича, уже двадцатилетнего юноши, дней произошло событие, определившее всю его дальнейшую жизнь, благодаря которому в историю отечественной музыкальной культуры, русского и советского виолончельного исполнительства, виолончельной педагогики и методики была вписана чрезвычайно важная и интереснейшая страница.

В 1904 году в Оренбург приехал с концертами известный в то время виолончелист, профессор Петербургской консерватории Александр Валерианович Вержбилович. Узнав в случайном разговоре, что в войсковом оркестре играет очень талантливый молодой виолончелист, Вержбилович изъявил желание послушать его. Можно себе вообразить, с каким огромным волнением предстал перед прославленным маэстро молодой казачок и что делалось в его душе, когда он коснулся смычком струн своей, вероятно не очень-то хорошей, виолончели. Во всяком случае, это событие осталось в памяти Семена Матвеевича на всю его жизнь.

Игра юноши произвела на Вержбиловича столь сильное впечатление, что он тут же убедил войскового атамана в необходимости отпустить талантливого виолончелиста в Петербургскую консерваторию, обещав взять его в свой класс и учить бесплатно. Никаких материальных средств для этой заманчивой перспективы, конечно, не было, но музыкантам города стало известно о предложении Вержбиловича и решено было объявить концерт, состоявшийся 21 августа 1904 года в Зале общественного собрания. На афишах и в программках можно было прочесть следующее: «Сбор поступит в пользу виолончелиста С. Козолупова для дальнейшего его музыкального образования». В концерте приняли участие пианистка В. Н. Федотова, певица К. В. Стульгинская, скрипачи Г. Ф. Эстеррейх и Р. И. Лункевич, альтист Р. Д. Поконин и С. М. Козолупов, который играл и соло, и в ансамблях — сонатном, трио и квартете. Успех этого концерта превзошел все ожидания.

* *
*

Осенью 1904 года Семен Козолупов был принят в Петербургскую консерваторию и учился там в классах А. В. Вержбиловича и И. И. Зейферта, но не бесплатно. Он должен был платить 100 рублей ежегодно за обучение. Как рассказывал Семен Матвеевич, жилось ему

С. Козолупов (1897)

сначала в Петербурге материально очень трудно, и первое время он пользовался поддержкой, предложенной ему неким оренбургским любителем-виолончелистом Галаховым (видимо, не стесненным в средствах). Эта поддержка очень тяготила молодого музыканта, обладавшего самолюбивым и независимым характером. Он мечтал быть самостоятельным и вскоре смог от этой поддержки отказаться. Семен Матвеевич зарабатывал на жизнь, играя в различных оркестрах: иногда заменял кого-то в известном симфоническом оркестре графа Шереметева, иногда играл в небольших ансамблях, часто и в ресторанных оркестрах, словом, не отказывался ни от какой бы то ни было возможности заработка.

В 1905 году, вскоре после январских событий, занятия в Петербургской консерватории по настоянию революционно настроенной части студенчества были прерваны. За поддержку справедливых требований студентов из консерватории был уволен Н. А. Римский-Корсаков. А. К. Глазунов, А. К. Лядов, А. В. Вержбилович и другие в знак солидарности сами заявили о своем уходе. Семен Матвеевич не считал возможным остаться в стороне от событий, волновавших всю передовую молодежь. В Центральном государственном историческом архиве СССР (Ленинград) находится его заявление следующего содержания: «Не находя возможным оставаться в Консерватории после увольнения проф. Н. А. Римского-Корсакова, прошу не считать меня больше в числе учащихся. Бумаги мои прошу направить по адресу: Максимилиановский пер., дом 14, кв 7.

Петербург, марта 29-го, 1905 г.
Семен Козолупов»*.

Вскоре обстоятельства изменились, всех уволенных профессоров пригласили в консерваторию, а А. К. Глазунов стал ее директором.

Семен Матвеевич возобновил учебу. Будучи военно-обязанным, он с трудом получал ежегодное разрешение оренбургских властей на продолжение занятий в Петербурге. Материально стало много легче, когда ему назначили стипендию, которую он получал последние два года пребывания в консерватории. Семен Матвеевич прекрасно понимал недостаточность своей общей культуры, чувствовал свои огромные пробелы в области образования и, страстно желая восполнить и то и дру-

¹ ЦГИА (Ленинград), ф. 361, оп. 1, д. 1942.

гое, брал частные уроки у некоего Кулябко-Корецкого, о котором позднее вспоминал с большим уважением.

Семен Матвеевич часто рассказывал, как много ему дали занятия в квартетном классе замечательного, выдающегося музыканта — скрипача Леопольда Ауэра. У него в классе постиг он навыки камерного исполнительства, изучив и сыграв огромное количество квартетной литературы: квартеты Бетховена, Шуберта, Шумана и многие другие. Его партнерами были талантливейшие музыканты. Среди них — скрипачи Ефрем Цимбалист (впоследствии завоевавший мировое признание), М. Пиастро, А. Берлин (много лет бывший концертмейстером московского Государственного симфонического оркестра). В классах камерного ансамбля профессоров Ф. М. Blumenфельда и В. Алоиза он играл сонаты и трио Бетховена, Шопена, Грига, Мендельсона. Молодой музыкант с жадностью пользовался каждой возможностью музицировать и соло, и в ансамбле. Таким образом, в достаточно короткое время он стал очень хорошо ориентироваться в различных по составу ансамблях, великолепно читать с листа и разбираться в оркестровой партитуре, что впоследствии ему очень пригодилось (интерес к партитуре проявился у него еще в годы работы в войсковом оркестре в Оренбурге, где ему часто поручали заменять капельмейстера).

Очень большую роль в формировании Семена Матвеевича как музыканта сыграли те выдающиеся исполнители, которых он имел счастье слушать. В ту пору (в 1905—1907 годах) в Петербурге выступали Есипова, Шаляпин, Ауэр, Зилоти, Blumenфельд, Собинов. Приезжали Казальс, Тибо, Изан, Патти. Впечатление от их выступлений у него осталось настолько сильное, что он много раз вспоминал и рассказывал об этом спустя десятилетия. Уже в то время Семен Матвеевич обладал способностью отбирать и впитывать в себя все, что соответствовало его музыкальным и артистическим стремлениям.

Всего три года понадобилось Семену Матвеевичу, чтобы блестяще окончить полный курс Петербургской консерватории. Он получил звание «свободного художника», был награжден большой серебряной медалью, его имя было занесено на мраморную доску отличия. 9 мая 1907 года состоялся публичный акт сорок второго выпуска Петербургской консерватории, где, как один из лучших выпускников, участвовал и Семен Матвеевич,

сначала в Петербурге материально очень трудно, и первое время он пользовался поддержкой, предложенной ему неким оренбургским любителем-виолончелистом Галаховым (видимо, не стесненным в средствах). Эта поддержка очень тяготила молодого музыканта, обладавшего самолюбивым и независимым характером. Он мечтал быть самостоятельным и вскоре смог от этой поддержки отказаться. Семен Матвеевич зарабатывал на жизнь, играя в различных оркестрах: иногда заменял кого-то в известном симфоническом оркестре графа Шереметева, иногда играл в небольших ансамблях, часто и в ресторанных оркестрах, словом, не отказывался ни от какой бы то ни было возможности заработка.

В 1905 году, вскоре после январских событий, занятия в Петербургской консерватории по настоянию революционно настроенной части студенчества были прерваны. За поддержку справедливых требований студентов из консерватории был уволен Н. А. Римский-Корсаков. А. К. Глазунов, А. К. Лядов, А. В. Вержбилович и другие в знак солидарности сами заявили о своем уходе. Семен Матвеевич не считал возможным остаться в стороне от событий, волновавших всю передовую молодежь. В Центральном государственном историческом архиве СССР (Ленинград) находится его заявление следующего содержания: «Не находя возможным оставаться в Консерватории после увольнения проф. Н. А. Римского-Корсакова, прошу не считать меня больше в числе учащихся. Бумаги мои прошу направить по адресу: Максимилиановский пер., дом 14, кв 7.

Петербург, марта 29-го, 1905 г.
Семен Козолупов»*.

Вскоре обстоятельства изменились, всех уволенных профессоров пригласили в консерваторию, а А. К. Глазунов стал ее директором.

Семен Матвеевич возобновил учебу. Будучи военнo-обязанным, он с трудом получал ежегодное разрешение оренбургских властей на продолжение занятий в Петербурге. Материально стало много легче, когда ему назначили стипендию, которую он получал последние два года пребывания в консерватории. Семен Матвеевич прекрасно понимал недостаточность своей общей культуры, чувствовал свои огромные пробелы в области образования и, страстно желая восполнить и то и дру-

¹ ЦГИА (Ленинград), ф. 361, оп. 1, д. 1942.

гое, брал частные уроки у некоего Кулябко-Корецкого, о котором позднее вспоминал с большим уважением.

Семен Матвеевич часто рассказывал, как много ему дали занятия в квартетном классе замечательного, выдающегося музыканта — скрипача Леопольда Ауэра. У него в классе постиг он навыки камерного исполнительства, изучив и сыграв огромное количество квартетной литературы: квартеты Бетховена, Шуберта, Шумана и многие другие. Его партнерами были талантливейшие музыканты. Среди них — скрипачи Ефрем Цимбалист (впоследствии завоевавший мировое признание), М. Пиастро, А. Берлин (много лет бывший концертмейстером московского Государственного симфонического оркестра). В классах камерного ансамбля профессоров Ф. М. Blumenфельда и В. Алоиза он играл сонаты и трио Бетховена, Шопена, Грига, Мендельсона. Молодой музыкант с жадностью пользовался каждой возможностью музицировать и соло, и в ансамбле. Таким образом, в достаточно короткое время он стал очень хорошо ориентироваться в различных по составу ансамблях, великолепно читать с листа и разбираться в оркестровой партитуре, что впоследствии ему очень пригодилось (интерес к партитуре проявился у него еще в годы работы в войсковом оркестре в Оренбурге, где ему часто поручали заменять капельмейстера).

Очень большую роль в формировании Семена Матвеевича как музыканта сыграли те выдающиеся исполнители, которых он имел счастье слушать. В ту пору (в 1905—1907 годах) в Петербурге выступали Есипова, Шаляпин, Ауэр, Зилоти, Blumenфельд, Собинов. Приезжали Казальс, Тибо, Изаи, Патти. Впечатление от их выступлений у него осталось настолько сильное, что он много раз вспоминал и рассказывал об этом спустя десятилетия. Уже в то время Семен Матвеевич обладал способностью отбирать и впитывать в себя все, что соответствовало его музыкальным и артистическим стремлениям.

Всего три года понадобилось Семену Матвеевичу, чтобы блестяще окончить полный курс Петербургской консерватории. Он получил звание «свободного художника», был награжден большой серебряной медалью, его имя было занесено на мраморную доску отличия. 9 мая 1907 года состоялся публичный акт сорок второго выпуска Петербургской консерватории, где, как один из лучших выпускников, участвовал и Семен Матвеевич,

исполнив с большим успехом Виолончельный концерт Сен-Санса в сопровождении оркестра. В газетах уделили особое внимание талантливому музыканту. Это была его первая пресса (см.: Музыка и пение, 1907, № 7).

Сразу непосредственно по окончании консерватории началась огромная концертная деятельность Семена Матвеевича Козолупова, не прекращавшаяся всю его жизнь.

* *
*

Первая концертная поездка состоялась в 1908 году в города Средней Азии — Ташкент, Самарканд, Ашхабад, Бухару, Коканд. 21 июня 1908 года он играл в Ростове-на-Дону Четвертый концерт для виолончели с оркестром К. Ю. Давыдова. Дирижировал М. М. Ипполитов-Иванов. Из рецензий можно судить о том успехе, с которого началось его боевое крещение на эстраде. В них говорилось: «г. Козолупов является одним из редких художников», «это артист крупной величины», «игра артиста производит на публику какое-то чарующее впечатление».

С осени 1908 года он должен был приступить к работе в придворном оркестре в Петербурге, куда был приглашен без обычного предварительного конкурса. Но Семена Матвеевича не привлекала перспектива работы в этом оркестре. Еще в июне, когда он выступал с оркестром, которым дирижировал Ипполитов-Иванов, последний по-отечески отнесся к молодому виолончелисту, привлекая его внимание своим талантом. Ипполитов-Иванов проникся к Семену Матвеевичу большой симпатией, много говорил с ним о его дальнейших музыкальных планах и упомянул, что осенью, к началу сезона 1908/09 года в Москве в Большом театре будет объявлен конкурс, в том числе и в группу виолончелистов на место второго солиста. (В то время главным дирижером Большого театра был В. И. Сук — превосходный музыкант, серьезный и требовательный. Чех по происхождению, он жил в России с 1880 года, дирижером Большого театра был с 1906 года до конца жизни.)

* *
*

Семен Матвеевич приехал в Москву, участвовал в этом конкурсе, представив комиссии большую разнообразную программу. Количество произведений, предло-

женное им для исполнения, даже несколько поразило комиссию. Его попросили сыграть Вариации на тему рококо Чайковского и Концерт Давыдова. В результате Семен Матвеевич был принят на вакантное место второго солиста.

Работа в таком отличном оркестре, под руководством великолепных дирижеров была не только очень ответственной, но являлась и своего рода школой. Необходимо было всегда находиться в отличной форме, так как приходилось играть соло и в балетах, и в операх, а репертуар театра был огромный. Здесь шли выдающиеся произведения русской оперной и балетной классики (Глинки, Даргомыжского, Римского-Корсакова, Бородина и многих других); ставились лучшие западноевропейские оперы и балеты; здесь выступали великие русские певцы и мастера балета — Шаляпин, Собинов, Нежданова, Гельцер...

С этого же 1908 года Семен Матвеевич начал преподавать в музыкальной школе, открытой в Москве Л. Э. Конюсом. Семен Матвеевич был два месяца в концертной поездке с Большим театром во Францию, в Париже, как артист оркестра Русской оперы. Приехал под большим впечатлением всего виденного и слышанного, много рассказывал и ужасно сожалел, что не владеет ни одним иностранным языком.

Очень много дало Семену Матвеевичу участие в концертах Русского музыкального общества. РМО проводило симфонические концерты, приглашая виднейших дирижеров, таких, как А. Никиш, С. В. Рахманинов, О. Недбал. Исполнялась русская и западная классика, а также современная музыка. Часто концертмейстерами в оркестр РМО приглашались ведущие музыканты из оркестра Большого театра, в том числе Семен Матвеевич, как концертмейстер группы виолончелей. Его сольные выступления обратили на себя внимание многих музыкантов — исполнителей, дирижеров, композиторов, — и он был привлечен к очень интенсивной исполнительской деятельности в РМО. Он входил в состав организованного там квартета (его партнерами были Б. О. Сибор, В. Р. Бакалейников, М. И. Цирельштейн). Не отказывался Семен Матвеевич и от участия в других камерных ансамблях. В трио и сонатных вечерах он играл с С. И. Танеевым, К. Н. Игумновым, А. Б. Гольденвейзером и многими другими. Он был участником первого исполнения Фортепианного квинтета Танеева оп. 30, со-

стоявшегося в узком кругу маститых музыкантов у Танеева дома. Случилось так, что Сергей Иванович приболел, но отменять исполнение квинтета не захотел, и партию рояля исполнял в этот вечер Гольденвейзер. Это было в мае 1911 года.

В летнее, каникулярное в Большом театре время Семен Матвеевич гастролировал в других городах. Он побывал и в Саратове, и в Ростове, где его уже знали. В Ростове он выступил в симфоническом концерте под управлением Е. Е. Плотникова, исполнив Фантазию А. Ф. Серве (на тему Вальса Шуберта). В сохранившейся рецензии из газеты «Приазовский край» (1910, 22 июня) говорилось: «Молодой артист, еще в позапрошлом сезоне обративший на себя внимание своей незаурядной техникой, видимо много поработал в художественном отношении. Его смычок приобрел певучесть, тон стал шире, и в передаче чувствуется одухотворенность. Даровитый артист имел большой и заслуженный успех и принужден был много раз играть на bis». Побывал Семен Матвеевич в Оренбурге, Туле, Орле и Тамбове.

Можно только удивляться, как, в сущности недавний самоучка, он в такой кратчайший срок овладел высоким техническим мастерством, целым каскадом разнообразных штрихов, раскрывшим перед ним возможность обогатить свой репертуар сложнейшими музыкальными произведениями разных стилей и эпох.

Природа скроила Семена Матвеевича удивительно пропорционально. Все в нем было очень естественно; он был здоровый, крупный мужчина, с хорошей стройной фигурой, сильный. Руки его были как бы созданы для виолончели: в них была и сила, и гибкость, и подвижность, и мягкость, и воля, и ласка. Все подсказанное ему его богатой интуицией он анализировал, осмысливая — усовершенствовал, не усложняя, а главное — так же интуитивно приходил к самому естественному, нормальному, удобному, красивому, позволявшему ему с наименьшими трудностями достичь максимальных результатов.

Способность и интерес к анализу, осмыслению и положили, тогда уже, начало созданию такой великолепной школы, которую впоследствии Семен Матвеевич щедро передавал огромному количеству своих учеников. Конечно, он не переставал дополнять и систематизировать ее всю свою жизнь, так как во все времена был

Н. Н. Козолупова, жена С. М. Козолупова (1909)

человеком весьма современным и всегда шагал вместе с событиями века.

В 1909 году Семен Матвеевич женился. Жена его — Надежда Николаевна Федотова, уроженка Оренбурга, пианистка, была тогда студенткой последнего курса Московской консерватории, учившейся у Гольденвейзера. Семен Матвеевич с Надеждой Николаевной прожили вместе долгую, многотрудную, но счастливую жизнь. По общему мнению, Надежда Николаевна, являясь умным, высококультурным, справедливым и очень принципиальным человеком, сыграла большую роль в формировании Семена Матвеевича как музыканта и человека. В течение многих лет она аккомпанировала ему в концертах.

Уже в 1910 году у них родилась первая дочь — Ирина, хотя Семен Матвеевич мечтал о сыне. С появлением ребенка появилась и няня, о которой нельзя не упомянуть. Степанида Васильевна Светелкина — пожилая одинокая женщина, потерявшая всех своих родных, обладала редкими человеческими качествами — душевной чистотой и мудростью. Она стала членом семьи и до конца своих дней делила с нею все радости и трудности жизни.

Интенсивная музыкальная деятельность Семена Матвеевича продолжалась. Пополнялся его репертуар, росло мастерство, приходила зрелость. Он все чаще выступал в симфонических концертах РМО в качестве солиста. В 1910 году С. Н. Василенко объявил цикл «Исторических концертов». В одном из концертов должны были исполняться Вариации на тему рококо Чайковского. Дирижировал Василенко, солистом был приглашен Семен Матвеевич, исполнивший Вариации с большим успехом. Летом этого года он много гастролировал в Саратове, Ростове и других городах.

Между тем приближалось знаменательное событие в музыкальной жизни страны и огромное — в биографии Семена Матвеевича: в декабре 1911 года, в ознаменование пятидесятилетия Русского музыкального общества был объявлен Всероссийский конкурс виолончелистов. По положению в нем имели право участвовать виолончелисты, окончившие Московскую или Петербургскую консерватории. Конкурсная программа обязывала участников исполнить одну из шести сольных сюит Баха, какой-либо концерт (целиком) и две пьесы — одну кантиленного, другую виртуозного характера.

В. Н. Малиновская, Г. Ф. Эстеррейх, С. М. Козолупов
(Оренбург, 1908)

Семен Матвеевич долго думал, сомневался, советовался с женой, друзьями и наконец принял решение участвовать в этом соревновании, включив в свою конкурсную программу Сюиту Баха ре минор, Третий концерт Давыдова, Элегию Форэ и Каприччио Кленгеля. Аккомпанировать себе на этом конкурсе он пригласил очень хорошего пианиста Д. Н. Вейса, много лет работавшего в оркестре Большого театра и проходившего там с певцами их сольные партии.

Для участия в конкурсе записалось шестнадцать виолончелистов, но выступили двенадцать человек. Многие из них были талантливыми концертирующими виолончелистами, например Е. Я. Белоусов, И. И. Пресс, М. Е. Букиник (написанные им этюды популярны и в наше время), А. С. Любошиц и другие. Жюри возглавлял М. М. Ипполитов-Иванов. В представительный состав жюри входили известные музыканты того времени. Среди них И. В. Гржимали, Ю. Кленгель, В. В. Пухальский, Л. Э. Аббiate, С. К. Экснер, Р. И. Эрлих. В зале всегда было много публики. В последний день, по окончании конкурса, до позднего вечера не расходились ожидающие объявления результатов участники конкурса, а также многие любители музыки, постоянные слушатели

этого музыкального турнира. Поздно вечером, в половине одиннадцатого, секретарь жюри объявил, что первая премия в размере 1500 рублей — присуждена С. М. Козолупову и что решено пожертвованные во время конкурса еще 1000 рублей разделить между И. И. Пресом и Е. Я. Белоусовым.

Можно себе представить, каким радостным событием это было для Семена Матвеевича, его жены, для многочисленных друзей и почитателей его таланта. Получение этой премии дало возможность Семену Матвеевичу приобрести великолепную, уникальную виолончель итальянского мастера Андреа Гварнери, которая на всю жизнь стала его верным другом. На другой виолончели он никогда уже не играл публично.

Пресса уделила много внимания этому конкурсу. В газете «Русское слово» (1911, № 294) отмечался очень высокий уровень исполнения Семеном Матвеевичем всей программы и говорилось, что он «окончательно покорила жюри изумительной передачей d-moll'ной сюиты Баха № 2, написанной для виолончели solo». В «Русской музыкальной газете» (1912, № 2) говорилось, что Козолупов «отлично чувствует стиль каждого произведения», критика отмечала «гибкость звука», «теплоту фразировки».

Лето 1912 года Семен Матвеевич провел на гастролях в Павловске (под Петербургом). Симфонические концерты Павловского вокзала систематически проводились с конца 30-х годов XIX века и пользовались огромной популярностью. Программы этих концертов, как правило, были интересны по содержанию; приглашались великолепные дирижеры — отечественные и зарубежные, а также известные исполнители-солисты. Семен Матвеевич выступил в Павловске в том сезоне пять раз. Концерты, судя по прессе, были очень удачными. Постоянно обновляя свой репертуар, Семен Матвеевич включил в свои программы Концерт си минор Дворжака. Он рассказывал, что был очень счастлив впервые играть Концерт Дворжака с оркестром под управлением такого замечательного чешского дирижера, как Оскар Недбал. В то время Недбал был директором оркестра Венской филармонии, а также был известен и как превосходный альтист знаменитого чешского квартета.

«Во главе программы, — отмечалось рецензентом «Театра и музыки» (1912, 11 июня), — стояла „Фантастическая симфония“ Берлиоза. Солист вечера, молодой

виолончелист С. Козолупов выступил с труднейшим Концертом *h-moll* Дворжака. Перед нами был артист с прекрасным будущим. При наличии превосходной техники, у г. Козолупова мягкий, благородный, певучий тон. Сверх программы виолончелист сыграл с большим вкусом Баркаролу Кюи. И дирижера и виолончелиста многочисленная публика оценила по достоинству, оказав им самый радушный и теплый прием».

По приезде с гастролей Семена Матвеевича в Москве ждало неожиданное предложение, вписавшее еще одну страницу в его биографию. Осенью 1912 года открылась третья русская консерватория — в Саратове, и Семен Матвеевич был приглашен в число ее профессоров. Первым ее директором стал пианист Станислав Каспарович Экснер. Благодаря его усилиям Саратовские музыкальные классы в 1895 году были преобразованы в музыкальное училище, а затем на его базе была основана Саратовская консерватория. Экснер всю свою жизнь отдал делу музыкального образования в Саратове, и за большие заслуги в этой области ему в 1914 году было присвоено звание Почетного гражданина города Саратова. Вот от Экснера и пришло приглашение Семену Матвеевичу, на которое он ответил согласием. В августе этого года семья ожидала рождения второго ребенка (родилась вторая дочь — Галина), и в начале сентября семья отправилась в Саратов.

В консерваторию было приглашено много очень известных, талантливых музыкантов большой культуры и эрудиции. Иосиф Сливинский (1866—1930) — концертирующий пианист, ученик Ф. Лешетицкого и А. Рубинштейна, пользовавшийся европейской известностью. В 1927 году он был членом жюри Первого Шопеновского конкурса в Варшаве. Георгий Эдуардович Конюс (1862—1933) — профессор по классу теории и композиции и дирижер. Михаил Ефимович Медведев (1852—1925) — профессор по классу сольного пения, исполнитель партии Ленского в первом спектакле оперы Чайковского «Евгений Онегин», осуществленном силами студентов Московской консерватории. Матвей Леонтьевич Прессман (1870—1941) — ученик В. И. Сафонова. Александр Федорович Скляревский, окончивший в 1908 году Петербургскую консерваторию с золотой медалью, —

концертировавший на родине, а также в Европе и Америке. Исидор Анисимович Розенберг, окончивший Петербургскую консерваторию с золотой медалью. Несколько позже — пианист Борис Константинович Радугин (1887—1966), ученик А. Б. Гольденвейзера, и многие другие. Университетский город Саратов был крупнейшим культурным центром Поволжья. В Саратове родился Н. Г. Чернышевский. В 1878 году там был открыт музей А. Н. Радищева художником А. П. Богомоловым, внуком писателя. Известный русский художник В. Э. Борисов-Мусатов родился и прожил почти всю жизнь в Саратове. Там же в 1904 году родился и учился в театральной студии известного актера, любимца публики, И. А. Слонова будущий народный артист СССР Б. А. Бабочкин. В этом же году там родился А. М. Згуриди — впоследствии известный кинорежиссер, народный артист СССР. Уже в период пребывания в Саратове Семена Матвеевича там жили и работали замечательные медики — известный советский хирург, академик, ученый с мировым именем А. Н. Бакулев (1890—1967), крупнейший советский хирург, академик, лауреат Государственной премии С. И. Спасокукоцкий (1870—1943), выдающийся патофизиолог, впоследствии президент Академии наук УССР, лауреат Государственной премии А. А. Богомолец (1881—1946). Спасокукоцкий и Богомолец стали друзьями Семена Матвеевича, бывали часто в гостях у него. Дружба эта продолжалась потом долгие годы и в Москве.

Как рассказывал Семен Матвеевич, уже с сентября 1912 года работа в Саратовской консерватории шла полным ходом. Педагогический коллектив был почти полностью укомплектован, желающих учиться в консерватории было более чем достаточно, классы были заполнены, и работа кипела. Надежду Николаевну тоже привлекли к педагогической работе, и она вела в консерватории класс специального фортепиано. Сначала у Семена Матвеевича учились девять виолончелистов, но через два года их стало восемнадцать. Он вел также класс камерного ансамбля (в то время он назывался классом «совместной игры»). Судя по сохранившейся фотографии 1912 года, в классе «совместной игры» у Семена Матвеевича занимались более двадцати студентов.

В Саратов часто приезжали на гастроли известные музыканты, актеры, ансамбли, оркестры. Здесь концер-

С. М. Козолупов (Саратов, 1912)

тировали С. В. Рахманинов, Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, А. В. Нежданова, Л. Ауэр; композиторы А. К. Глазунов, М. М. Ипполитов-Иванов, А. С. Аренский, А. Т. Гречанинов, Р. М. Глиэр, А. Н. Скрябин, С. С. Прокофьев и многие другие. Культурная жизнь Саратова имела свои традиции: хорошо посещались концерты и театры, пресса, как правило, анонсировала концерты и неизменно их рецензировала.

Уже 10 ноября состоялся дебют отца — его концерт с пианистом И. А. Розенбергом. Это была его первая встреча с саратовской публикой, и он говорил уже после концерта, что очень волновался и беспокоился, не было ли заметно волнение. После этого концерта он прочно завоевал любовь саратовской публики. 13 ноября в «Саратовском вестнике» появилась рецензия: «Ни одно из музыкальных собраний текущего года не отличалось таким художественным успехом, как вечер 10 ноября. Этот успех несомненно обусловлен участием таких крупных артистических сил, как пианист И. А. Розенберг и виолончелист С. М. Козолупов. С блеском была исполнена концертантами соната Рихарда Штрауса ор. 6 в первом отделении. С редким успехом прошла и вторая часть вечера, когда были исполнены сюита Баха d-moll г. Козолуповым и Вариации Рамо, шопеновский ноктюрн, Кампанелла Листа г. Розенбергом. Многочисленная, избранная публика, переполнявшая зал Консерватории, устроила исполнителям шумные овации».

Об «артисте большого, строгого музыкального кругозора», о «полнозвучности тона, мастерстве владения штрихами, необычайной по своей чистоте и отчетливости беглости, умении ввести в атмосферу той композиции, которую исполняет», писал И. В. Липаев, корреспондент «Русской музыкальной газеты» (1913, № 6). В этом же месяце, 24 ноября состоялся концерт, где выступал организованный Саратовским отделением РМО квартет в составе: Я. Я. Гаек — первая скрипка, В. В. Зайц — вторая скрипка, Г. К. Ершов — альт и С. М. Козолупов — виолончель. В концерте участвовал и пианист М. Л. Прессман. Кроме бетховенских квартетов исполнялось Трио Чайковского. 6 декабря состоялся симфонический концерт под управлением профессора Г. Э. Колюса; солист — профессор С. М. Козолупов, исполнивший Концерт Сен-Санса. В рецензии в «Саратовском вестнике» (1912, 8 декабря) отмечались «благородный, сильный и полный тон, художественная фразировка,

полная красоты и выразительности, и безупречная техника...»

1913 год был также насыщен концертными выступлениями как в Саратове, так и в других городах. Все же Семен Матвеевич успевал интересоваться и новой, современной музыкой. 19 февраля он выступил в концерте с исполнением малоизвестного трио французского композитора В. д'Энди (для необычного состава — фортепиано, виолончель и кларнет) с пианистом Э. Гаеком и кларнетистом Лауном. В марте 1913 года из Москвы приехал дирижер К. С. Сараджев, и Семен Матвеевич играл с оркестром Концерт си минор Дворжака. Летом 1913 года он снова был на гастролях в Павловске и выступил в качестве солиста в нескольких симфонических концертах. Он исполнял концерты Давыдова, Сен-Санса, Вариации на тему рококо Чайковского и другие произведения. «...Превосходный виолончелист С. М. Козолупов своим певучим смычком и мастерской передачей Вариаций „Рококо“ Чайковского положительно очаровал слушателей», — писали рецензенты.

Очень много времени и внимания Семен Матвеевич уделял своей педагогической работе. С самого начала у него в классе учился Н. Э. Цеделер, бывший впоследствии многие годы профессором Саратовской консерватории. В течение ряда лет, приезжая в Москву, он всегда общался с нашей семьей и, конечно, не раз возвращался к своим впечатлениям давно прошедшего, но навечно оставшегося в памяти времени своей молодости, знакомства с Семеном Матвеевичем и со всей нашей семьей. Рассказывая о занятиях Семена Матвеевича с учениками, говорил, что Семен Матвеевич был увлечен педагогической работой, уделял ей много времени, был очень взыскателен и требователен и что ученики чувствовали, что работать нужно, отдавая все свои силы. Особенно Семен Матвеевич настаивал на том, чтобы все его ученики всегда участвовали в занятиях классов камерного ансамбля; он внушал, что навыки «совместной игры» совершенно необходимы для формирования настоящего музыканта. Участвуя в очень многих ансамблях, он показывал на деле свое личное отношение к камерной музыке, являясь живым примером для своих питомцев. Вместе с тем он был очень близок к своим ученикам, всегда интересовался их жизнью, интересами, устремлениями, их материальным положением. Он умел держать себя так, что у его учеников возникала потреб-

ность делиться с ним очень многим, иногда сокровенным. Ученики Семена Матвеевича бывали у нас дома. Наиболее способными Семен Матвеевич считал Цеделера, Бориса Иловайского и Наума Новогрудского.

Выступления учащихся в концертах проходили довольно часто и регулярно. Иногда в классах, в Малом зале, а иногда бывали открытые, публичные концерты. Происходили они большей частью по воскресеньям и анонсировались в «Саратовском вестнике», а также в афишах. Из учеников Семена Матвеевича, выступавших в открытых концертах, в прессе упоминаются Цеделер, Вепрейский, Новогрудский, Иловайский, Любкин и другие.

* *
*

Семен Матвеевич жил с семьей в одноэтажном, достаточно удобном доме на Малой Кострижной улице. В доме было семь комнат и огромная кухня с плитой и погребом.

Самой любимой комнатой всей семьи был «зал». Там находились инструменты, постоянно звучала музыка, проходили репетиции, занятия.

Каждый год там устраивалась большая рождественская елка. Дверь в «зал» запиралась до торжественного момента, когда зажигались свечи, бенгальские огни, и все домашние и гости приглашались в «зал».

Обычно Надежда Николаевна иллюстрировала начало праздника какой-нибудь торжественной музыкой. Под елкой, конечно, всегда лежали подарки для семьи, гостей и для всех, кто помогал содержать дом в чистоте и порядке.

Семен Матвеевич был замечательный семьянин. Он боготворил свою семью — детей, домашний уют, соблюдение семейных устоев, традиций, уклад жизни и огорчался, когда они почему-либо нарушались.

Летнее каникулярное время Семен Матвеевич всегда использовал для концертных поездок, а семья проводила лето под Саратовом, на Волге. Все очень любили первозданную, естественную природу — лес, реку, полевые цветы. Снимали сельский дом, на лошадях перевозили все необходимое и переезжали на все лето.

Семен Матвеевич старался планировать свои гастроли так, чтобы обязательно какое-то время насладиться отдыхом с семьей и на природе.

В последующие годы мастерство Семена Матвеевича продолжало совершенствоваться. Он много играл и в Саратове и в других городах. Особенно развернулась его исполнительская деятельность в 1914 году. В январе состоялся его сонатный вечер с профессором А. Ф. Складневским. В программе были сонаты Бетховена ля мажор ор. 69, Рахманинова ор. 19 и Бюльмана ор. 40. На этот концерт было несколько рецензий. Особенно была выделена интерпретация замечательной сонаты Рахманинова (ранее в Саратове не исполнявшейся). По словам рецензента «Саратовского вестника» (1914, № 6), артисты сыграли ее «с большой любовью и глубоким чувством. Гармония между произведением и его выполнением была полная». В другой рецензии, уже в «Саратовском листке» (1914, 19 января), также отмечалось одухотворенное исполнение сонаты Рахманинова, в сонате Бетховена «наряду с технической безукоризненностью чувствовалась основательная доля условно-классической строгости, местами производившей впечатление академической сухости». В феврале, в концерте-бенефисе симфонического оркестра под управлением И. И. Сливинского Семен Матвеевич и ряд других профессоров, желая принять участие в этом торжестве, сели в оркестр, что придавало праздничность этому событию. В марте, в своем концерте Семен Матвеевич играл старинную музыку, пьесы малой формы. Концерт имел большой успех.

25 марта состоялось чествование директора консерватории С. К. Экнера. В концертном отделении Семен Матвеевич с Надеждой Николаевной исполнили сонату Рубинштейна. Далее сольные выступления Семена Матвеевича были в сентябре и ноябре, прошедшие также успешно. В концерте памяти А. Рубинштейна в программу вошли Квартет для струнных инструментов и Трио для фортепиано, скрипки и виолончели Рубинштейна.

В эти годы в летние сезоны Семена Матвеевича неизменно приглашали в Павловск, где он всегда пользовался большой популярностью и любовью публики. Сохранилось много рецензий, в которых отмечались его «мягкий и нежный тон, несущийся вдаль», «художественный вкус и выразительность, при совершенной технике» и «благородство исполнения Концерта Гайдна D-dur». Семен Матвеевич концертировал и в других городах, в частности в Поволжье. Много раз бывал в

своим родным городе Оренбурге. Там он играл всегда со своей свояченицей, сестрой Надежды Николаевны пианисткой Верой Николаевной Федотовой-Малиновской, окончившей Московскую консерваторию по классу К. Н. Игумнова и проводившей большую исполнительскую и педагогическую работу в Оренбурге. Там же неоднократно в концертах выступало трио в составе В. Н. Малиновской, Семена Матвеевича и Г. Ф. Эстеррейха, того самого, который ранее, в отроческие годы Семена Матвеевича возглавлял казачий симфонический оркестр и немного учил его играть на скрипке. В рецензии на страницах оренбургской газеты говорилось: «Разумеется, выступления этого крупного артиста, которого многие из оренбуржцев помнят еще мальчиком, игравшим в казачьем оркестре, публика ожидала с большим нетерпением. И вот, перед нами г. Козолупов, уже в тоге профессора, артиста с большим именем, завоевавшего недавно на конкурсе виолончелистов первую премию. В игре г. Козолупова незаметно никаких усилий ни в широком выразительном звуке, ни в техническом мастерстве; в каждом движении смычка чувствовался законченный артист с чарующим тоном в кантилене и изумительной техникой, позволявшей ему совершенно легко справляться с труднейшими произведениями. Хотелось, чтобы С. М. Козолупов не ограничился одним выступлением в родном ему городе... Слушать игру такого большого художника чрезвычайно редкое наслаждение».

Весной 1916 года в Саратов приехал А. К. Глазунов. Это было большим музыкальным событием для саратовцев. Состоялся симфонический концерт, посвященный творчеству А. К. Глазунова, дирижировал автор. Семен Матвеевич был привлечен Глазуновым к исполнению с оркестром двух его пьес: «Песнь трубадура» и «Испанская серенада». Концерт прошел очень успешно. В рецензии особо отмечен успех, выпавший на долю профессора Козолупова. «....., Песнь трубадура“ и „Испанскую серенаду“ слушатели захотели услышать вторично», — подчеркивалось в «Саратовском вестнике» (1916, 21 февраля).

В своей педагогической работе Семен Матвеевич старался как можно чаще привлекать своих учеников к участию в концертах, поручая им исполнение различных ансамблей. Заслуживает упоминания один из таких концертов, состоявшийся 31 января 1916 года в Боль-

шом зале консерватории, который привлек особенно много публики и имел исключительный успех. Сохранилась отпечатанная программа с перечислением всех участвовавших. В этом концерте кроме исполненных отцом Сонаты Боккерини ля мажор, Концерта Гайдна ре мажор и Концерта Свендсена — прозвучал Реквием Поппера для трех виолончелей в исполнении С. М. Козолупова, Николая Цеделера и Михаила Козолупова. Заключительным номером программы была Ария Баха, исполнявшаяся в унисон Семеном Матвеевичем вместе с его восемнадцатью учениками в сопровождении струнного оркестра. Были великолепные отзывы об исполнении Семеном Матвеевичем его сольной программы, по поводу же впечатления от Арии Баха в рецензии из «Саратовского вестника» (1916, 2 февраля) было сказано: «Дивная Ария Баха в унисон, спетая концертантом со своими учениками, произвела фурор стройностью, чистотой интонации и красотой передачи... Партия ф-но в этом концерте находилась в опытных руках г-жи Федотовой-Козолуповой и г. А. Г. Руббаха».

Часто Семен Матвеевич концертировал в Киеве, где пользовался большим успехом и очень полюбился киевским музыкантам и публике. Его неоднократно и настойчиво приглашали работать в Киевской консерватории. К концу учебного 1916 года у Семена Матвеевича созрело решение принять очередное приглашение руководства Киевской консерватории (она была открыта в 1913 году) и войти в число ее профессоров. К тому времени там собралась целая плеяда талантливых музыкантов, среди них композитор Р. М. Глиэр (с 1914 года директор консерватории), пианист К. Н. Михайлов, скрипач М. Г. Эрденко, пианист и композитор В. В. Пухальский (он был первым директором консерватории), пианист Г. Н. Беклемишев, виолончелист Ф. В. Мулерт, вокалисты В. Ф. Цветков и О. М. Шперлинг, теоретик Б. Л. Яворский и многие другие.

Весь летний период прошел у Семена Матвеевича в раздумьях, в психологической подготовке к новому этапу его музыкальной жизни, общению с новыми товарищами по работе, хотя многих киевских музыкантов он знал хорошо и к тому же обладал необычайной способностью очень легко сходитьсь с людьми самого разного возраста и характера. Организационным заботам по переезду семьи на новое место тоже нужно было уделить много времени.

В середине сентября 1916 года состоялся «прощальный» концерт Семена Матвеевича в Саратове. Это был необычный концерт, очень трогательный. Зал не мог вместить всех желающих. Концертант играл с особым подъемом. Были шумные овации, много цветов, теплоты и сердечности. Семен Матвеевич заверил своих коллег и друзей, что Саратов он никогда не забудет и еще много раз будет играть на этой эстраде; и действительно, два его следующих концерта, уже в качестве профессора Киевской консерватории, состоялись в Саратове 22 февраля и 2 ноября 1917 года. В сентябре 1916 года семья Козолуповых уехала из Саратова, отправив багажом в Киев все вещи. Решено было, что Надежда Николаевна с дочерьми и няней, налегке, заедет погостить в Оренбург к матери — Ольге Сергеевне Федотовой, которую не видела несколько лет, и пробудет у нее, пока в Киев не придет багаж и не будет устроен наш новый дом. Проводив семью в Оренбург, Семен Матвеевич задержался там всего один день и затем выехал в Киев.

Об Ольге Сергеевне Федотовой хочется рассказать несколько подробнее. С юности она очень любила музыку и отдавала ей много времени. После окончания института стала вести класс фортепиано в женской гимназии. Там она познакомилась с учителем пения Н. Н. Федотовым и вскоре вышла за него замуж. У Ольги Сергеевны было пять человек детей — четыре дочери и сын, овдовела она рано и справляться с такой семьей ей было непросто. В конце 90-х годов прошлого века семьей Федотовых были организованы первые и единственные в Оренбурге «Музыкальные классы О. С. Федотовой». Работу вели несколько педагогов, преподававших фортепиано и скрипку.

Всем своим детям Ольга Сергеевна дала высшее музыкальное образование. Это было материально сложно, но все, что возможно, было сделано. Старшие дочери учились в Московской консерватории — у К. Н. Игумнова, А. Б. Гольденвейзера, А. А. Ярошевского и И. В. Гржимали. Младшая дочь окончила Сорбонну в Париже.

* *
*

Семен Матвеевич по приезде в Киев со всей своей неумемной энергией включился в очень интенсивную многогранную музыкальную жизнь этого города — исполни-

тельскую и педагогическую. Он вошел в состав квартета, участниками которого были М. Г. Эрденко (первая скрипка), С. К. Каспин (вторая скрипка) и С. М. Пруслин (альт). Уже 16 октября 1916 года квартет выступил в концерте, посвященном творчеству Бетховена. За очень короткое репетиционное время Семену Матвеевичу удалось органично влиться в ансамбль; три его партнера ранее уже играли вместе. В рецензии, опубликованной в «Киевской мысли» (1916, № 290), говорилось: «...несмотря на свое крупное индивидуальное дарование, г. Козолупов с художественным тактом растворился в общем исполнении, и, хотя г. Козолупов всячески старался не выделять свою пленительную игру, передача бетховенского стиля отличалась у виолончелиста чрезвычайной многогранностью».

27 октября в Киеве состоялся первый симфонический концерт осенне-зимнего сезона под управлением С. Н. Василенко. Солистом в этом концерте выступил Семен Матвеевич, исполнив с оркестром Концерт Гайдна. В газетах отмечались «классическое благородство» трактовки, «мягкий и ласкающий тон виолончелиста» и его «виртуозные данные, особенно ярко проявившиеся в каденции к первой части Концерта». Сверх программы на бис был исполнен Ноктюрн Василенко (в сопровождении оркестра), а также еще две пьесы русских авторов. Несколько раз выступил Семен Матвеевич и в симфонических концертах, которыми дирижировал Р. М. Глиэр, неоднократно исполняя произведения русской и западной классики. Особым успехом пользовались в его интерпретации Вариации на тему рококо Чайковского.

6 ноября очень успешно прошел и сольный его концерт. В программу вошли старинные сонаты Боккерини, Биркенштока, Эккльса, Локателли и другие. Много пьес было сыграно сверх программы, в том числе и Каприччио Кленгеля. Обладая редчайшим по своему качеству штрихом сотийе, Семен Матвеевич всегда производил фурор исполнением этой пьесы, бросая ее, как шутку, в зал. В общем-то эта труднейшая пьеса исполнялась им с удивительным мастерством и легкостью.

В этот же период по инициативе Семена Матвеевича был объявлен цикл сонатных вечеров, в которых участвовали пианисты профессора В. В. Пухальский и Г. Н. Беклемишев.

Первый сонатный вечер с Владимиром Вячеславовичем Пухальским состоялся 16 ноября. Концерт привлек

к себе большое внимание музыкальной общественности Киева. Исполнялись три сонаты Бетховена: фа мажор ор. 5 № 1, соль минор ор. 5 № 2 и ля мажор ор. 69 № 3. В газете «Киевлянин» (1916, № 321) была помещена пространная статья рецензента А. Каневцева, который приравнивал сонатный ансамбль Пухальского и Козолупова по своей значимости и таланту участников к ансамблям Ауэра и Есиповой, Сафонова и А. Хеккинга де Нанси, доставлявшим слушателям огромное эстетическое наслаждение. «...Гг. Пухальский и Козолупов по силе созданного впечатления ничуть не уступают вышеупомянутым концертантам и также надолго останутся в памяти у посетивших этот концерт, благодаря редкому художественному подъему, произведенному гг. Пухальским и Козолуповым, слившимися в одно целое в их отличном толковании трех гениальных сонат Бетховена». О выступлении «исключительного ансамбля» была также рецензия в газете «Киевская мысль» (1916, № 323).

Второй сонатный вечер состоялся 28 ноября. На этот раз партнером Семена Матвеевича был Г. Н. Беклемишев. В программе были сонаты русских авторов — Рубинштейна, Рахманинова и молодого композитора А. И. Юрасовского. В газете «Киевлянин» (1916, № 333) отмечалось: «...в последнее время, особенно в текущем сезоне, в музыкальной жизни Киева наблюдается небывалый раньше подъем. У киевской публики увеличились потребность и интерес к серьезной музыке... Успеху сонатных вечеров много способствовало также и участие в них новой музыкальной силы — превосходного виолончелиста С. М. Козолупова, заслужившего, в сравнительно короткое время, большие симпатии у киевской публики». Особо было выделено в рецензии исполнение сонаты Рахманинова: «...Чудная соната, одинаково интересная во всех четырех частях, произвела на аудиторию огромное впечатление. Гг. Беклемишев и Козолупов сделали все возможное для того, чтобы вызвать единодушный восторг аудитории, и пожали обильные лавры успеха». Третий сонатный вечер с профессором Г. Н. Беклемишевым состоялся в декабре этого же года. Они играли сонаты Сен-Санса (ор. 32), Франка (транскрипцию Скрипичной сонаты) и Сонату Бозльмана.

Занятия в консерватории с виолончелистами Семен Матвеевич начал с самых первых дней своего пребывания в Киеве. Среди его учеников был и Н. Э. Цеделер,

приехавший из Саратова продолжать свои занятия. Талантливыми учениками были С. Б. Фейгин (много лет впоследствии работавший в Гастрольно-концертном объединении в Москве), И. М. Буравский (в течение длительного периода занимавший место солиста в оркестре Большого театра в Москве) и многие другие.

И. М. Буравский в личной беседе с автором этой книги в декабре 1981 года рассказывал, что на уроках Семен Матвеевич отдавал себя полностью, занимался много и горячо, был очень требователен. За сравнительно короткий срок давал такую «закваску», которой хватало на долгие годы; именно она определяла то отношение к делу, которое ученики Семена Матвеевича старались сохранить на всю свою жизнь. И. М. Буравский с глубоким уважением вспоминает и чтит Семена Матвеевича и его заветы, давшие ему возможность долгие годы быть солистом оркестра Большого театра и участником квартета имени Большого театра.

Семен Матвеевич очень тосковал по семье. Его очень тревожило, что приезд наш в Киев задерживался. Наш багаж не только с роялем, мебелью, но и со всеми необходимыми вещами — бельем, зимней одеждой, обувью и т. п. был из Саратова отправлен, но до Киева не дошел и пропал бесследно.

Летом 1917 года отец приезжал к нам в Оренбург, очень соскучившийся, но такой же энергичный и неунывающий. Он провел с нами, вероятно, месяца два, конечно выступил несколько раз с концертами и к началу учебного года, оставив нас у бабушки, вернулся в Киев. Там он застал мощные демонстрации рабочих и солдат. Гражданская война, вспыхнувшая в стране после Октябрьской революции 1917 года, очень остро протекала на Украине. Киев неоднократно переходил из рук в руки, вскоре занятия в консерватории прекратились, музыкальная жизнь города также затихла. Семен Матвеевич очень беспокоился об оставленной в Оренбурге семье, тем более зная о том, что в апреле Надежда Николаевна ждала третьего ребенка. Он воспользовался предложенными ему гастролями; стараясь приблизиться к Оренбургу, он часто подолгу застревал в пути из-за нерегулярного железнодорожного движения.

* * *

В Оренбурге обстановка была очень сложная. Несколько раз его захватывали белогвардейцы. Вся наша

большая семья продолжала жить в том же доме, где находились «Музыкальные курсы». Дом стоял на высоком берегу Урала. Недалеко от дома возвышалась церковь, с колокольни которой корректировали прицел орудий. Все это было видно из окон нашего дома. Как только начинался бой — все мы спускались в подвал, иногда на довольно долгий срок, забирая с собой что-то из еды и одеваясь потеплее. Сначала было очень страшно, но потом мы привыкли. В дом все же попал один снаряд, пробивший стену, но не разрушивший ее, а сделавший очень аккуратную дыру. Эту дыру в дальнейшем успешно залатали.

Конечно, в это тяжелое время работа всех учебных заведений, в том числе и «Музыкальных курсов», да и вообще музыкальная жизнь города были нарушены. Трудно было во многих отношениях. Приходилось изощряться, чтобы накормить семью, состоящую из одиннадцати человек, из которых пятеро были дети.

Во второй половине января 1918 года Семену Матвеевичу не без труда удалось пробиться к нам в Оренбург. Его приезд был для всех нас большой, неожиданной радостью. Уже на второй день по прибытии его попросили зайти в подотдел искусства и обратились с просьбой помочь наладить, по возможности, работу музыкальной секции, на что он, конечно, тут же согласился.

Для начала он предложил отыскать и собрать детей, учившихся в младших классах «Музыкальных курсов», и в короткий срок подготовить публичный концерт. Это предложение было принято, и для концерта предоставили зал первой женской гимназии. Для проведения этого концерта Семен Матвеевич оперативно мобилизовал Надежду Николаевну, других своих родственников; помогали еще и некоторые оренбургские педагоги. Концерт прошел очень успешно и привлек много соскучившихся по музыке слушателей.

Следующий публичный концерт был подготовлен силами учеников старшего курса и прошел еще интереснее. В этом концерте участвовал талантливый пианист — К. Г. Шотниев, ученик Надежды Николаевны, которая с того времени, как семья застряла в Оренбурге, включилась в педагогическую работу на «Музыкальных курсах». Он подготовил Сонату Грига для фортепиано и виолончели. Так как достаточно сильного виолончелиста не нашлось, Семен Матвеевич решил принять участие

в этом ученическом концерте, исполнив партию виолончели, чем очень оживил концерт.

Конечно, состоялся и долгожданный сольный концерт Семена Матвеевича, однако программа его не сохранилась.

Нам пришлось пережить еще одно вторжение в город белогвардейцев, но с начала 1919 года Оренбург был окончательно освобожден войсками Красной Армии.

В апреле 1918 года в нашей семье родилась третья дочь — Марина. Семен Матвеевич надеялся получить сына, но увы! Когда семейный совет выбирал ей имя, он в этом участия не принимал, но сказал: «Выбирайте, выбирайте, но пока она будет называться Васей»; и действительно, довольно долгое время так ее и называл. Вообще-то, время было очень трудное во всех отношениях, и если бы не приезд отца и не дружная, сплоченная семья, то было бы еще во сто крат труднее. Семен Матвеевич продолжал участвовать в организации музыкально-педагогической и концертной жизни города. Он был удивительный оптимист, никогда не унывал, во всем умел найти хорошие стороны, чувство юмора не покидало его, и он заражал им окружающих.

* *
*

Летом 1919 года Семен Матвеевич решил навестить свою родную станицу Краснохолмскую, повидаться с отцом и старшим братом Николаем. Он единственный из братьев не воспитывался в казачьем оркестре и всю жизнь прожил с семьей в станице. Остальные братья были музыкантами и давно разлетелись в разные стороны.

Семен Матвеевич с Надеждой Николаевной поехали в станицу, взяв с собой двух старших дочек. Это было очень интересное путешествие. Ехали мы туда на лошадях в двух телегах. Так как была сильная жара (лето там всегда очень жаркое), то путешествие началось часов в пять вечера, а до места добрались на следующий день, часов в одиннадцать утра.

Впечатление от степи осталось незабываемое. Въехали мы в нее, когда она была еще знойной и по своему душистой. То неподвижная, то мягко поддающаяся легким порывам теплого, почти горячего ветра, она склонялась верхушками густых высоких трав, большими волнами уходящих вдаль. Дорога шла среди бес-

конечных степных просторов. Бесперывная, звенящая трескотня кузнечиков, которую перестаешь уже ощущать, находясь как бы в тишине. Запах лошадей, их дыхание, фыркание, запах кожаных упряжек и безропотный, бесконечный шаг. Потом привал, кормежка и отдых лошадей, возниц и нас всех, краткий сон, неожиданная свежесть и влажность раннего утра с его уже новыми ароматами трав, неповторимыми, степными. Огромный, багровый шар солнца, поднимающийся прямо из травы, пока еще позволяющий смотреть на себя — не палящий.

В станице всех нас радушно встретили отец Семена Матвеевича с супругой и брат Николай с семьей. Тут же всех окружили товарищи-ровесники Семена Матвеевича, вспоминали детские годы, юность. У всех уже были семьи, детвора. А старики обнимали, хлопали по плечу и слышались восклицания: «Семка, да неужто это ты, да батюшки, и жену с собой привез (Надежду Николаевну тоже хлопали по плечу), а сын где, сынок-то где? Ах ты, паршивец, и как только ты в Урале не утонул? Мы-то все твои проделки помним!» Семен Матвеевич чувствовал себя абсолютно естественно, со всеми находил общий язык, всем интересовался.

Вторая жена дедушки, Надежда Николаевна была очень радушна, чувствовалось, что это волевая женщина, твердой рукой она вела хозяйство и держала Матвея Ивановича в строгости. В одном только вопросе справиться с ним не могла и входила во гнев, жалуясь Семену Матвеевичу, что «старый пень» по сию пору уделяет слишком много времени пению в хоре и спевкам, хотя, по ее мнению, голоса-то у него уже давно никакого нет, и что из-за этого пения страдают хозяйственные дела. Семен Матвеевич улыбался и говорил: «пусть лучше поет, чем ворчит».

Пробыли мы в гостях, вероятно, недели две-три. Много было для нас новым и поучительным.

Очень интересной была поездка на бахчи, где росли арбузы, дыни и тыквы. Кажется, за всю последующую жизнь мы не видели такую массу этих плодов, из которых каждый экземпляр мог бы получить гран при на любой выставке. Матвей Иванович ударял по арбузу большим ножом, арбуз разваливался, и мы, получив по огромному куску, вгрызались в него по уши. Конечно, много раз купались в Урале.

Обратно ехали не в телегах, а на арбе, и не на лошадях, а на волах. Высокая арба, наполненная душистым

сеном, как бы плыла, покачиваясь и переваливаясь, а черное звездное небо следовало за нами, — было удобно, мягко, и обратный путь показался нам значительно короче.

Недолгое время, проведенное в станице, своеобразная жизнь, новые люди, их интересы, работа, семейный уклад, а главное, совершенно особенная природа остались в памяти до сих пор. И мне кажется, что многие черты Семена Матвеевича — его самобытность, сила характера, прямота, крепость духа, выносливость, большая духовная чистота и щедрость, а также любовь к природе — сформировались еще в трудные детские и отроческие годы, проведенные в станице.

* *
*

Семена Матвеевича тяготили узкие рамки его музыкальной и общественной деятельности в Оренбурге. При его колоссальной жизненной, творческой энергии это и не могло быть иначе — он должен был отдавать себя полностью, использовать все свои способности, в особенности в это тяжелое время, когда многое нужно было строить заново, организовывать. Вернуться в Киев он не имел возможности, так как там в 1919 году у власти была буржуазно-кулацкая «Директория» во главе с Петлюрой, а в 1920 году началось наступление белополяков.

В 1920 году Семен Матвеевич получил приглашение из Саратова, которое он принял, не побоявшись жизненных трудностей в городе, о возможности которых был наслышан. Он был избран директором Саратовской консерватории.

Оренбургские власти решили помочь Семену Матвеевичу и его семье с переездом, предоставив товарный вагон, который должны были прицепить к попутному эшелону с войсками. Наш багаж состоял тогда из беккеровского рояля, отданного нам Ольгой Сергеевной, виолончели, кое-какого, весьма скромного гардероба, семьи из шести человек и козы. Последняя была едва ли не самым ценным из перечисленного, так как никто не мог предположить, сколько времени мы будем в пути и как скоро кончится провиант, взятый нами в дорогу. Коза же каждый день исправно снабжала нас молоком. Нужно сказать, что семью подкармливали и из общего военного котла, так как все очень сердечно отно-

сились к нашему семейству. А уж когда папа с мамой на одной из долгих стоянок, которых было очень много, дали концерт — это покорило всех полностью.

Ехали мы до Саратова около двух недель. Это был конец августа. Прибыли рано утром. Вагон наш отогнали в тупик, что не придало нам бодрости. Вскоре Семен Матвеевич отправился в город сообщить о нашем прибытии. Костюм у будущего директора явно не выглядел отутюженным, но походка и осанка вполне соответствовали. Нас поселили в торце здания консерватории, изолированном от учебных и административных помещений.

1920—1921 годы были очень тяжелыми: голод, холод, холера, сыпняк, трудности с лекарствами. Хозяйство Саратовской консерватории было в полном беспорядке. Но ничто не наполняло душу Семена Матвеевича холодом. Жизнь всегда была в нем ключом. Он часто говорил, как бы в утешение, хотя никто из нас никогда и не роптал: «Ну что ж — время трудное, на то и человек, чтобы облегчать его».

Эти два года были у него очень бурными. Он и преподавал, и играл, и дирижировал циклами симфонических концертов, и много времени уделял заботе о быте коллектива, который нелегко было облегчить и улучшить в то тяжелое время. Здесь он многого добивался, показав себя недюжинным администратором и чутким товарищем. Его человечность, умение и желание понять тех, с кем он общался, вероятно, в какой-то мере вытекали из его многотрудных детства и юности. Семен Матвеевич сумел сплотить вокруг себя коллектив. Занятия в консерватории, несмотря на тяжелые условия, удалось общими усилиями наладить в довольно короткое время. Были созданы комиссии по сбору музыкальных инструментов; нотный фонд также нужно было пополнять и приводить в порядок. Из Петроградской консерватории переехали в это время в Саратов пианист профессор Н. А. Дубасов, дирижер К. С. Сараджев и бас Н. Н. Сперанский, который привез с собой собственную огромную симфоническую библиотеку. Начались циклы концертов: сольные, симфонические. В программу некоторых входили фрагменты из опер. Интерес к музыке возрастал, зал почти всегда был заполнен до отказа. Увеличивался и контингент учащихся. Дочери Семена Матвеевича Ирина и Галина уже учились на младшем отделении у мамы в классе, участвовали в уче-

нических концертах. Когда семье пришлось обменять наш «Беккер» на барана, мы очень рано вставали и бегали заниматься в классы консерватории до начала занятий.

Тяжелым горем для всей семьи была смерть нашей няни. Это потрясло нас всех. Я в первый раз видела отца плачущим, и на меня это произвело глубочайшее впечатление.

Большим подспорьем в питании были организованные для детей города пункты, где каждый день выдавали порцию «супа» с чечевицей или горохом. Порцию эту полагалось съесть на пункте, выносить запрещалось. Мы с Ириной подходили по возрасту, были включены в списки получавших и ежедневно пользовались этим, имея при себе миску и ложку.

Коза наша исправно давала нам молоко, но кормили мы ее в зимнее время с трудом, хотя летом и запасались сеном. Однажды дверь в ее клетушку, вероятно, небрежно закрыли, она сумела выйти, поднялась по лестнице и вошла в коридор консерватории, как видно искала нас, но повернула не направо, а налево и попала в фойе перед залом, где заседал большой художественный совет. Услышав голоса, она рогом толкнула дверь и вошла в зал. Это произвело просто фурор. Совет замер в молчании. Семен Матвеевич был вне себя, так он был расстроен и сердит. На следующий день в стенной газете, имевшей шумный успех, было в красках и рисунках изображено, как коза директора принимала участие в художественном совете, что совсем уже доконало его. Когда он распекал Ирину за небрежность, то все мы не могли не смеяться, представляя себе эту картину, и в конечном счете стал смеяться и он.

* *
*

В январе 1922 года Семен Матвеевич получил письмо от ректора Московской консерватории М. М. Ипполитова-Иванова с приглашением вступить в число профессоров Московской консерватории. В случае согласия, подтверждения которого он ожидает, Ипполитов-Иванов просил Семена Матвеевича прибыть в Москву не позднее 1 февраля 1922 года. Семен Матвеевич приглашение принял с благодарностью, но просил отсрочить его приезд в Москву до сентября, так как не считал возможным оставить Саратовскую консерваторию в се-

редине учебного года без директора и его забот; на эту отсрочку было получено согласие из Москвы. А пока его педагогическая и концертная деятельность в Саратове продолжалась. Семен Матвеевич успевал концерттировать также и в близлежащих городах.

Однажды он приехал с концертами в город Петровск, недалеко от Саратова. Там совершенно случайно он узнал о талантливом пятнадцатилетнем мальчике-виолончелисте и захотел с ним познакомиться. Услышав его игру и угадав блестящие возможности, он убедил родителей послать мальчика в Москву, сказав, что с сентября этого года будет преподавать в Московской консерватории и обязательно возьмет его к себе в класс. Пятнадцатилетним мальчиком был С. Н. Кнушевицкий, в будущем выдающийся концертующий виолончелист, великолепный камерный исполнитель, музыкант широкого диапазона, обладавший несравненным, изумительным звуком. С 1922 года он учился у Семена Матвеевича, был самым любимым его учеником, а впоследствии большим близким другом и коллегой, много лет преподавая в Московской консерватории.

В августе Семен Матвеевич дал в Саратове два «прощальных» концерта, прошедших особенно тепло и сердечно. Были бесконечные овации. Рояль был буквально завален цветами, они лежали и на полу, по всему пути в артистическую. Такая атмосфера вызывала какое-то особое настроение у всех присутствующих. Семен Матвеевич и Надежда Николаевна были растроганы и взволнованы до слез. Они играли очень много пьес сверх программы — все, что желала публика.

* *
*

В Москве Семена Матвеевича с семьей должны были поселить в правом крыле здания консерватории. Там тогда жили некоторые профессора, в том числе А. Ф. Гедике, П. А. Ламм, также и посторонние. Кого-то из не имеющих отношения к консерватории должны были переселить. Накануне нашего отъезда, в августе заболела скарлатиной маленькая Марина. Ее срочно положили в больницу вместе с Надеждой Николаевной. Все обошлось благополучно, но карантин длился шесть недель и семья не могла выехать точно в срок. В эти дни в Москве вышел декрет о запрещении каких бы то ни было переселений и выселений даже из ведомственных

квартир. С жилплощадью в Москве было чрезвычайно трудно. Семье, собственно, некуда было въехать. Но мир не без добрых людей. Нас временно, до получения жилья приютил у себя друг Семена Матвеевича, виолончелист из оркестра Большого театра — Алексей Федорович Герасимов, чудесный человек, которого мы «временно» обременяли, вероятно, год, если не дольше. В небольшой квартире жили теперь десять человек, из них пятеро детей. Квартира находилась довольно далеко от центра; там мы и приютились, стараясь как можно меньше досаждать нашему добросердечному хозяину. Альтруизм наших друзей, их доброта и терпение были просто удивительны.

Мы с Ириной бегали на концерты в консерваторию, в большинстве случаев пользуясь санным, гужевым транспортом, обычно ехавшим порожняком по бесконечной Пименовской улице в центр. Мы обращались к возницам с жалостной просьбой: «дяденька, подвези, пожалуйста», и почти всегда слышали: «...э... садись!» Это был для нас самый удобный и быстрый способ передвижения.

Первый год в Москве был для семьи несколько сумбурным. Семен Матвеевич едва успевал справляться с занятиями и с ежедневными посещениями учреждений, ведавших жилищными вопросами. Нельзя было пропустить шанс, который мог внезапно представиться. Однажды в консерватории Семен Матвеевич встретил Г. Э. Конюса, с которым его связывала многолетняя дружба. Георгий Эдуардович, зная наше бедственное квартирное положение, сообщил Семену Матвеевичу, что в доме, где он живет, сегодня из квартиры выезжает, освобождая большую комнату, нэпманша Туранова, так, может быть, он успеет, как «первоочередник», получить эту комнату? Семен Матвеевич, чуть не бегом, пустился по своей протоптанной дороге в жилотдел и, к своему удивлению и восторгу, получил ордер. В этот же день мы с частью вещей вселились в эту комнату и не выходили из нее до полного оформления документов.

Теперь наконец у нас была своя, очень большая комната в Швецком переулке, в доме № 3, в пяти минутах ходьбы от консерватории. Этажом ниже, в двух комнатах большой квартиры жил с семьей Г. Э. Конюс, а в свое время всю эту квартиру занимала музыкальная школа, открытая Львом Эдуардовичем Конюсом, в которой с 1908 по 1912 год Семен Матвеевич, как я упоми-

нала выше, впервые начал вести свою педагогическую работу. Это территориальное совпадение его просто умиляло — знакомый дом, знакомая лестница. Наша комната находилась в общей квартире, где кроме нас жило еще шесть семейств. Удобства оказались самые примитивные, но счастливы все мы были безмерно. Через некоторое время эту комнату с помощью фанерных перегородок разделили на три комнаты и начали немедленно, одновременно и непрерывно играть в каждой из них. Занимался Семен Матвеевич сам и часто с учениками; приходили ученики и к Надежде Николаевне, она вела класс специального фортепиано в Музыкальном техникуме имени Скрябина, а вскоре стала вести и курс общего фортепиано в Московской консерватории. Играла на рояле Ирина, занималась и я — на рояле (по классу специального фортепиано я училась у мамы в музыкальном техникуме), а также на виолончели; в 1924 году отец наконец начал меня учить (мне было уже двенадцать лет), шестилетняя Марина начала играть на скрипке. Можно только преклоняться перед жильцами нашей квартиры, которые столько времени (мы ведь там жили более пятнадцати лет) не только терпели нас, но даже почти каждый день приглашали заниматься у себя в комнатах и разрешали играть по вечерам на кухне.

В этой квартире бывали большие музыканты — играли, спорили, решали насущные проблемы, репетировали концертные программы. Часто бывали композиторы со своими произведениями, профессора консерватории, педагоги школ со своими питомцами, друзья, товарищи по искусству. Здесь работал с отцом Р. М. Глиэр, репетировали программы сонатных вечеров отец с Г. Г. Нейгаузом, здесь был гостем в доме известный виолончелист Фейерман, много раз гастролировавший у нас в стране и подружившийся с отцом. Бывали и те, кто только мечтал приобщиться к большому искусству, мечтал учиться, — приезжали и приходили, часто прямо с поезда. И как отраднo потом было видеть, когда они добивались свершения своей мечты. В этой квартире проходила бурная, полная музыки, вдохновения, труда, радостей и огорчений жизнь.

* * *

*

В 20-х годах в Московской консерватории сосредоточился огромный коллектив крупнейших музыкантов

всех специальностей, можно сказать, цвет музыкальной культуры. Достаточно назвать композиторов и музыковедов М. М. Ипполитова-Иванова, Р. М. Глиэра, С. Н. Василенко, Н. Я. Мясковского, А. Ф. Гедике, М. Ф. Гнесина, Г. Э. Конюса, М. В. Иванова-Борецкого, Б. Л. Яворского, А. Н. Александрова, Н. А. Гарбузова, виолончелиста А. А. Брандукова, контрабасиста И. Ф. Гертовича, пианистов — Ф. М. Blumenфельда, А. Б. Гольденвейзера, К. Н. Игумнова, Г. Г. Нейгауза, С. Е. Фейнберга, Е. А. Бекман-Щербину, скрипачей — Л. М. Цейтлина, А. И. Ямпольского, Б. О. Сибора, К. Г. Мостраса, Е. М. Гузикова, альтиста В. Р. Бакалейникова, мастеров хорового искусства А. Д. Кастаньеского, П. Г. Чеснокова и Н. М. Данилина, оперно-симфонического дирижера и пианиста Н. С. Голованова, вокалистов Н. Г. Райского, В. Н. Петрову-Званцеву, Н. И. Сперанского, У. А. Мазетти и М. В. Владимирову, арфистку К. А. Эрдели, великолепных духовиков — С. В. Розанова (кларнет), М. П. Адамова (труба и корнет-а-пистон), В. М. Блажевича (тромбон), М. И. Табакова (труба), В. Н. Цыбина (флейта), И. И. Костлана (фагот), Н. Н. Солодуева (гобой). Чтобы представить себе, что мог значить и свершать такой коллектив в единении и общении, не нужно иметь большого воображения. Быть может, я затруднила читателя столь длинным перечислением тех, кто украшал Московскую консерваторию в 20-х годах, но я твердо уверена, что особенно многогранная музыкальная деятельность отца, столь широкий и плодотворный размах его педагогической работы во многом определились именно в тесном общении и совместной работе со всеми этими музыкантами.

Начиная с 1922 года класс отца насчитывал обычно от пятнадцати до двадцати человек. У него учились способные и талантливые виолончелисты, различные по своему дарованию и складу характера. Каждому очень важно найти свой правильный путь в жизни, отец его нашел не без труда, и может быть, поэтому он считал себя обязанным помочь найти правильную дорогу каждому из тех, кто приходил к нему учиться, помочь стать музыкантом — в самом широком смысле слова. Он умел не штамповать своих питомцев, а раскрывать и развивать лучшее в индивидуальных возможностях каждого. В 1926—1927 годах в классе у Семена Матвеевича было двадцать учеников, среди них:

С. З. Асламазян — великолепный виолончелист, народный артист Армянской ССР, лауреат Государственной премии, лауреат первой премии на конкурсе смычковых квартетов (1938), участник прославленного квартета им. Комитаса, непревзойденный мастер переложений, обработок, инструментовок, профессор Московской консерватории по классу виолончели и классу квартета в течение сорока лет;

С. Н. Кнушевицкий — выдающийся виолончелист нашего времени, концертировавший всю жизнь, лауреат первой премии на Первом всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей в 1933 году, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель искусств РСФСР, участник (наряду с Д. Ф. Ойстрахом и Л. Н. Оборным) прославленного трио, свыше двадцати лет профессор Московской консерватории;

Л. С. Гинзбург — крупный советский музыковед, историк и методист. Автор многочисленных трудов по истории виолончельного искусства. Доктор искусствоведения. Создатель курса «Истории и методики преподавания смычкового исполнительского искусства» (вошедшего в учебные планы консерватории), который он читал. Профессор Московской консерватории в течение сорока пяти лет;

С. Б. Фейгин — талантливый виолончелист, не успевший окончить у Семена Матвеевича Киевскую консерваторию в связи с событиями революционного времени. Он всю жизнь занимался исполнительской деятельностью, успешно работая в Гастрольно-концертном объединении в Москве;

Р. Е. Сапожников, окончивший консерваторию и аспирантуру, — виолончелист-исполнитель, игравший в различных ансамблях и оркестрах, но сосредоточивший наибольшее свое внимание на методической и педагогической работе, автор многих трудов по методике игры на виолончели. Кандидат искусствоведения, с 1946 года по настоящее время доцент Музыкально-педагогического института имени Гнесиных по классу виолончели. Там же в течение многих лет вел курс методики;

Д. Б. Любкин — был замечательным педагогом, глубоко постигшим школу Семена Матвеевича Козолупова и удивительно преданно любившим свое дело. Блестящие результаты его работы заслужили широкую известность и огромное уважение. Семен Матвеевич очень ценил его и впоследствии пользовался его помощью,

как своего ассистента, в училище и в институте имени Гнесиных.

Все бегло упомянутые выше — ученики первого выпуска Семена Матвеевича в Московской консерватории — общались с ним всю свою жизнь, они как бы прикипели к нему, превращаясь постепенно из его учеников в близких друзей, коллег и соратников, пронеся уважение и любовь к нему через всю свою жизнь.

С 1925 по 1928 год в классе у Семена Матвеевича занимался в аспирантуре С. П. Ширинский, учившийся в консерватории у А. Э. Фон-Глена и окончивший ее в 1923 году по классу А. А. Брандукова.

* *

*

Со времени получения постоянного жилья осенью 1923 года, на первом оседлом месте, у себя дома, стал формироваться и уклад жизни семьи, складывались определенные традиции.

После того как были сооружены фанерные перегородки, мы постепенно стали обзаводиться кое-какой мебелью. Это, конечно, в то время материально было довольно сложно, и на первых порах семья довольствовалась самыми примитивными удобствами. Никто не был избалован. Но постепенно стало уютно и даже красиво. Конечно, было тесновато, семья состояла из шести человек, так как со следующего года каждую зиму с нами жила Ольга Сергеевна, проводившая лето в Оренбурге, у старшей дочери Веры. Для семьи Семен Матвеевич обычно снимал летом сельский домик где-нибудь в Подмосковье. Ольга Сергеевна просто обожала отца, и он к ней относился весьма бережно, по-сыновнему.

Отец по своей натуре был человеком темпераментным, горячим, но добрым, а доброта, при осознании исключительной своей нравственной силы, — необычайная, великая вещь, может быть данная не очень многим. Сделав добро людям, он никогда не старался дать это почувствовать. Отец был обыкновенен и прост. Он был весьма привержен к соблюдению сложившихся семейных устоев. Очень ревностно относился к порядку, не мог работать, если он не был «наведен», а так бывало нередко, потому что все, от мала до велика, были настолько заняты, что многого делать вовремя просто не успевали. Приходилось выбирать главное. Надежда

Николаевна этим главным и первоочередным считала занятия, Семен Матвеевич, в общем-то, тоже так считал, но все же на эту тему у них бывали дискуссии. Иногда Семена Матвеевича можно было видеть с половой щеткой в руках, чистота пола была у него почти навязчивой идеей, над чем Надежда Николаевна не уставала иронизировать. Вообще же мы знали, что он великолепно умел гладить брюки, стирать, содержать в чистоте обувь, не потому, что ему нужно было это делать самому теперь, когда его окружали члены семьи, всегда готовые сделать для него все нужное, а потому, что все это ему приходилось делать самому на протяжении многих лет, когда в отрочестве и юности он жил на казарменном положении, которое многому его научило так прочно, что навыки этого у него сохранились на всю жизнь. Он нам их демонстрировал, и мы знали, что он всегда мог дать должную и справедливую оценку всему сделанному нами по хозяйству.

Семен Матвеевич не был педантом, но очень аккуратен был во всем. Точно без пятнадцати минут десять он выходил из дома в консерваторию и ровно в десять часов входил в класс. Такой же аккуратности требовал от учеников. Он чувствовал себя хорошо только в атмосфере порядка. Очень любил, чтобы дома трапезы происходили в определенные часы и чтобы вся семья собиралась за столом вместе, поэтому мы все старались, по возможности, приспособить свое расписание к этому распорядку. Сходились всей семьей к обеду, и это был как бы дневной отдых, проводившийся вместе, в общении, в хорошем настроении, в непринужденных разговорах, шутках. Вообще наши семейные встречи в середине дня стали как бы традицией, и позже стало понятно, как это было правильно. При такой занятости всех, хоть и не очень долгое общение семьи было как бы воспитанием младшего поколения. Непроизвольно затрагивались разнообразные вопросы жизни, чьи-то поступки, суждения — им давалась определенная оценка. Все это создавало непреложные жизненные, нравственные устои. Мы невольно должны были что-то воспринимать, с чем-то считаться, и многое уже прочно устанавливалось в нашем сознании, в нашей жизни, в восприятии ее так, как того требовала мораль и здравый смысл.

У него было много друзей, которые довольно часто собирались к нам на «огонек». В доме родители любили застолье; шутку, острословие. У нас бывало всегда

весело, тепло, приятно. Круг друзей был довольно разнообразен. Доминировали в нем, конечно, музыканты, но бывало много людей и из другого мира: врачи, актеры, ученые, словом — интересные хорошие люди самых различных специальностей и возрастов, но всех их объединяла, кроме любви к музыке, какая-то жизненная активность, заинтересованность самыми различными явлениями и проблемами. Довольно часто приходили и включались в компанию два папиных брата с семьями. Григорий Матвеевич — старший, был великолепным капельмейстером (дирижировал сводным оркестром на парадах на Красной площади), и младший — Михаил Матвеевич, тот, которого в детстве Семен Матвеевич нянчил, а потом начал учить на виолончели. Он всю жизнь работал в оркестре. Отец был до крайности любознателен, он, например, очень увлекался историей, много читал. Помню, что как-то принес из букинистического магазина несколько очень потрепанных томов Ключевского (которые Надежда Николаевна в силу этого встретила без особого восторга) и посвятил им много времени. Интересовали его научные открытия, он обязательно читал газеты и часто обсуждал политические события с Ольгой Сергеевной, которая тоже интересовалась политикой.

* *
*

В 1923 году старшая дочь Ирина, занимавшаяся с Надеждой Николаевной, поступила в Московскую консерваторию на подготовительный курс, в класс Ф. М. Blumenфельда. Окончила консерваторию она в 1930 году у А. Б. Гольденвейзера. С 1925 года она постоянно аккомпанировала отцу в концертах, а позже по его настоянию систематически играла почти со всеми виолончелистами его класса, что в большой мере облегчало его работу. В те годы, по старой традиции, не было еще штатных концертмейстеров, их обязанности выполняли студенты, часто меняясь. В 1926 году Ирина аккомпанировала дипломные программы первого выпуска — С. З. Асламазяна, Р. Е. Сапожникова, С. Б. Фейгина и других. В последующие годы, с введением штатной должности концертмейстера, Ирина им стала, имея уже достаточный опыт, преимущественно играя с виолончелистами, иногда со скрипачами, хорошо ориентируясь в репертуаре и тех и других.

В 1924 году, когда было уже твердо решено начать меня учить на виолончели, я была однажды с отцом в Малом зале консерватории в каком-то концерте, который мне не запомнился, но когда мы, собираясь домой, одевались, у гардероба Малого зала к отцу подошел очень представительный пожилой человек, и они о чем-то заговорили. Папин знакомый взглянул на меня и спросил: «А это кто, дочка?» — «Да, дочка». — «Виолончелистка будет?» — «По всей вероятности, да». Папин знакомый тут же взял мое весьма скромное пальтишко и, поклонившись мне, как взрослой даме, так бережно, с такой изысканной интеллигентностью подал его мне, и при этом был так красив, что я совершенно растерялась, но запомнила происшедшее на всю жизнь. Это был Анатолий Андреевич Брандуков, крупнейший виолончелист своего времени.

В 1926 году мне довелось быть в симфоническом концерте в ознаменование шестидесятилетия Московской консерватории. В этом концерте с исполнением Ноктюрна Чайковского в сопровождении оркестра выступал А. А. Брандуков — это было его последнее публичное выступление. Дирижировал М. М. Ипполитов-Иванов. В моей памяти запечатлелись Брандуков, в высшей степени проникновенно исполняющий Ноктюрн Чайковского, а также неподвижная массивная фигура Ипполитова-Иванова, его черный фрак с двумя пуговицами на спине и спокойные плавные движения его рук, сопровождавшие дивные звуки.

Несколько необычно начались в 1924 году мои занятия с отцом на виолончели. Он был чрезвычайно требователен, нетерпелив и зачастую вел себя, мягко выражаясь, несдержанно. Меня это оскорбляло, и через некоторое время я сказала довольно определенно, что на виолончели учиться больше не буду. Это было воспринято отцом как восстание или даже бунт, мамой несколько иначе.

Время шло, виолончель я не трогала, много занималась на рояле, бегала в школу, пешком в Кривоарбатский переулок, и в музыкальный техникум. Вероятно, недели через три к нам зашел Андрей Алексеевич Борисяк — талантливый музыкант, виолончелист и методист, учившийся в Петербургской консерватории почти в одно время с отцом. Он вел класс виолончели в техникуме. В высшей степени интеллигентный, мягкий и обаятельный человек, он дружил с нашей семьей и часто

бывал у нас. Он меня спросил, как подвигаются мои успехи на виолончели, — я промолчала, а мама сказала, что папа меня обижал, а я «обидела» виолончель и вот уже почти месяц не играю на ней. Андрей Алексеевич помолчал и как-то очень ласково спросил: «А может быть, мы с тобой поиграем у меня в классе, в техникуме? Приходи, я буду очень рад, если родители разрешат». Мама тут же сказала, что это очень хорошая мысль. Спустя какое-то время я, анализируя все случившееся, подумала, что все трое, вероятно, были «в сговоре».

Таким образом я опять взяла виолончель в руки. Очень скоро меня зачислили в состав учащихся техникума по классу виолончели. Играть на рояле я продолжала, как и прежде. Отец слушал мои занятия на виолончели дома, высказывал походя, но въедливо свои замечания, я их выполняла. Он рекомендовал выучить то или иное произведение, похваливал. Через год велел выучить в течение недели достаточно сложный «Листок из альбома» ми мажор Глиэра так, чтобы сыграть его в концерте, и дал мне ноты. Я хоть и считала, что это невозможно сделать в такой короткий срок, все же принялась учить. Разбирая, я написала кое-где себе для облегчения дополнительную аппликатуру. Отец, увидев это, довольно сердито сказал: «Что ты ноты мараешь, ведь то, что ты пишешь, — само собой разумеется». На следующий день я увидела на нотах карандашную памятку, сделанную рукой отца: «Лишняя аппликатура написана Галиной». На мой вопрос, для чего он это написал, он сказал: «А чтобы не подумали, что это сделал я». Я поняла, запомнила это на всю жизнь и до сих пор возмущаюсь, когда вижу ноты, испещренные лишними, ненужными цифрами. «Листок из альбома» я выучила, и мы с Ириной играли его в каком-то тематическом концерте. Отец остался доволен.

Вскоре он сказал мне: «Ты учишься уже год, весной будущего года ты должна и можешь поступить в консерваторию». Тут же он ориентировочно наметил программу, которую желательно было бы играть на вступительном экзамене. «А школа?» — спросила я. — «Сдашь экстерном за девятилетку — подготовишься». Свой второй год обучения я уже занималась с большим увлечением.

Весной 1926 года (мне было четырнадцать лет) я поступила на первый курс в Московскую консерваторию,

сдав экстерном все предметы за девять классов средней школы и все, что полагалось при поступлении в консерваторию для тех, кто уже имел школьный диплом. Общение с Андреем Алексеевичем в продолжение этих двух лет оставило у меня самые теплые воспоминания. К отцу на уроки я ходила только в консерваторию, дома мы никогда не занимались. Исключения бывали уже на старших курсах, когда нужно было репетировать большое количество произведений, в рамки консерваторского времени мы не всегда укладывались.

Отец потребовал, чтобы я с первого курса включилась в занятия всех существующих ансамблей. В классе камерного ансамбля я занималась у А. Ф. Гедике, в квартетном классе у Е. М. Гузикова, оркестровым классом руководил Н. С. Голованов, которого я боялась, как огня. Когда пришла в оркестр в первый раз (занятия проводились всегда в Большом зале консерватории) — села на самое последнее место последнего пульта. Он зыркнул глазами и ничего не сказал, но в следующий раз посмотрел, поманил меня пальцем и сказал: «иди-ка сюда», и велел сесть на первый пульт, вероятно хотел посмотреть, на что способна девчонка с косичками. Я была наслышана о его строгости, и душа у меня ушла в пятки, я старалась изо всех сил, и кажется, все обошлось благополучно. Концертмейстером группы виолончелей был, как мне помнится, С. З. Асламазян, который старался своим добрым взглядом успокоить меня. После занятий в оркестровом классе я в этот раз шла домой со слабостью в коленках.

По классу общего фортепиано меня назначили к Александре Ивановне Губерт. Это была почти легендарная фигура в консерватории. Много лет, еще при В. И. Сафонове, она была превосходным инспектором и, по воспоминаниям С. Н. Василенко, являлась грозой всех учащихся, да пожалуй, и «учащих». В круг ее обязанностей входила организация учебного процесса и все вопросы академической и концертной работы консерватории. Когда я в первый раз вошла к ней в класс, я увидела старую даму, похожую на княгиню из старинного романа. В 1926 году ей было семьдесят шесть лет. Она была одета в темное элегантное платье с высоким воротником с кружевцами, сидела очень прямо и величественно. Я как-то машинально сделала ей книксен, что, видимо, ее приятно удивило. Как правило, всегда в начале урока она спрашивала гаммы и арпед-

жио, называя тональности — мажёр, минёр. Была очень требовательна, но доброжелательна. На выпускном экзамене по общему фортепиано я играла ре-минорный Концерт Моцарта.

Нужно сказать, что с самого приезда в Москву, с 1922, а в особенности с 1923 года, когда мы стали жить в центре, рядом с консерваторией, родители делали все для того, чтобы дочери слушали как можно больше музыки, и всеми правдами и неправдами мы посещали массу концертов в Малом и Большом залах консерватории. Мы слушали и фортепианную, и скрипичную, и вокальную, и симфоническую музыку.

Мы присутствовали, вероятно, на всех симфонических концертах Персимфанса, стоя у выходов в первом амфитеатре или сидя на ступеньках. Изредка у нас бывали входные билеты, но в большинстве случаев билетеры, привыкнув к нам, сердобольно пропускали нас, а уж дальше мы устраивались сами. Когда я сейчас по радио слушаю какие-нибудь редко исполняемые произведения — я не устаю удивляться, что я их знаю, что они у меня на слуху, и неизменно с благодарностью вспоминаю родителей, которые вовремя позаботились о нашей музыкальной эрудиции — тогда, когда и условий-то для этого почти не было.

В 1924 году в Большом театре был объявлен конкурс в оркестр на место виолончелиста-солиста. Семен Матвеевич, вероятно в силу материальных обстоятельств, принял решение участвовать в этом конкурсе. В то время в оркестре Большого театра работали многие профессора консерватории: Б. О. Сибор, К. А. Эрдели, М. И. Табаков, И. Ф. Гертович, хормейстер Н. М. Данилин и многие другие. Конкурс всегда проходил в Бетховенском зале Большого театра и привлекал много публики, как театральной, так и музыкальной. Жюри возглавлял по традиции В. И. Сук, а членами комиссии были почти все дирижеры и солисты оркестра. Мама, Ирина и я находились в зале.

Участие Семена Матвеевича вызвало большой интерес и любопытство присутствующих. Нас тогда в лицо знали немногие, и мы слышали много разговоров и суждений публики, касающихся участия Семена Матвеевича в конкурсе. Говорили, что у него есть сильные конкуренты, вспоминали его триумфальные успехи прежних лет, некоторые беспокоились, очевидно «болели» за него, а некоторые с любопытством ждали конца состоя-

заний, результат которого никто из них предугадать не мог. Мы все это слушали, сначала с интересом, но в конечном счете сами стали волноваться и беспокоиться. Перед самым началом последней тирадой, высказанной одним из «наиболее осведомленных», была следующая: «Не беспокойтесь, сыграет как надо, его жена запирает в комнате заниматься, и пока он не отыграет пять-шесть часов — не дает ему есть, так что он, надо думать, в надлежащей форме». После этого сохранить непроницаемые лица нам, конечно, удалось с трудом.

Семен Матвеевич оказался, действительно, в «надлежащей форме». Он сыграл первую часть Концерта Дворжака, кантиленную пьесу и свой «конек» — Капричио Кленгеля. Разразилась буря оваций, аплодировали и члены комиссии.

На следующий день конкурс продолжался по чтению нот с листа. Из всего, что было приготовлено для читки, — ничего незнакомого для Семена Матвеевича не было, он все знал наизусть и, не скрывая этого, играл, смотря мимо пюпитра, только на дирижера, который давал темп и указывал, какой именно отрывок нужно играть. В. И. Сук развел руками и, улыбаясь, покачал головой. В этот раз Семен Матвеевич работал в театре с 1924 по 1931 год.

Кроме В. И. Сука, с которым он играл в Большом театре еще в период с 1908 по 1912 год, Семен Матвеевич тесно общался с такими выдающимися дирижерами, как Н. С. Голованов, В. В. Небольсин, Л. П. Штейнберг, Ю. Ф. Файер. Конечно, его обогатило также и знакомство с выдающимися певцами — А. В. Неждановой, Л. В. Собиновым, Ф. С. Петровой, Н. А. Обуховой, И. С. Козловским, В. В. Барсовой, М. О. Рейзенем, М. Д. Михайловым, Е. К. Катульской, К. Г. Держинской, Е. А. Степановой, Г. В. Жуковской, Н. С. Ханаевым, С. И. Мигаем, многие из которых стали его добрыми друзьями.

В этом же 1924 году большим событием в нашей стране был первый радиоконцерт, в котором участвовали популярнейшие музыканты, артисты, актеры, в том числе В. И. Качалов, А. В. Нежданова, Н. С. Голованов, Н. А. Обухова, К. Г. Держинская, М. И. Табаков, С. М. Козолупов, М. Г. Эрденко и многие другие. С вступительным словом в этом концерте выступил А. В. Луначарский. Событие это ознаменовало начало регулярных музыкальных радиопередач.

Педагогический талант почти всегда развивается особенно плодотворно и быстро в единстве с исполнительским мастерством. В 20-х годах кроме сольных концертов, о которых пойдет речь дальше, у Семена Матвеевича было много интереснейших ансамблевых выступлений с выдающимися музыкантами. В мае 1923 года он участвовал в исполнении Фортепианного квинтета Танеева с Д. М. Цыгановым, Б. О. Сибором, В. В. Борисовским и А. Б. Гольденвейзером. В этом же году и позже он неоднократно участвовал в интерпретации квинтетов с двумя виолончелями — Шуберта и Глазунова, исполняя партию первой виолончели с квинтетом Московской консерватории в составе: Д. М. Цыганов, В. П. Ширинский, В. В. Борисовский и С. П. Ширинский (в дальнейшем квинтет имени Бетховена). 24 октября 1923 года он принял участие в первом исполнении в Москве «Увертюры на еврейские темы» Прокофьева (для струнного квартета, кларнета и фортепиано) с К. Н. Игумновым и С. В. Розановым.

В эти же годы Семен Матвеевич с Д. М. Цыгановым играли Двойной концерт Брамса для скрипки и виолончели в сопровождении оркестра, а также был исполнен и Тройной концерт Бетховена для скрипки, виолончели и фортепиано — с Б. О. Сибором, Л. Г. Лукомским и оркестром Московской филармонии, дирижировал которым В. И. Садовников. Трио Чайковского Семен Матвеевич исполнял с К. Н. Игумновым и Л. М. Цейтлиным. Остались в памяти и очень многие сонатные ансамбли Семена Матвеевича с К. Н. Игумновым, А. Б. Гольденвейзером и Г. Г. Нейгаузом. 26 ноября 1925 года Семен Матвеевич с Д. М. Цыгановым играли в Малом зале Сонату для скрипки и виолончели Равеля (это была ее премьера в нашей стране). В 1928 году он дважды участвовал в исполнении Квинтета с двумя виолончелями Шуберта с квинтетами имени Бетховена и имени Комитаса.

Дмитрий Михайлович Цыганов, с которым Семен Матвеевич на протяжении многих лет встречался, а начиная с 20-х годов часто играл в ансамблях и дуэте, вспоминал (в беседе с автором этой книги в январе 1983 года) о встречах и общении с Семеном Матвеевичем. Он знал его еще с первого его приезда в Саратов

в 1912 году; Дмитрий Михайлович сам саратовец, был в то время еще мальчиком, учившимся на скрипке у своего отца, а позже в консерватории у профессора Гаека. Цыганов слышал выступления Семена Матвеевича, бывал на его концертах. Особенно большое впечатление оставило у него исполнение Семеном Матвеевичем небольших пьес, в частности запомнилась «Грустная песня» Аренского. Дмитрий Михайлович отмечал превосходное владение смычком как в технически трудных местах, так и в кантилене. Он слышал также исполнение Концерта Сен-Санса с симфоническим оркестром под управлением Г. Э. Конюса. Значительно позже, в 1921 году Дмитрий Михайлович давал сольный концерт, на котором, уже в свой второй приезд в Саратов, присутствовал Семен Матвеевич.

Дмитрий Михайлович вспоминал, как позже, уже в Москве в 1922 году он встретил Семена Матвеевича в вестибюле Малого зала с телеграммой в руке от А. К. Глазунова. Семен Матвеевич рассказал, что это было сообщение о том, что Совет Петроградской консерватории избрал его своим профессором и что А. К. Глазунов надеется на его согласие и ждет его приезда в Петроград. Но Семен Матвеевич сказал Дмитрию Михайловичу, что он уже твердо решил обосноваться в Москве.

Дмитрий Михайлович Цыганов отзывался о Семене Матвеевиче как об отличном ансамблисте, с которым ему довелось много играть. В лице Козолупова Дмитрий Михайлович ценил также крупную фигуру музыканта-организатора, вспоминая время, когда Семен Матвеевич с 1942 по 1948 год занимал должность декана оркестрового факультета.

Первый концерт Семена Матвеевича в Москве состоялся уже в декабре 1922 года. В программе были две сольные сюиты Баха (ре минор и до мажор), старинные сонаты Боккерини, Биркенштока и другие произведения классической музыки.

В мае 1925 года Семен Матвеевич выступил со своим сольным концертом в Самаре, аккомпанировала ему уже Ирина Козолупова. С этого времени она уже всегда аккомпанировала во всех его выступлениях.

Самарский концерт был как бы репетицией к сольному концерту отца, который с той же программой состоялся в Малом зале консерватории в Москве 26 ноября этого же года (партию фортепиано исполняла

Ирина Козолупова). Программа была расширена исполнением Сонаты Равеля для скрипки и виолончели соло (совместно с Д. М. Цыгановым).

Очень пространная рецензия, из которой я приведу только выдержки, появилась после этого концерта в журнале «Искусство трудящимся» (1925, № 54): «...С безукоризненно составленной и, прибавим, безукоризненно исполненной программой выступил виолончелист, профессор Московской консерватории, С. М. Козолупов. Сюита d-moll Баха для виолончели solo, 1-й концерт Гайдна, 6-я Соната Боккерини, вещи Дебюсси, Форе, Ф. Шмитта и в заключение интересная новинка: 1-е исполнение Сонаты Равеля для скрипки и виолончели solo (скрипач Д. М. Цыганов) — все это дало концертанту обширное и благородное поприще выказать все стороны своего дарования: строгую, вдумчивую музыкальность, богатый тон, громадную технику, пальцевую и кистевую, и притом чрезвычайно простую манеру игры, чуждую всякой вычурности. С особенным проникновением, как большой мастер, исполнил концертант Сюиту Баха, пробный камень музыканта, блеснул затем кружевными пассажами в Концерте Гайдна, легко и шутивно передал грациозную „Арабеску“ Дебюсси».

В октябре 1927 года в Малом зале консерватории прошел сонатный вечер Семена Матвеевича. Исполнялись сонаты Генделя соль минор, Бетховена op. 5 № 1 фа мажор, Брамса op. 38 ми минор, а также состоялась премьера в нашей стране Сонаты Хиндемита для виолончели и фортепиано op. 11 № 3. С программой этого концерта отец в январе того же года выступил в Саратове и Астрахани. В 1928 году Семен Матвеевич исполнил в концерте Персимфанса Вариации на тему рококо Чайковского.

В 1928 году семью постигло тяжелое горе. Скончалась после серьезной операции Ольга Сергеевна. Мы даже не представляли себе, какое необходимое и важное место она занимала в жизни нашей семьи.

Но жизнь шла своим чередом. В январе 1929 года в Малом зале консерватории состоялся концерт Семена Матвеевича, из программы которого хочется упомянуть исполнение Сонаты Хиндемита для виолончели соло op. 25 № 3 и Сонату Рахманинова для виолончели и фортепиано op. 19.

В начале 1929 года (я была на третьем курсе) отец сказал мне, что считает вполне в моих возможностях

окончить консерваторию весной 1930 года, он уверен, что дирекция разрешит это, если я отлично сдам экзамены по полной программе за пять курсов консерватории. Разрешение было получено, мне все удалось выполнить, и весной 1930 года я окончила консерваторию.

Через месяц после дипломного экзамена по настоянию отца я поступила на работу в только что организованное концертное объединение ТЭМП (Театрально-эстрадное музыкальное предприятие) в качестве виолончелистки-солистки, удачно сыграв на конкурсном отборе. Я работала в ТЭМП'е два года, и мне это принесло большую пользу. Я играла в самых разнообразных концертах, познакомилась с очень многими артистами различных специальностей, привыкла к эстраде и публике и чувствовала себя совершенно свободно в любой аудитории.

* *
*

У Семена Матвеевича в жизни было так, как у путника, который, поднимаясь в гору, видит с ее высоты новые, раскрывающиеся перед ним горизонты. Чем крупнее и разнообразнее была его общественно-музыкальная жизнь, тем больше путей находил он для новых свершений. 30-е годы были у него до предела насыщены самой многообразной деятельностью. Тогда же активизировалось совместное музицирование членов семьи, которые часто объединялись в концертных выступлениях, ансамблях, а также в совместных гастрольных поездках.

В январе 1930 года в Малом зале консерватории был объявлен Общедоступный концерт учеников профессора С. М. Козолупова. В нем участвовал сильный состав исполнителей: Л. Адамов, Г. Айзенштадт, С. З. Асламазян, Г. В. Васильев, С. Н. Кнушевицкий, Г. С. Козолупова, Р. Е. Сапожников, А. Л. Стасевич, С. Б. Фейгин и И. Б. Швейцер. Программа была настолько насыщенная, что партию фортепиано исполняли три концертмейстера: И. С. Козолупова, Е. Ф. Фукс-Немеренецкая и К. Г. Шотниев. Концерт прошел на очень высоком профессиональном уровне и имел большой успех. Будучи платным, он собрал полный зал. В программе были лучшие сочинения классической, романтической музыки и произведения русских и запад-

ных современных авторов. Популярность виолончелей, интерес к этому инструменту явно возрастали.

В 1931 году Семен Матвеевич, чтобы иметь возможность уделять больше внимания и времени педагогической, исполнительской и общественно-музыкальной деятельности, приобретавшими значительный масштаб, решил освободиться от работы в Большом театре, о чем подал соответствующее заявление. На его место был объявлен конкурс. И. М. Буравский (учившийся у Семена Матвеевича в Киеве) уже с 1929 года работал в оркестре Большого театра помощником концертмейстера. Он участвовал в этом конкурсе, предварительно консультировался у своего учителя и занял его место, на котором успешно работал еще много лет, до ухода на пенсию.

В то время в оркестре Большого театра работало несколько учеников отца, в том числе какой-то период солистами были С. Н. Кнушевицкий, Л. М. Адамов, Ф. П. Лузанов, в группе — И. Б. Швейцер, Б. М. Реентович, И. Морозова, А. Казанцев, в настоящее время работают В. А. Рубин, Г. Н. Вартапетов, Г. В. Иванова, Л. Королевич, Б. В. Чурсин, К. М. Славянова.

В начале 30-х годов ведущие профессора Московской консерватории (А. Б. Гольденвейзер, К. Н. Игумнов, Г. Г. Нейгауз, С. М. Козолупов, К. Г. Мострас, Л. М. Цейтлин, А. И. Ямпольский) занимались и с детьми, если они представлялись им ярко одаренными, перспективными музыкантами-исполнителями в будущем. В 1931 году около пятнадцати талантливых детей были объединены в Особую детскую группу при Московской консерватории. В эту группу была принята и моя младшая сестра Марина. Ее с большим удовольствием взял под свою опеку профессор К. Г. Мострас. У Семена Матвеевича в этой группе занимались талантливые виолончелисты Лузанов, Я. Слободкин и Реентович.

Вскоре по инициативе А. Б. Гольденвейзера решено было организовать Центральную музыкальную школу для одаренных детей при Московской государственной консерватории, куда в полном составе вошла и Особая детская группа. Там преподавали и все упомянутые выше выдающиеся профессора консерватории, в том числе и Семен Матвеевич.

Он включался в решение самых различных вопросов, имевших отношение к тому, что он считал главным,

чему посвятил свою жизнь и за что считал себя ответственным. Многих профессоров струнного отделения оркестрового факультета беспокоил вопрос о качестве продукции, выпускаемой фабрикой смычковых инструментов. Многие в инструментах, на которых приходилось играть учащимся, студентам, не удовлетворяло педагогов и тормозило успехи молодых музыкантов.

Семен Матвеевич, Б. О. Сибор и В. В. Борисовский сочли необходимым поднять этот вопрос и помочь наладить выпуск более качественной продукции. Они привлекли к участию в этом известного музыкального мастера Т. Ф. Подгорного и вчетвером встретились с директором фабрики Бычковым, который, выслушав их, тут же предложил им содействовать проверке продукции, предоставить консультации, которые несомненно окажут фабрике неоценимую пользу. И вот с начала 30-х годов, в течение более чем двадцати лет, каждую пятницу в восемь часов утра эти четверо энтузиастов отправлялись на фабрику — смотрели, пробовали инструменты, играя на них, слушали, искали пути улучшения, отсеивали брак. И нужно сказать, что это была действительно неоценимая помощь и фабрике и, соответственно, играющим на этих инструментах.

* *
*

В 1931 году было открыто Музыкальное училище имени Гнесиных, куда были привлечены работать крупные музыканты, в том числе и Семен Матвеевич. В училище начала интенсивно развиваться методическая работа: показательные открытые уроки ведущих педагогов, сообщения, доклады о методике преподавания. Семен Матвеевич принимал в этой работе самое деятельное участие, считая очень важной подготовку музыкальных кадров в средних учебных заведениях.

Концертная деятельность продолжалась, как всегда. В 1932 году в зале Ленинградской консерватории состоялся не совсем обычный концерт, в котором мы с отцом играли каждый по отделению (аккомпанировала Ирина). Это было очень ответственное выступление, прошедшее успешно.

В январе 1933 года в Московской консерватории, помимо аспирантуры, была создана Школа высшего художественного мастерства («майстершуле»), задачей которой являлось совершенствование талантливых ис-

полнителей, окончивших консерваторию. В двухлетний учебный план включались: философия, эстетика, иностранный язык, история изобразительного искусства, история русской и западной литературы и подготовка не менее трех программ, которые должны были исполняться в открытых концертах в Малом зале консерватории.

Чтобы попасть в эту аспирантуру, нужно было выдержать довольно трудные испытания, конкурс был большой. Мне удалось пройти все испытания и попасть в число принятых. Это был первый набор — взяли тридцать человек. Для примера, может быть, интересно назвать некоторых, кто там учился. Из пианистов М. И. Гринберг, А. Л. Иохелес, Т. Д. Гутман, И. Н. Аптекарев, Э. И. Гроссман; скрипачи — М. Затуловский, М. Б. Питкус; вокалисты — Е. Д. Кругликова, А. И. Малюта, Н. Л. Дорлиак, С. М. Хромченко, П. Киричек; виолончелисты (ученики Семена Матвеевича) Л. М. Адамов, И. Б. Швейцер и я. Занятия по всем дисциплинам вели очень эрудированные педагоги, но главное это то, что мы очень много играли. Нас с концертом пригласили в Ленинградскую консерваторию, намечая установить постоянный обмен выступлений аспирантов. В поездке принимали участие Гринберг, Иохелес, Кругликова, Киричек, Затуловский, Хромченко, Козолупова. Концерт наш был встречен восторженно.

* *
*

Огромным музыкальным событием в нашей стране был Первый всесоюзный конкурс музыкантов-исполнителей, который состоялся с 9 по 25 мая 1933 года. Он был организован Наркомпросом в ознаменование пятнадцатилетия Октябрьской революции. Этот конкурс достиг таких внушительных размеров по количеству в нем талантливых молодых музыкантов — пианистов, скрипачей, виолончелистов и вокалистов, а также отличался таким исключительным составом жюри, что подобного, пожалуй, никогда больше не повторялось. Этот конкурс проходил в атмосфере праздника музыки, огромного творческого подъема и явился событием не только для музыкантов, но и для всей страны. Областной отбор на этот конкурс, в котором участвовало большое количество претендентов, поставил перед жюри весьма непростую задачу.

Семену Матвеевичу пришлось много поработать, чтобы подготовить шесть виолончелистов с разными, большими, сложными программами. Он также продолжал уделять, как всегда, внимание и время всем своим питомцам.

У отца на областном отборе играло шесть виолончелистов: Л. М. Адамов, А. С. Айвазян, С. Н. Кнушевицкий, Г. С. Козолупова, С. Б. Фейгин и И. Б. Швейцер. К участию во Всесоюзном конкурсе были допущены первые четверо, а Фейгин и Швейцер получили похвальные отзывы, которые давались не всем, а только наиболее перспективным исполнителям.

Невольно задаешь себе вопрос: как он успевал так много делать, не ущемляя ни одну из сфер своей исполнительской, педагогической, общественно-музыкальной работы? Это определялось тем, что Семен Матвеевич всегда старался и умел достичь в своей работе той высокой степени организованности и порядка, которые считал необходимыми для артиста-исполнителя, педагога, общественно-музыкального деятеля. Поэтому он и успевал так много и безусловно стремился привить эти качества и своим ученикам.

Очень памятна подготовка к этому конкурсу. Собственно, с этого времени я начала приобщаться со всей серьезностью к педагогической работе отца, не только как ученица, а значительно шире, постигая весь комплекс работы музыканта-педагога. Многие анализировала, многое очень прочно отложилось у меня в памяти. Работа отца будила во мне собственные мысли, заключения, вопросы.

Отец никогда не был равнодушным, спокойным, в свои занятия он вносил страстность и увлечение, щедро делился своим огромным исполнительским опытом, предвидя очень многое, что может помешать молодому музыканту чувствовать себя совершенно свободно на эстраде; он уделял особое внимание тому, чтобы предотвратить даже случайности; делился не то чтобы своими секретами, но предупреждал о том, что иногда происходит от волнения или от недостаточной собранности, от недоработки, словом, старался ничего не упустить из того, к чему нужно всегда быть готовым музыканту-исполнителю.

Большое внимание он уделял техническому мастерству, но виртуозная сторона всегда подчинялась задачам воплощения художественного содержания музыки.

Предконкурсное время было трудное. Все нервничали, много работали и сами и с отцом, много репетировали с фортепиано (Ирина аккомпанировала всем ученикам Семена Матвеевича). Можно себе представить, как все волновались, когда заканчивался очередной тур и нас собирали, чтобы сообщить решение жюри. Четверо питомцев Семена Матвеевича дошли до конца и играли на третьем туре. Но вот конкурс закончен. Из виолончелистов — учеников Семена Матвеевича первую премию получил Святослав Кнушевицкий, вторую — Галина Козолупова, третью — Артемий Айвазян и почетный диплом — Леонид Адамов. Первой премией был также награжден Г. Цомык и второй премией А. Феркельман. Пресса уделяла этому конкурсу большое внимание. О его лучших участниках и лауреатах, об исполнительских школах, созданных педагогами, была подробная статья композитора В. А. Власова, помещенная в журнале «Советская музыка» (1933, № 4). В ней автор помимо общего обзора уделил много внимания лауреатам, в том числе подробно остановился и на выступлениях учеников Семена Матвеевича, которые оценил очень высоко. Он не счел возможным обойти вниманием и прошедший в это же время внеконкурсный показ детской группы музыкантов — воспитанников Московской и Одесской консерваторий: четыре пианиста, четыре скрипача и два виолончелиста (оба ученики Семена Матвеевича — Реентович и Слободкин).

А вот выдержки из статьи музыкального критика Георгия Поляновского «Музыканты, рожденные Октябрем» в газете «Правда»: «Великолепную группу представляют собой виолончелисты Цомык, Кнушевицкий, Галина Козолупова, Айвазян и Феркельман, демонстрирующие достижения в основном двух школ: московской (профессора Козолупова) и тифлисской (профессора Миньяра)». «Совершенно потрясающими были, — говорит он далее, — впечатления от показа юных виртуозов, шедших вне конкурса, но справедливо напоминающих о блестящем „завтра“ советского исполнительского мастерства».

В моем архиве сохранился проспект этого конкурса, где есть списки всех участвовавших в отборе на Всесоюзный конкурс, всех отобранных к участию в нем, фамилии «выдающихся малолетних виртуозов», а главное, фамилии всех членов жюри Всесоюзного конкурса. Перечитав и вспомнив, перед кем пришлось состязаться,

вспомнились и чувство волнения, и робости, и чувство гордости, и чувство преклонения перед теми, кто отдал свое внимание, время, эмоции, кто оценил наше настоящее, сумел предвидеть будущее, кто делил с нами наши успехи и неудачи. Достаточно назвать только несколько фамилий, чтобы оценить величие и прозорливость тех, кто сделал Первый всесоюзный конкурс этапом в развитии советской музыкальной культуры.

Нас слушали М. М. Ипполитов-Иванов, А. В. Нежданова, Л. В. Собинов, А. Л. Доливо, А. Б. Гольденвейзер, К. Н. Игумнов, Г. Г. Нейгауз, С. Е. Фейнберг, Л. М. Цейтлин, С. М. Козолупов, Б. О. Сибор, С. Т. Шацкий, З. П. Лодий, Л. В. Николаев, С. И. Савшинский, И. Р. Налбандян, А. Я. Штример, А. В. Оссовский, В. С. Косенко, М. Д. Михайлов, Г. Н. Беклемишев, Б. М. Магазинер, П. С. Столярский, Д. С. Бертъе, под председательством заведующего сектором искусств Наркомпроса РСФСР М. П. Аркадьева и многих помогавших ему работников из республик и концертных организаций.

Конечно, лауреаты этого конкурса приобрели популярность — работали и в Филармонии, и в Гастрольно-концертном объединении, выступали на радио. Приходилось много заниматься, обновлять свой репертуар и все время держать себе в надлежащей артистической форме. Выступления Кнушевицкого и мои были включены в проспект абонементных концертов, объявленных Московской филармонией в сезоне 1934/35 года в очень почетной компании с виолончелистами Раей Гарбузовой и Григорием Пятигорским.

* *
*

В 1934 году Семену Матвеевичу исполнилось пятьдесят лет. 23 апреля в Малом зале консерватории состоялся его концерт. Он захотел, чтобы в нем приняли участие его ученики — лауреаты прошедшего Первого всесоюзного конкурса, а также дочери. Программа получилась интересной. Первое отделение играл отец. Он исполнял произведения Баха, Вивальди, Гайдна, Шумана, Хиндемита. Аккомпанировала, как всегда, Ирина. Во втором отделении четверо премированных участников конкурса — Святослав Кнушевицкий, Галина Козолупова, Артемий Айвазян и Леонид Адамов сыграли пьесы, написанные для четырех виолончелей, — «Прелюд и

скерцо» А. Крейна и «Поэма и скерцо» Г. Гамбурга (оба произведения исполнялись впервые). Концерт закончился Квartetом Моцарта соль минор для фортепиано, скрипки, альты и виолончели. Партию фортепиано исполняла Ирина, партию скрипки — Марина, партию виолончели — Галина Козолупова, а партию альты исполнял на виолончели Семен Матвеевич.

29 мая этого же 1934 года в Большом зале Московской консерватории состоялся юбилейный вечер, посвященный пятидесятилетию со дня рождения и тридцатилетию музыкально-артистической деятельности профессора Московской консерватории С. М. Козолупова. Вечер был торжественный и теплый, начиная с концерта, в котором участвовали великолепнейшие артисты — Гольденвейзер и Григорий Гинзбург, Елена Кругликова, Лев Оборин, Давид Ойстрах, А. И. Алексеев, П. М. Норцов и ансамбль, состоящий из пятидесяти виолончелистов. Секретарь юбилейного комитета И. И. Любимов передал нам, сестрам, пожелание президиума юбилейного комитета, чтобы концерт начался с поздравления отца дочерьми, предложив нам сыграть какую-нибудь часть бравурного трио, что мы и выполнили, исполнив финал из соль-мажорного Трио Гайдна.

После окончания концерта началось чествование юбиляра. Пришли поздравить Семена Матвеевича не только представители многочисленных музыкально-театрально-концертных организаций и музыкально-педагогических учреждений Москвы, но приехали и из консерваторий Ленинграда, Киева, Саратова и, конечно, оренбуржцы. Пришло много поздравительных телеграмм, об одной из них мне хочется упомянуть — это телеграмма от Л. В. Собинова, с которым отец много лет дружил и часто концертировал. Телеграмму Леонид Витальевич прислал совсем незадолго до своей кончины: «Поздравляю дорогого Семена Матвеевича пятидесятилетием трудовой жизни, также юбилеем прекрасного виртуоза и замечательного педагога, давшего многочисленные ряды прекрасных учеников, поддерживающих широкую славу своего учителя. Леонид Собинов». Юбиляр явно чувствовал себя взволнованным и смущенным, был очень растроган и свою благодарность всем поздравившим его произнес с весьма ощутимым волнением в голосе. Пресса уделила внимание этому юбилейному концерту.

В 1935 году у нас в семье произошло несколько значительных событий.

Постановлением Президиума ВЦИК от 20 мая 1935 года Семену Матвеевичу было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Марина Козолупова стала лауреатом Второго все-союзного конкурса, состоявшегося в Ленинграде, получив вторую премию.

Галина Козолупова, окончив Школу высшего художественного мастерства, была зачислена ассистентом и с этого года начала в Московской консерватории свою педагогическую работу, которая продолжалась сорок лет.

* * *

*

Педагогическая деятельность отца приобретала все больший размах. У него в это время занимались Ф. П. Лузанов, Б. М. Реентович и Я. П. Слободкин, бывшие ранее учениками Особой детской группы. Теперь они стали студентами.

Состоялся в сезоне 1935/36 года абонементный вечер студентов класса Семена Матвеевича. Судя по программе, охватывающей виолончельную музыку от классики до наших дней, интереснейшие произведения значительной трудности, как технической, так и стилистической, можно говорить об уровне исполнителей, которым по силам было подготовить столь сложную и интересную программу. Здесь игрались концерты Шумана, Дворжака, Лало, Гайдна, сонаты Шуберта («Агреггione»), Шостаковича, произведения Бетховена, пьесы Мендельсона, Шопена, Чайковского, даже Концерт-баллада Глазунова, первое исполнение которой только что отзвучало в сольном концерте отца. Конечно, всегда можно составить интересную программу, труднее исполнить ее на высоком уровне, чего Семен Матвеевич добивался, никогда не позволяя себе выпустить на эстраду ученика, который не удовлетворял бы его требованиям.

Все происходившее в классе было на моих глазах, оставалось в моей памяти и в большой степени становилось частью моей собственной работы. Семен Матвеевич часто говорил на уроках: «Все, что делаешь, все, что играешь, — нужно доводить до возможной для тебя высшей степени совершенства». Чтобы выработать у своих учеников высокую требовательность к себе — Семен Матвеевич щедро отдавал на уроках не только часы, но и свое сердце. Он умел соперничать своим

В классе профессора С. М. Козолупова (Москва, 1935)

подопечным, понимать и чувствовать их чаяния, надежды и разочарования, делаясь как бы их сверстником, и мне кажется, что именно поэтому его одобрения или порицания имели всегда огромное значение для учеников.

Семен Матвеевич, можно сказать, совершенно не владел фортепиано, о чем не переставал сожалеть, но он прекрасно разбирался в фортепианной партии, мог дать очень ценные указания пианисту, не говоря уже о том, что, проходя со студентами концерты, написанные для виолончели с оркестром, всегда великолепно знал партитуру. В редких случаях, когда в классе не было пианиста, Семен Матвеевич, сидя за роялем, с таким удовольствием и так точно и вовремя играл бас, что виолончельная партия переставала быть осиротелой. Студенты любили, когда Семен Матвеевич «вдохновлял» их подобным образом.

* *
*

С начала образования на оркестровом факультете кафедр (в 1936 году) Семен Матвеевич был утвержден заведующим кафедрой виолончели и контрабаса. За-

ведование кафедрой еще более расширило рамки его педагогической работы и, конечно, возложило на него очень большую ответственность за работу всех классов виолончели и контрабаса. Он заведовал кафедрой в течение восемнадцати лет (до 1954 года). В этот период на кафедре работали виолончелисты М. И. Ямпольский, С. П. Ширинский, С. З. Асламазян, Г. С. Козолупова, С. Н. Кнушевицкий, Л. С. Гинзбург. контрабасисты А. А. Милушкин (до 1938 года), И. Ф. Гертович, В. К. Зинович (некоторое время был ассистентом Семена Матвеевича по классу контрабаса), А. И. Астахов.

Как же Семен Матвеевич начал свою работу с коллективом педагогов и студентов? Это было, особенно на первых порах, совсем не так просто. Кафедральная работа накладывала большую ответственность и на педагогов, и на студентов. Сначала, вероятно, многим казалась более спокойной и удобной прежняя структура. Но потом всем (но не сразу) стало понятно преимущество работы в единении с коллективом.

Нужно было обладать большим тактом, твердостью, силой убеждения, очень важным был личный пример в работе для того, чтобы наладить стройную систему коллегиальной и дружной работы всех членов кафедры, найти должные критерии оценок выступлений студентов, их успехов, повысить дисциплину, усилить ответственность педагогов за весь комплекс занятий в вузе и найти возможность их объединения в общих учебно-методических работах. Конечно, это было сложно и не все шло очень гладко. Но всем было ясно, что профессиональный уровень и студентов и их наставников заметно возрастал. За это время кафедрой виолончели и контрабаса был подготовлен к изданию целый ряд педагогических сборников, учебных пособий и отредактировано огромное количество музыкальных произведений для виолончели и контрабаса, которые широко используются в работе и по сей день.

Требовательность Семена Матвеевича к себе, своим ученикам, демонстрация высокого уровня подготовки студентов к выступлениям на закрытых и открытых вечерах, конкурсных прослушиваниях, экзаменах, безусловно, оказали положительное влияние на работу всех членов кафедры. Особую пользу приносили подробные деловые обсуждения выступлений студентов, а также и довольно строгие оценки. Семен Матвеевич требовал обязательного присутствия всех членов кафедры не

только на ее заседаниях, но и на всех прослушиваниях, экзаменах и концертах.

Поскольку я затронула вопрос руководства кафедрой виолончели и контрабаса Семеном Матвеевичем, я считаю уместным забежать на два года вперед, к сентябрю 1938 года, с которого Семен Матвеевич начал вести педагогическую работу на кафедре и с тремя студентами по классу контрабаса. Это были В. К. Зинович, А. И. Астахов и В. В. Хоменко. Все трое отлично окончили Московскую консерваторию по классу Семена Матвеевича и впоследствии успешно вели педагогическую работу: В. К. Зинович и А. И. Астахов в Московской консерватории, а В. В. Хоменко в институте имени Гнесиных. Работа Семена Матвеевича с контрабасистами настолько заметно двинула вперед довольно отсталые взгляды на возможности контрабасового исполнительства, что не затронуть этот вопрос было бы с моей стороны ошибкой. Я много раз присутствовала на занятиях отца с контрабасистами, но сочла необходимым в 1982 году обратиться к ныне здравствующему великолепному контрабасисту и педагогу-методисту, профессору В. В. Хоменко и попросила его поделиться воспоминаниями о занятиях Семена Матвеевича в классе контрабаса. Владимир Владимирович любезно откликнулся на мою просьбу. Он рассказал следующее: «Семена Матвеевича не удовлетворял недостаточный уровень исполнительства контрабасистов, их вялая работа, примитивная аппликатура, как в „технике“ (гаммах, арпеджио, этюдах), так и в художественном репертуаре, бедность штриховых элементов, звукоизвлечение и многое другое.

Начав вести занятия с контрабасистами, Семен Матвеевич внес очень много совершенно нового. В вопросах аппликатуры, например, он ввел широкое использование третьего и большого пальцев левой руки, ранее почти не использовавшихся в ставочных позициях. Он уделял много внимания подбору и использованию совсем новых вариантов аппликатуры с учетом максимального ее удобства и точности интонации, используя все характерные возможности контрабаса, а также методически и художественно обосновывал смены позиций. Очень большое внимание уделял звукоизвлечению (во всем его многообразии), вибрации. Обогатил исполнение большим количеством штрихов, могущих быть использованными исполнителями-контрабасистами как с высо-

кой, так и с низкой колодкой смычка. В силу всего этого произошло обновление контрабасового репертуара. Контрабасисты уже могли применять в своей работе преподанный им новый подход к разбору, изучению и исполнению музыкальных произведений, включая, частично, в свои программы даже виолончельный репертуар.

В работе Семена Матвеевича всегда наличествовала высокая взыскательность, требовательность, умение увлечь в совместной работе своих учеников, что совершенно исключало пассивность студентов и стимулировало выявление их творческой индивидуальности. Каждый из них чувствовал себя как бы соучастником открытий новых возможностей своего инструмента и нового познания музыки, ими исполняемой. Семен Матвеевич любил проявление у студентов самостоятельности в совместной работе с профессором. Одинаково взыскателен был к любым выступлениям учеников, будь то закрытый вечер, публичное выступление или конкурс. Он поощрял участие студентов в возможно большем количестве концертных выступлений в клубах, школах, в подшефных организациях, стремился возвести контрабасовое исполнительство на равную ступень с другими струнными инструментами, и уж конечно, требовал участия контрабасистов во всех видах камерных ансамблей».

* *

*

В 1936 году Семен Матвеевич посчитал себя обязанным откликнуться на просьбу помочь в важнейшем в то время вопросе, касающемся музыкального образования в ДМШ. Вот что рассказала мне (в октябре 1982 года) ветеран труда, энтузиаст, отдавшая всю свою долгую жизнь воспитанию юных музыкантов и их молодых наставников, педагог Любовь Марковна Коган.

«В моей памяти встает Семен Матвеевич Козолупов, как гигант советской музыкальной культуры. Его многогранная деятельность музыканта, замечательного мастера педагогического искусства поражает своей масштабностью. Его деятельность должно отметить, как большую общественно-политическую работу просветителя. Огромный вклад С. М. Козолупов внес и в детское музыкальное образование. До Октябрьской социалистической революции музыкальное образование было сосредоточено в частных руках любителей музыки.

После Октября, по Указу наркома просвещения А. В. Луначарского стали открываться музыкальные школы для детей и взрослых. Их было очень немного. Перед музыкальными учебными заведениями уже тогда ставились важнейшие задачи — подготовки кадров по дефицитным оркестровым музыкальным специальностям, в связи с увеличением количества симфонических оркестров, а также оркестров для театров и кино.

В 1936 году, когда музыкальные школы перешли в ведение Управления культурой Моссовета, мне было доверено руководить музыкальной школой Ростокинского района. Огромный район охватывал Останкино, Ярославское шоссе, Мещанские улицы и Домниковку. Открытие школы в этом районе вылилось в большое событие. Сотни детей стали учиться музыке. Примечательно, что среди пятисот принятых ребят только двадцать человек поступили на отделение клавишных инструментов. Большинство остальных было решено приобрести к смычковым инструментам, и доминирующим инструментом стала виолончель.

Я столкнулась с большими трудностями. В магазинах виолончели были только целые и трехчетвертные. А нам для пятидесяти учащихся виолончельного класса требовались половинки и четвертушки. Я обратилась на фабрику инструментов к ее директору Бычкову. Он был удивлен количеством необходимых школе инструментов и посоветовал мне обратиться к профессору С. М. Козолупову, который являлся консультантом фабрики по определению количества, качества, а следовательно, и размеров выпускаемых фабрикой виолончелей.

Я пошла в консерваторию к профессору С. М. Козолупову — это была моя первая встреча с ним. Он был удивлен, даже изумлен количеством учащихся, зачисленных в класс виолончели. В результате беседы обещал мне во всем помочь. Снабжение инструментами учащихся школ было в короткий срок осуществлено. Вторично я обратилась к Семену Матвеевичу с вопросом о педагогических кадрах, и после обсуждения им этого вопроса у себя на кафедре профессор прислал в школу в качестве педагогов своих студентов (Мортэнсена, Легошина, Колесникова, Реентовича, Пушечникова, Гендлина и Николаева). Все они с полной ответственностью активно принялись за работу.

Профессор Семен Матвеевич Козолупов с первых дней существования школы оказал бесценную помощь

не только как шеф, но и как постоянный консультант и наставник педагогического коллектива. Контингент учащихся-виолончелистов постоянно увеличивался, вскоре их было уже восемьдесят человек. Каждое посещение школы Семеном Матвеевичем превращалось в праздник для ребят, которые именовали себя „козолуповцами“.

Для молодых педагогов Семен Матвеевич проводил консультации в форме открытых уроков. С исключительным тактом он подсказывал педагогам приемы освоения учениками технических навыков, большое внимание уделял звуку, фразировке, особо помог в подборе детского репертуара. Для развития чувства коллективизма у ребят и навыков совместной игры по его совету со второго года обучения был создан четырехголосный виолончельный ансамбль. В 1938/39 учебном году ансамблем виолончелистов, состоявшим из восьмидесяти человек, руководил ученик Семена Матвеевича — И. К. Мортэнсен. Семен Матвеевич угадал в нем прекрасного руководителя ансамбля, всегда увлеченного этой работой. Мортэнсен сделал для ансамбля много переложений и обработок, одобренных Семеном Матвеевичем, который частенько посещал занятия ансамбля, а иногда и сам становился за пульт и дирижировал.

Семен Матвеевич привлек в помощь школе и доцента консерватории Галину Семеновну Козолупову, которая принимала активное участие во всех методических совещаниях и давала педагогам много очень полезных практических указаний. В этой работе также принимал участие доцент Л. С. Гинзбург. Через некоторое время, пользуясь авторитетом С. М. Козолупова, удалось привлечь к работе струнного отделения школы профессора Л. М. Цейтлина и С. З. Асламазяна. В мае 1941 года состоялся первый выпуск школы. Среди выпускников было пять виолончелистов. Профессору С. М. Козолупову был вручен подарок учеником школы Костей Клочковым, который написал „Вечернюю песню“ для виолончели с фортепиано и посвятил ее Семену Матвеевичу. Это произведение К. Клочкова стало популярным и издается в учебных сборниках для музыкальных школ. С великим прискорбием нужно сказать, что многие наши выпускники, и Костя Клочков в том числе, погибли во время Великой Отечественной войны, сражаясь с оружием в руках за свободу нашей Родины».

Атмосфера работы у Семена Матвеевича в классе постоянно была горячей и напряженной. Всегда предстояли или отчетные выступления, или закрытые вечера, которые никогда не носили будничного характера, или открытые концерты, которые всегда бывали праздниками, не говоря уже о конкурсах с обширной, сложной программой, подготовка к которым отличалась особенной серьезностью.

В октябре 1937 года был объявлен Первый всесоюзный конкурс только по двум специальностям — скрипке и виолончели. У Семена Матвеевича готовились к участию в этом конкурсе шесть виолончелистов: А. К. Власов, Л. М. Каплан, Ф. П. Лузанов, Б. М. Реентович, Я. П. Слободкин и А. Чиджавадзе.

Семен Матвеевич стремился, чтобы участвующие в конкурсах всегда имели возможность предварительно «обстрелять» (как он выражался) программу в каком-нибудь ответственном концерте. В январе этого года в Малом зале консерватории состоялся открытый классный вечер студентов отца, в котором играли и все будущие участники конкурса, исполнив наиболее сложные произведения из конкурсной программы. Это явилось хорошей репетицией перед конкурсом.

Но вот подошел и «судный день». Было много волнений у участников, и у Семена Матвеевича, и у Ирины, и у меня, и у Надежды Николаевны. Награды на этом конкурсе распределялись следующим образом. Было установлено восемь премий: одна — первая, одна — вторая, по две — остальные шесть, четыре Почетных диплома и денежные премии (две — за лучшее исполнение произведения советского композитора и три — за лучшее исполнение сочинения Баха).

Все шестеро учеников отца не остались без наград. Первую и вторую премии завоевали виолончелисты. Вторую премию получил ученик Семена Матвеевича Александр Власов (первой премией был награжден ленинградский виолончелист Даниил Шафран). Третьи премии отдали лучшим скрипачам — Галине Бариновой и Марку Владимирскому. Яков Слободкин был награжден четвертой премией, Лев Каплан получил пятую, Александр Чиджавадзе — восьмую премию. Федор Лузанов был награжден и Почетным дипломом, и денежной

Слева направо: Ф. П. Лузанов, Л. М. Каплан, С. М. Козолупов, Б. М. Реентович, Я. П. Слободкин, А. К. Власов (Москва, 1937)

премией за лучшее исполнение сочинения советского композитора, а Борис Реентович — премией за лучшее исполнение Баха. Нужно сказать, что на этом конкурсе шестую премию получил А. П. Стогорский и Почетный диплом И. Турич — оба студенты Московской консерватории (класс профессора М. И. Ямпольского). На этот раз жюри конкурса отметило денежными премиями и пять лучших концертмейстеров; вторую премию получила Ирина Козолупова.

В газете «Известия» (1937, 27 октября) была опубликована статья профессора А. Б. Гольденвейзера, посвященная этому конкурсу, из которой я приведу выдержку: «Нельзя не указать на достижения профессора Московской консерватории, орденоносца С. М. Козолупова, представившего на конкурс целую плеяду отличных виолончелистов».

Нужно сказать, что отцу удалось привить мне настоящую любовь к педагогической деятельности. Каким образом — не знаю. Я никогда не замечала, чтобы он старался это делать. Просто он заразил меня своей любовью к этой работе и радостью, которую испытывал, выпуская в жизнь молодых людей, оснащенных знаниями, мастерством и готовых к самостоятельной творческой деятельности.

Разные способности, темперамент, характеры, склад ума, восприимчивость студентов диктовали ему и разнообразный подход к достижению намеченной для себя и для них цели. Его занятия были разнообразны, интересны и каждый раз приносили что-то новое, что появлялось в процессе работы именно с данным студентом.

Чем же отличались ученики Семена Матвеевича? Что было в их исполнении характерного? Естественность: посадки, манер, отношения к музыкальному материалу, и эта естественность у каждого была своя, индивидуальная, поэтому никогда не было искусственного подражания. Каждый был самим собой, а при наличии таланта это создавало особое настроение у публики и приковывало ее внимание. Все настоящее — ничего искусственного, подлинный артистизм и подлинная глубина проникновения в содержание музыки.

Как он этого добивался? В работе с учениками всегда обращали на себя внимание наблюдательность, ум, юмор, пытливість Семена Матвеевича и острота его взгляда. Он молниеносно схватывал недочеты, сразу же находил их причины и предлагал часто простой, но эффективный способ устранения погрешностей. Вероятно, иногда это бывало открытием и для него самого. Случалось, что у кого-либо из учеников никак не получался какой-нибудь штрих. Семен Матвеевич, не говоря ни слова, подходил к студенту и, слегка касаясь локтя правой руки, чуть-чуть приподнимал его, и сразу все вставало на свое место. Радовался ученик, радовался профессор, радовались все присутствующие в классе.

Его принципы педагогического творчества ложились в основу его педагогического мастерства. Педагог, если он понимает и чувствует всю ответственность за вверенные ему судьбы будущих не только музыкантов, но и людей, должен особенно придирчиво относиться к себе.

Семен Матвеевич это понимал, был очень требователен к себе и занимался с полной и безоговорочной самоотдачей.

Добиваясь иногда выполнения чего-либо сложного, добиваясь с трудом, иногда долго, — добившись, он получал порой неожиданные радость и удовлетворение. Его уроки часто бывали не только уроками музыки, но для очень многих уроками жизни. Я думаю, что можно сказать о нем как о педагоге «на уроках творящем чудо», всегда думающем и «вперед смотрящем». Только думать или думать и вникать — вещи разные. Он умел вникать, то есть думать не поверхностно, а глубоко.

Он не переносил вульгаризации во имя внешних эффектов и был величайший враг стандарта. И сам в этом отношении, как мне кажется, мог служить примером для подражания. Культуре поведения исполнителя, в особенности на эстраде, Семен Матвеевич придавал большое значение. Он был ярый враг фиглярства, лишних движений корпусом, рассчитанных на дешевый эффект, фальшивой мимики, словом всего того, что не имеет никакого отношения к внутреннему миру музыки, к ее моральной чистоте и глубокому содержанию.

Занимаясь со взрослыми студентами и с очень юными музыкантами, можно сказать, почти с детьми, Семен Матвеевич считал, что ответственность за то, что делаешь, нужно возлагать на ученика с самого первого урока, конечно учитывая и возраст, и развитие, и степень восприимчивости того или иного учащегося, но ни в коем случае нельзя быть его нянькой. Осмысление задачи всегда присутствовало с самого начала занятий в классе Семена Матвеевича.

Большое внимание он уделял дисциплине. Не в примитивном смысле этого слова, а творческой дисциплине, которая всегда царила на занятиях в классе и была примером для самостоятельной работы молодых людей. В решении сложных задач, а также тех или иных жизненных вопросов, которыми его питомцы, в большинстве своем, делились со своим учителем-другом, они понимали, что проблема их музыкального образования теснейшим образом связана с их отношением не только к музыке, а к жизни вообще и что именно так всегда было и есть в жизни их близкого и очень уважаемого наставника. Подчас могло создаться впечатление, что у Семена Матвеевича никогда не было никаких неприят-

ностей, что все всегда шло гладко и удачно. На самом деле это было не так. Просто он никогда не давал разболеться никаким «царапинам», без которых ни одна жизнь не обходится.

В его большом классе, как и у каждого педагога, были очень разные по своим способностям и возможностям студенты. Важно было то, что он уделял внимание каждому, несмотря на степень его таланта и его «интересности» для себя как профессора, старался раскрыть возможности каждого полностью. С самых первых уроков он направлял слуховое внимание ученика (к сожалению, оно часто отсутствовало), был беспощаден к небрежной интонации. По его мнению, на грифе должна была присутствовать своя дисциплина. Он подбирал соответствующий этюдный материал, иногда каверзные упражнения. Особенно придирался к интонации в исполнении гамм в терциях, секстах и октавах. Довольно часто он давал взрослым студентам (считая это весьма целесообразным) до-мажорный этюд Грютцмахера, довольно несложный текст которого ограничивался первыми четырьмя позициями, но в очень многообразных комбинациях чередований узкого и широкого позиционных положений с различным распределением аппликатуры. Я была свидетельницей того, что очень немногие, у которых интонация была слабым местом, с первого раза справлялись с этим этюдом так, чтобы это удовлетворило Семена Матвеевича. А он был неукоснителен в своих требованиях. Это была кропотливая работа, но необходимая, облегчавшая «наведение порядка» в ставочных позициях.

В вопросах аппликатуры Семен Матвеевич был удивительно мобилен. На базе прочного фундамента он использовал все ее возможные варианты. Он считал, что от аппликатуры часто зависит класс исполнения технического материала, кантилены, непринужденность игры, легкость преодоления виртуозных трудностей, стиль, характер произведения. Запомнилось одно его высказывание: «Только почти гениальные люди могут играть все какой угодно аппликатурой — творя гениальную музыку, но в силу своей гениальности они чаще всего приходят именно к наиболее простой, логичной, удобной для себя аппликатуре». В подборе аппликатуры своим ученикам Семен Матвеевич не рекомендовал обязательно всем одну и ту же, которую, может быть, считал лучшей или которой пользовался сам. Он учитывал

индивидуальность, характер, физические данные, особенности строения руки, длину пальцев ученика.

Особым вопросом Семен Матвеевич считал употребление расширенной аппликатуры, относился к ней положительно, но с осторожностью. Старался не использовать, если интонация еще не установилась идеально, но широко внедрял ее на более высоком уровне исполнительского мастерства, с теми, кому она по силам — не затрудняет и не сковывает мышцы, не влияет на свободу вибрации, не лишает ученика полной свободы движений. В этих случаях он считал, что расширенная аппликатура открывает богатые возможности для исполнителя, а для некоторых современных произведений бывает особенно подходящей, даже необходимой.

Одним из важных моментов Семен Матвеевич считал использование ритмической аппликатуры (смена позиций и перемена смычка на сильной доле такта, в кульминации музыкальной фразы). Он полагал необходимым развитие чувства формы в технических эпизодах, осознание «опорных пунктов», способствующее техническому совершенству. Вместе с тем он считал, что иногда небесполезно обходить этот навык, если хочется удлинить легато в последовательности гаммообразных и арпеджированных пассажей, как в техническом материале, так и в кантлене. В этих случаях, когда смычок приходится менять, он предлагал смену смычка приспособить на слабую долю такта, спрятав по возможности перемену смычка и создав таким образом впечатление его «бесконечности».

У Семена Матвеевича было очень бережное отношение к репертуару учеников. Он почти не давал своим студентам произведений, по трудности превышающих их возможности, но очень смело вел талантливых, прозорливо видел перспективу скачка и почти никогда не ошибался. Может быть, и то и другое было решающим в том, что специалистов-музыкантов он формировал в короткий срок, добиваясь настоящего мастерства без каких-либо компромиссов. Вопрос репертуара часто волновал его. Он отрицательно реагировал, когда слышал выступления студентов с репертуаром, который явно был им не по силам. Считал, что обилие недоделок и промахов, в которых зачастую нельзя обвинить студента, но также нельзя обойти их при оценке, снижает как требовательность педагога к себе и студенту, так и требовательность студента к себе.

Большое внимание он уделял разделу разнообразнейших штрихов, целым каскадом которых в совершенстве владел сам. Его высокие требования иногда казались студентам невыполнимыми. Тогда он брал виолончель в руки и обычно на примере соль-мажорного этюда Дюпора в комбинациях чередования трех струн показывал бесчисленное количество штриховых вариантов, играя его легато и легато с отдельными нотами; деташе в конце смычка, начиная то вверх, то вниз смычком, что представляло значительную трудность; сотийе и прыгающими штрихами в разных сочетаниях, играя текст двойными нотами. Ему удавалось доказать пораженным слушателям, что это вполне достижимо, нужно только захотеть. Или, например, его иногда не удовлетворяло качество звучания штриха мартелле. Чаще всего работа над полноценным звучанием этого штриха проводилась на соответствующих этюдах или на примере второй части Сонаты Корелли (Аллеманда), которая исполнялась штрихом мартелле.

Студент обычно ставил палец на очередную ноту вместе с переменной смычка, а Семен Матвеевич требовал, чтобы была использована микропауза между двумя отрывистыми звуками, для того чтобы на йоту раньше поставить палец на следующую ноту. Скоро это становилось необходимой привычкой, а звучание штриха уже на всю жизнь разительно изменялось к лучшему.

Он очень любил быструю реакцию ученика на собственные удачи и промахи и мечтал о том, чтобы фиксация их в сознании была бы настолько быстрой, чтобы успевать почти в то же время предвосхищать то, что будет дальше.

Семен Матвеевич умел делать так, чтобы его указания воспринимались не как приказ к исполнению, а как толчок к действию, откуда и должна родиться необходимость в собственном творчестве ученика. Он много раз говорил, что индивидуальность, появляющаяся или проявляющаяся на каком-то этапе, особенно у способных людей, — это самое ценное, о чем только может мечтать педагог, который должен не просмотреть, а, углядев, направить ее, если это нужно. Он поэтому не проводил в жизнь стабильные, жесткие правила для всех, а всегда подходил сугубо индивидуально к каждому ученику, соблюдая, однако, правила и законы, необходимые всем. Он четко разграничивал свободу исполнения и произвол. Он считал своим долгом при-

стально следить за приспособлением ученика к инструменту, помогая ему в приобретении естественных навыков.

Много внимания Семен Матвеевич уделял воспитанию чувства ритма, считая это одним из важнейших этапов в формировании зрелого музыканта. Он старался выработать у учеников внутреннее ритмическое чутье, ощущение пульса музыки, метроритмических пропорций, как в пунктирном рисунке, так и в *ritardando*, в *accelerando*, в *rubato*. Ко всему этому он относился скрупулезно, но вместе с тем широко, учитывая индивидуальность каждого студента.

С самого начала с попадающим к нему в класс учеником, какой бы степени подготовленности или неподготовленности он ни был, какой бы репертуар ни проходил ранее (включая и технический материал), сразу начиналась работа над культурой звука. Семен Матвеевич заставлял ученика услышать себя и понять, что нужно владеть разным звуком для разных произведений и стилей, иметь в своем арсенале разнообразие его, а не один, свой, всегда одинаковый характер звучания. Он считал, что без осознания слухом качества звучания, его содержательности, характера, окраски, красоты все советы «механико-акустического порядка» — бесплотная абстракция. Важно, чтобы исполнитель имел представление о звуковом идеале, слышал бы пародию на этот идеал, выходящую порой из-под смычка. Отсюда вытекали и работа над вибрацией, в результате которой приемы вибрации обогащались, над эмоциональным началом, над необходимым владением смычка и еще очень многим, что обязаны были услышать уши играющего и подсказать опыт, зрелость и вкус преподающего. Великолепно было умение Семена Матвеевича подвести ученика к пониманию произведения, предоставив при этом ему как бы полную самостоятельность.

Многие отмечали, что Семен Матвеевич обладал удивительным чувством музыкальной формы. Ему, как мне кажется, удавалось в педагогической работе передать какую-то частицу этого музыкального чутья многим из своих учеников. «Паузы, — часто говорил он, — должны входить в музыкальную форму как часть музыки — они не должны быть арифметичны, а пропорционально вписаны в логичную форму свободного исполнения».

Особое отношение у него было к сюитам Баха, кото-

рые обязательно присутствовали в учебных планах его студентов и которые с самого начала своей концертной деятельности он почти всегда включал в свои программы, либо целиком, либо части их. Одной из наиболее интересных Семен Матвеевич считал Пятую сюиту. Для ее исполнения, по его мнению, в особенности нужны были профессиональное мастерство и музыкальная зрелость. Эта сюита (или ее части) нередко входила в обязательную программу международных конкурсов, в которых участвовало много учеников Семена Матвеевича. Конечно, выявить взаимосвязанность всех частей, образующих целое, — уже довольно сложная задача для исполнителя, но, может быть, наиболее интересные и трудные части Пятой сюиты — это Прелюдия и fuga и Сарабанда. Семен Матвеевич считал, что в Прелюдии можно и должно использовать *rubato*, но достаточно осторожно, с проявлением большой художественной чуткости, меры и чувства стиля.

Он заботился о том, чтобы *rubato* не нарушало целостности формы и в то же время изложение музыкального материала не казалось бы статичным. Семен Матвеевич останавливал внимание на том, что основной материал Прелюдии складывается, как правило, из октав или трех- или четырехструнных аккордов четвертными долями и более, а второстепенный, всегда большей частью — одnogолосие, в более мелких длительностях. Его-то он считал необходимым исполнять *rubato*.

Семен Матвеевич полагал, что некоторым помогала для достижения целостности формы способность ощущать слухом будущее *rubato* еще при звучании аккорда, после которого оно задумано. «В музыке нет ничего изолированного, — говорил Семен Матвеевич, — всегда есть предыдущее и последующее». Используя *rubato* только с большим художественным чутьем, можно из предыдущего органично войти в последующее и так же умело выйти из него, применив *rubato* как необходимый исполнительский прием.

Что касается fuga, то Семен Матвеевич говорил, что «fугу нужно почувствовать и понять в целом. От этого зависит — как ты ее сыграешь». Главные трудности это правильно, логично выстроить форму, почувствовать скрытую полифонию. Эта музыка диктует использование не «пестрых», а строгих штрихов и их разновидностей, дающих возможность выявления динамической линии развития произведения. Необходимо найти естественную

возможность выделять тему, иногда варьированную, иногда скрытую, не нарушив связности и целостности тематического процесса. Трудность здесь заключается в том, чтобы сделать ее исполнение живым и выразительным и вместе с тем строгим и собранным.

Семен Матвеевич, конечно, объяснял, показывал, но главным образом опять же учил своих питомцев слушать себя, придирчиво, строго оценивать то, что было иногда для них самих открытием. И это, пожалуй, было самым нужным в занятиях с талантливыми людьми. «Расшевелить» фантазию, чувство (конечно, у тех, у кого они имеются в потенции) — это уже очень много. Между прочим, Семен Матвеевич считал, что слишком много играющий в классе педагог плодит зачастую больше подражателей, чем учеников со своей индивидуальностью.

Музыка Сарабанды из Пятой сюиты Баха является едва ли не самой глубокой по содержанию из всех сюит, считал он; здесь отрешенность и сознание идут как бы параллельно, своими путями и в какой-то мере обуславливают строгость, собранность, единство и вместе с тем импровизационность музыки Сарабанды. Объяснить это трудно, но добиться путем глубокого, внутреннего слухового контроля, чувствуя форму в целом, — возможно.

Семен Матвеевич стремился научить студента внутреннему прослушиванию себя, откинув при этом все внешнее, мгновенно сосредоточиться, забыть про все, шагнуть из одной жизни в другую — в музыку, в творчество. Так складывалась школа, основанная на естественных, свободных, рациональных приемах, не свод правил и застывших догм, а всегда педагогическое творчество, живое, современное, многообразное, отправным пунктом которого была музыка в самом высочайшем ее понимании.

* *

*

Семен Матвеевич всегда интересовался всем, что появлялось нового в творчестве современных композиторов. Запомнились его встречи с Р. М. Глиэром, Г. С. Гамбургом, В. А. Власовым, О. Б. Фельцманом, Н. П. Раковым, А. В. Затаевичем и другими. В 1937 году Семен Матвеевич впервые исполнил с симфоническим оркестром филармонии посвященный ему Концерт Гри-

гория Гамбурга (дирижировал Л. П. Штейнберг). Семен Матвеевич был также первым исполнителем Сонаты Оскара Фельцмана, которую играл с автором в своем сольном концерте, Шести пьес Владимира Власова, посвященных ему Трех казахских пьес Александра Затаевича, Поэмы Николая Ракова.

Примерно с 1934 года у нас в семье установилась традиция: кто бы и где бы из нас ни выступал с сольными концертами, либо с новыми произведениями в репертуаре, каждый из нас, включая и отца, должен был пройти как бы через «санпропускник», играя перед собравшейся семьей, а потом выслушивая строжайшую критику. Хорошее тоже отмечалось, но скупое. Главная задача была другая. Семен Матвеевич всегда очень волновался, а все мы, включая, конечно, и Надежду Николаевну, разбирали его исполнение «по косточкам». Нужно сказать, что это было весьма полезно для всех.

В 30-х годах начали публиковаться редакторские работы Семена Матвеевича. В 1935 году под его редакцией вышли сонаты Корелли ре минор и Гайдна до мажор (последняя — произведение довольно сложное и технически и стилистически, обогатившее репертуар виолончелистов). В 1937—1938 годах была издана серия под общей редакцией С. М. Козолупова — «Педагогический репертуар виолончелиста», составленная А. А. Борисяком и А. М. Дзегеленком.

В январе 1938 года в нашей стране широко отмечалось двадцатилетие Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота. В частях Московского гарнизона проходили творческие отчеты мастеров искусств, посвященные этой дате. В войсковых частях выступали А. А. Яблочкина, П. М. Садовский, В. В. Барсова, М. П. Максакова, С. Я. Лемешев. В Центральном Доме Красной Армии состоялся творческий отчет Московского Художественного театра. Здесь выступили И. М. Москвин, О. Л. Книппер-Чехова, М. М. Тарханов, Б. Г. Добронравов, Н. П. Хмелев и другие.

Творческий рапорт нашей семьи состоялся в Зале ЦДКА в январе 1938 года и имел очень большой успех, отмечавшийся в прессе. В газете «Советское искусство» (1938, 26 января) была помещена пространная статья, где подробно говорилось о всех членах семьи, приводились их биографии, а также рецензировалась исполнявшаяся в концерте программа. Очевидно, наша музыка по-настоящему дошла до слушателей и обилие Козолу-

Семья Козолуповых (дружеский шарж, «Сов. искусство», 1938, 28 янв.)

повых с разными инструментами и в различных комбинациях (мы играли и соло, и трио, и квартет) до конца концерта возбуждало интерес всех присутствующих.

В октябре 1938 года кафедрой виолончели Московской консерватории в Малом зале отмечалось столетие со дня рождения выдающегося виолончелиста, методиста и композитора К. Ю. Давыдова. Силами кафедры состоялся концерт из его произведений. Были сыграны небольшие пьесы и четыре его концерта, к слову сказать, технически труднейшие произведения, которые Семен Матвеевич полагал достаточно полезными и сохранившими свое педагогическое значение; он считал иногда желательным включение их в учебные программы студентов. Концерт закончился исполнением Гимна Давыдова для десяти виолончелей, контрабасов и литавр. В ансамбле участвовали и педагоги.

В конце ноября 1938 года отец и три дочери выехали с концертами в Саратов, куда нас давно уже приглашали и очень ждали. В саратовской газете «Коммунист» (1938, 2 декабря) была помещена фотография и очень большая рецензия «Концерты Козолуповых».

Здесь я приведу только начало и конец рецензии: «Концерты Козолуповых — явление исключительного

интереса. История музыки знает немало примеров наследственности талантов на протяжении нескольких поколений, но редко можно встретить такую концентрацию выдающихся дарований в одной семье и в одно и то же время, какую мы видим в семье заслуженного деятеля искусств, профессора Московской консерватории С. М. Козолупова...» И заключение: «Концерты (два вечерних и один дневной) прошли при переполненном зале консерватории и сопровождались бесконечными овациями — шумными, горячими и единодушными. Эти концерты надолго останутся в памяти саратовцев, как одно из наиболее ярких, интересных явлений музыкальной жизни нашего города».

Хотя мы, дочери, были людьми уже достаточно взрослыми и самостоятельными, отец не переставал как бы контролировать нашу творческую деятельность и высказывать нам свои пожелания и советы. Они касались постоянного обновления репертуара и расширения географии гастролей. Семен Матвеевич говорил, что нужно знать свою Родину, слышать биение ритма жизни во всех ее уголках. Говорил, что по собственному опыту знает, как это необходимо и как обогащает восприятие жизни.

11 мая 1938 года в Большом зале консерватории состоялся симфонический концерт. Оркестром Московской филармонии дирижировал Семен Матвеевич. Солистами выступили Марина и Галина Козолуповы.

В сопровождении оркестра были исполнены концерты Моцарта ля мажор и Брамса — для скрипки с оркестром, Виолончельный концерт Боккерини си-бемоль мажор и Концертштюк Донаньи для виолончели с оркестром.

В мае 1940 года широко и торжественно отмечалось в нашей стране столетие со дня рождения великого русского композитора П. И. Чайковского. 7 мая этого года Московской консерватории было присвоено имя П. И. Чайковского. В консерватории были организованы научная сессия и цикл концертов, посвященных творчеству композитора. В одном из концертов с исполнением Трио П. И. Чайковского выступили А. Б. Гольденвейзер, Д. М. Цыганов и С. М. Козолупов.

В этом же году Высшая аттестационная комиссия по делам Высшей школы утвердила С. М. Козолупова в ученном звании доктора искусствоведения.

В марте 1940 года в Центральном Доме работников искусств СССР состоялся интересный концерт, привлечший внимание общественности. В первом отделении после краткого слова директора школы Л. М. Коган выступил оркестр школы, потом играли десять очень хорошо подготовленных виолончелистов, учеников бывших студентов Семена Матвеевича, которых он четыре года назад направил на педагогическую работу. Во втором отделении выступили сами педагоги, а вслед за ними и шефы школы: профессор С. М. Козолупов, доценты Галина Козолупова и Лев Гинзбург. Мною была исполнена очень хорошая пьеса для виолончели (посвященная Семену Матвеевичу) — «Вечерняя песня», сочиненная учеником школы Костей Клочковым. Концерт закончился ансамблем всех участников концерта, исполнивших Арию Маттезона и арию Вольфрама из оперы «Тангейзер» Вагнера, которая по мнению присутствовавших музыкантов, прозвучала в исполнении тридцати пяти виолончелистов весьма впечатляюще.

Семен Матвеевич был очень удовлетворен и радовался вместе с участниками этого музыкального праздника.

В самом деле — это был настоящий праздник для всех; даже публика не торопилась в гардероб, как обычно. Семена Матвеевича окружила масса людей, и каждый старался выразить свое восхищение результатами той огромной работы, не только педагогической, но и воспитательной, плоды которой они услышали и увидели. Семен Матвеевич был весьма растроган и говорил, что его радость, конечно, разделяют и руководство школы и молодые педагоги — его ученики. Но больше всего его порадовала необычайная заинтересованность и ответственность, с которой маленькие ребята готовились к этому концерту-отчету, и он выразил надежду, что чувство ответственности навсегда останется у них как один из важнейших компонентов характера, как залог того, что они всегда будут отвечать за порученное им дело, в какой бы области они ни работали.

Кроме очень масштабной педагогической, исполнительской и многогранной музыкально-общественной деятельности в 30-х — начале 40-х годов много внимания требовало заведование кафедрой, размах работы кото-

рой постоянно возрастал. Кафедра вела интенсивную научную работу. Вышли из печати сборники этюдов и пьес виолончельного и контрабасового репертуара определенной педагогической направленности, с разъяснительными аннотациями. Для их составления и редактуры объединялись группы педагогов. Например, в составлении сборника этюдов (удачно подобранных и затем неоднократно переиздававшихся) участвовали: С. М. Козолупов, С. П. Ширинский, Г. С. Козолупова и Л. С. Гинзбург. Много педагогического репертуара подготовили также контрабасисты. Все эти работы, как правило, докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры. Часто на кафедру обращались с просьбой дать отзыв о научно-методических работах, подготовленных к печати в учебных заведениях на периферии.

Семен Матвеевич был постоянным членом приемной комиссии, членом Государственной экзаменационной комиссии, членом Художественного совета факультета и Ученого совета консерватории. Он участвовал в комиссиях по отбору студентов на Всесоюзные конкурсы и всегда был членом жюри этих конкурсов.

В апреле 1941 года состоялся сольный концерт Семена Матвеевича в Малом зале консерватории. Кроме классической музыки исполнялись и современные произведения западных авторов, а также советских композиторов — О. Б. Фельцмана и В. А. Власова.

* *
*

22 июня 1941 года как громом поразило всех известие о внезапном нападении на нашу страну фашистских агрессоров. Помню, что на следующее утро после вторжения гитлеровских полчищ в пределы Советского государства все пришли в консерваторию как в родной дом. Мы собрались в Малом зале, который не смог вместить всех. Здесь были профессура, педагоги, студенты, служащие, рабочие, администрация, руководство. Директор А. Б. Гольденвейзер немногословно, но четко обрисовал положение дел и сказал коллективу, что при создавшейся обстановке нужна будет колоссальная выдержка, сплоченность и дисциплина.

Многих вскоре мобилизовали на фронт, многие педагоги и студенты сами добровольно вступили в ряды Народного ополчения. Учебный год закончился организованно.

Семья Козолуповых. Слева направо: М. С. Козолупова, И. С. Козолупова, Г. С. Козолупова, Н. Н. Козолупова, С. М. Козолупов (Москва, 1941)

1 сентября 1941 года в консерватории начался новый учебный год, но реализовать задуманные планы не удалось. Советское правительство распорядилось об эвакуации Московской консерватории в Саратов.

Семен Матвеевич эвакуироваться не захотел, остальные члены семьи тоже. Всем в это тяжелое время хотелось быть вместе, и было принято решение остаться в Москве.

Этому не суждено было сбыться. Учитывая приближение фронта к Москве, вышло постановление — любыми усилиями эвакуировать всех, у кого были маленькие дети. Мне с трехлетним сыном и Ирине с трехнедельной дочкой и сыном пришлось выехать в Уфу. Там была филармония, а значит, могла вестись и концертная работа. Так оно и было.

Вернуться в Москву мне удалось в начале марта 1942 года, сестре несколько позже.

По приезде я сразу же включилась в концертную

работу. Очень часто, как и Марина, играла в госпиталях, в военных частях, принимала участие в радиоконцертах, которые нередко транслировались поздно вечером. Выйдя из Дома звукозаписи на улице Качалова при затемнении, нужно было постоять некоторое время, чтобы глаза привыкли к темноте.

В консерватории в это время оставались только сотрудники, необходимые для охраны здания, библиотеки, имущества лабораторий.

Я несказанно удивилась, когда мне рассказали, что с конца октября 1941 года понемногу начали работать некоторые театры, проходили (но пока еще не часто) концерты. Педагоги и студенты принимали участие в концертной работе везде, где только было нужно. Самыми активными были квартет имени Бетховена, выступавший на радио, на призывных участках и в воинских частях. Очень много играла М. В. Юдина, органные концерты давал А. Ф. Гедике, начал концерттировать С. Т. Рихтер. Сборы поступали всегда в фонд обороны. В конце ноября сформированными концертными бригадами руководил А. Ф. Гедике, С. М. Козолупов и В. В. Борисовский. Иногда появлялась возможность частично оплачивать выступления студентов и педагогов, что было в то время очень важно.

29 марта 1942 года вся наша семья присутствовала в Колонном зале Дома союзов на премьере Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича. Дирижировал С. А. Самосуд. В зале находился и автор. Это было огромным событием не только для музыкантов, но для всех москвичей, резонанс от которого разнесся далеко за пределы Москвы и всей нашей страны.

Весной 1942 года понемногу начало работать московское отделение консерватории, насчитывавшее еще ограниченное число студентов и педагогов. Здание консерватории все еще не отапливалось; постепенно начали остеклять забитые фанерой окна; занимались пока в помещении ЦМШ и дома у педагогов. Семен Матвеевич уделял много времени восстановлению оркестрового отделения, отыскивая педагогов и студентов. Позже, в октябре 1942 года он вложил много труда и энергии в налаживание нормальной учебной жизни оркестрового факультета уже в здании консерватории.

Коллектив Московской консерватории постепенно объединялся в Москве. 1942/43 учебный год начался в Московской консерватории 2 ноября 1942 года. 14 но-

ября 1942 года директором консерватории был назначен Виссарион Яковлевич Шебалин.

Настроение у профессоров, педагогов, студентов и служащих консерватории было праздничное, но каждый понимал, какие трудности нужно будет преодолеть, не считаясь ни с чем. И нужно сказать, что все работали с полной самоотдачей. 9 декабря 1942 года Семен Матвеевич был утвержден деканом оркестрового факультета, оставаясь заведующим кафедрой виолончели и контрабаса. Его заместителем был Ю. М. Тимофеев, профессор Московской консерватории по классу дирижирования. Хочется привести строки из воспоминаний В. Я. Шебалина, касающиеся начала 1942/43 учебного года.

«Осенью 1942 года, когда я подыскивал возможность вернуться в Москву, меня неожиданно вызвали туда из Комитета по делам искусств. Приехав, я не спешил явиться в Комитет, думая, что дело касается вещей маловажных. Но выяснилось, что меня сватают ни больше, ни меньше в директора Московской консерватории. Я взвыл и наотрез отказался. В ЦК меня убеждали, обращались к моим патриотическим чувствам. <...> Но я не мог согласиться, поскольку был абсолютно убежден в собственной непригодности для такого высокого административного поста. С тем я и вернулся в Свердловск, а по приезде узнал, что назначение все же состоялось и мне надо срочно брать в руки бразды правления. Московскую консерваторию в тот период необходимо было собирать, склеивать из разрозненных частей. Трудности вставали огромные — и организационные и морально-психологические, в связи с суровым ограничением штатов, соответствующим военному времени и бюджету. <...>

Я всегда, особенно в начале, мучительно стеснялся всяких проявлений „власти“, стеснялся говорить с людьми, выступать с большой эстрады. От смущения держался скованно, и это внушало студентам <...> представление о моей неприступности. Вообще у меня все время происходили внутренние нелады с самим собой. Ясно, что я по своей природе совершенно не подходил для административной деятельности, как и предполагал раньше. Все-таки в этой работе было много интересного и радостного. Так, кое-что удалось наладить с оперной студией. <...> Скептики предрекали полную неудачу нашей попытки поставить „Дон-Жуана“ Моцарта, но спектакль получился хороший и много полезного дал всем

участникам. <...> Вообще говоря, коллектив консерватории работал тогда дружно и активно, — война заставляла людей с особым рвением относиться к своим обязанностям. Я тут, конечно, был ни при чем, это исходило от самих товарищей. Отличными деканами были И. В. Способин и С. М. Козолупов. Последний приложил массу усилий к тому, чтобы восстановить оркестровый класс, вовсе развалившийся за время эвакуации»*.

Вся деятельность Виссариона Яковлевича на посту директора Московской консерватории в эти тяжелейшие годы разрухи опровергла его оценку самого себя как непригодного для такой ответственной административной работы. Умный, энергичный, успевающий вмещиваться во все, он облегчал нам — педагогам наш труд, поднимал настроение.

Не унывать, а создавать, не искать легких путей, а преодолевать трудности было его девизом. Высокая требовательность, которую он предъявлял к себе, определяла его требовательность к другим.

Конечно, должность декана оркестрового факультета накладывала на отца большие обязанности. Многое пришлось организовывать заново и с немалыми трудностями. В особенности сложно было восстанавливать оркестровый класс; этому отец уделял очень большое внимание. На посту руководителя факультета он оставался самим собой, только еще более работоспособным и энергичным. В 1942 году отец был назначен председателем комиссии для определения состояния уникальных музыкальных инструментов Государственной коллекции. Это была еще одна серьезная и большая работа.

В конце декабря было первое заседание вновь утвержденного Художественного совета консерватории, куда вошли все ведущие профессора. В 1942/43 учебном году уже работал студенческий симфонический оркестр. Это было детище, рожденное титаническими трудами отца и дирижеров оркестра Н. П. Аносова и Ю. М. Тимофеева. Репетиции из-за сложностей с расписанием (большинство студентов работали) начинали в семь часов утра. Большой зал, где происходили занятия, был холодный и затемненный. Тем не менее никто — ни дирижеры, ни студенты, ни декан, который почти всегда присутствовал на репетициях, не опаздывали, приходили

* В. Я. Шебалин: Литературное наследие. Воспоминания, переписка, статьи, выступления. — М., 1975, с. 60—61.

ровно в семь утра и работали самоотверженно. Результаты не замедлили сказаться, и в следующем 1943/44 учебном году оркестр успешно выступил в концертах, посвященных юбилеям Чайковского и Римского-Корсакова.

В дальнейшем было организовано два оркестра: младший и старший. К работе с последним были привлечены замечательные дирижеры — Н. С. Голованов, Н. П. Аносов и В. В. Небольсин. Выступления оркестра успешно проходили уже со сложными тематическими программами. В 1943 году Семену Матвеевичу за хорошую работу оркестрового класса и успешное выступление симфонического оркестра студентов консерватории была объявлена благодарность в приказе. На оркестровом факультете работа проходила в специальных классах, в классах квартета и камерного ансамбля. Контингент учащихся все время пополнялся. Семен Матвеевич успевал везде бывать и всем интересоваться. Устраивались внутриконсерваторские конкурсы, где председателем жюри была А. В. Нежданова. Победители выступили в двух открытых концертах в Большом зале консерватории. (В числе победителей были и два виолончелиста — один из класса отца.)

В 1943/44 учебном году у Семена Матвеевича занимались талантливые виолончелисты; готовился к государственному экзамену Ф. П. Лузанов, учились Л. И. Гольдберг, Л. Королевич, А. Чиджавадзе и многие другие. У них в занятиях был перерыв в начале войны, но в очень короткий срок они восстановили свою исполнительскую форму. Все сейчас успешно работают, кроме безвременно погибшего в автомобильной катастрофе А. Чиджавадзе. Семен Матвеевич характеризовал его как очень талантливого виолончелиста с чарующим звуком и великолепной техникой. Действительно, его тон производил особое впечатление, так как не был «однообразно прекрасен», а весьма богат внутренними, эмоциональными красками. Окончив в 1944 году консерваторию, а в 1947 — аспирантуру, он преподавал в Тбилисской консерватории, стал заслуженным артистом Грузинской ССР.

В 1942/43 учебном году к Семену Матвеевичу вновь обратилась за шефской помощью директор детской музыкальной школы Л. М. Коган, о которой упоминалось выше. В это время было разрешено открыть в Москве всего несколько музыкальных школ, и ее назначили ди-

ректором школы Фрунзенского района. Большинство учащихся были опять виолончелисты. Из педагогов первым пришел И. К. Мортэнсен, ведавший ранее ансамблем виолончелистов. Школа работала в очень трудных условиях, не было необходимого помещения, но ансамбль, благодаря энтузиазму Мортэнсена, был организован. По просьбе С. М. Козолупова ЦДРИ предоставил большой зал для занятий ансамбля три раза в неделю и даже обеспечил детей питанием. Оказать такую помощь в голодное военное время было большим гуманным делом. Семен Матвеевич продолжал усиленно осуществлять свое шефство над этой школой. Туда устремилось много ребят из отдаленных районов, желающих стать виолончелистами. Коган рассказывала, что многих отговаривала, ссылаясь на то, что в военной Москве передвигаться с инструментами будет трудно. В ответ слышала: «Мы виолончелисты и хотим учиться в козолуповской школе». Несколько раз Семен Матвеевич приезжал в школу, давал показательные уроки, привозил с собой своих учеников из гнесинского училища — Галину Иванову (ныне артистка оркестра Большого театра) и Татьяну Козерацкую (в будущем студентку Московской консерватории). Он показывал образцы необходимого, качественного выполнения всего комплекса технических приемов, а также и работу над художественным репертуаром.

В 1944 году Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги перед советским музыкальным искусством и в связи с шестидесятилетием со дня рождения Семен Матвеевич был награжден орденом Трудового Красного Знамени. 25 апреля в Большом зале консерватории состоялся его концерт. В первом отделении он выступил с сольной программой, включавшей произведения Эрвелау, Тартини, Лейе, Форэ, Н. П. Ракова и других композиторов. Заключал первое отделение детский ансамбль виолончелистов ЦДРИ, возникший из многочисленных учеников музыкальных школ Ростокинского и Фрунзенского районов, над которыми до войны и во время войны шефствовал Семен Матвеевич с членами своей кафедры. Ансамбль под управлением Семена Матвеевича исполнил Ариозо из кантаты «Москва» Чайковского, Экспромт С. З. Асламазяна и «Казачью песню» И. И. Дзержинского. Во втором отделении были сыграны две части из Третьей сонаты Генделя (обработка для двух виолончелей) — с Галиной,

третья часть из Сонаты Рахманинова — с Ириной и Пассакалия Генделя — с Мариной Козолуповыми. В заключение концерта ансамбль виолончелистов — шестьдесят бывших и настоящих учеников профессора С. М. Козолупова исполнили Гимн Давыдова. Семен Матвеевич вспоминал об этом концерте как об одном из событий, которое глубоко затронуло его душу: «В день моего шестидесятилетия в консерватории состоялся необычный концерт: 60 моих любимых учеников с виолончелями сели за пюпитры. И когда я поднял дирижерскую палочку, сердце так забилося от радости, что казалось — его слышит зал. Тысячу лет проживя на свете, не забыл бы этот концерт, единственный и неповторимый» («Огонек», 1947, № 32).

В 1944 году постановлением правительства был открыт Музыкально-педагогический институт имени Гнесиных. Организованы факультеты, учрежден деканат и восемь кафедр. Кафедру струнных инструментов возглавил, привлеченный к работе института, С. М. Козолупов, ведший там же и класс виолончели. Деканом оркестрового факультета в течение шести лет был ученик Семена Матвеевича, окончивший у него консерваторию и аспирантуру, талантливый виолончелист, лауреат второй премии на Первом всесоюзном конкурсе скрипачей и виолончелистов А. К. Власов, он же вел в институте класс виолончели и камерного ансамбля. Казалось бы, что Семену Матвеевичу, при его огромной занятости в Московской консерватории, не под силу было совмещать обе эти работы, но Семен Матвеевич видел в создании института большие перспективы и, несмотря на свою загруженность, отдал много сил и энергии, чтобы организовать или, как он говорил, «запустить» наилучшим образом работу кафедры. Он был не единственный из профессоров Московской консерватории, которые в первый, самый трудный период внесли большую лепту в организацию учебной и научно-методической работы института. В институте преподавали такие маститые профессора, как М. И. Табаков, А. И. Ямпольский, Н. И. Платонов, Н. Н. Солодуев и Н. И. Сперанский.

Среди первых педагогов по классу виолончели в институте был Д. Б. Любкин, ученик и ассистент отца. Он обладал превосходным знанием основ методики преподавания, умением предельно использовать индивидуальные особенности ученика, огромным практическим опытом и прекрасными человеческими качествами. Класс

контрабаса был поручен тогда молодому, но уже известному контрабасисту В. В. Хоменко, окончившему Московскую консерваторию по классу Семена Матвеевича. В институте шла научно-методическая работа, проводились показательные уроки, доклады, сообщения, в которых Семен Матвеевич принимал деятельное участие. Большой интерес вызвали его сообщение-доклад «О методах работы с учениками» и показательные уроки. И то, и другое было преподнесено слушателям интересно и даже остроумно. Семен Матвеевич работал в институте до 1952 года.

* *
*

Безграничной радостью люди встретили 9 мая 1945 года. Все были счастливы, обнимались, хотя горя было достаточно. Консерватория недосчиталась многих замечательных людей.

Очень оживил работу исполнительских факультетов объявленный в 1945 году Третий всесоюзный конкурс музыкантов-исполнителей. В конкурсе участвовали студенты оркестрового, фортепианного и вокального факультетов. Первыми премиями были награждены пианисты Святослав Рихтер, Виктор Мержанов, третьими — Юлиан Ситковецкий и Федор Лузанов (ученик Семена Матвеевича), четвертой — Борис Реентович (тоже ученик Семена Матвеевича).

Работа на факультете проходила в обстановке деловой и товарищеской. Исполнительский уровень студентов в те годы был весьма высоким. Регулярно проводились пленумы факультета, куда выносились важнейшие вопросы, решение которых требовало участия всех кафедр.

В середине 1945/46 учебного года ко мне в класс зашел С. Н. Кнушевицкий, сказав, что сейчас они с Арамом Ильичом Хачатуряном будут показывать Семену Матвеевичу только что законченный Хачатуряном Виолончельный концерт. Я, конечно, тут же поднялась в 43-й класс. Там было несколько человек, довольно узкий круг слушателей. Играли и автор, и Святослав Николаевич с увлечением, очень эмоционально и с видимым удовольствием. Окончив, посмотрели на Семена Матвеевича. Никто не нарушал молчания, все ждали его первого слова. По движению его губ во время исполнения я уже видела, что концерт ему очень понравился. Он

С. М. Козолупов (40-е гг.)

помолчал и сказал (точно передаю его первые слова): «Ну что же — это нам подойдет». Потом уже говорили подробнее. Кое-что особенно понравившееся попросили автора и исполнителя повторить. В общей сложности концерт был сыгран дважды. Он был издан с посвящением С. Н. Кнушевицкому и быстро, прочно вошел в репертуар виолончелистов.

Несмотря на очень большую и многообразную педагогическую, общественно-музыкальную работу Семен Матвеевич не прекращал и исполнительской деятельности. В марте 1946 года (в год восьмидесятилетия Московской консерватории) Семен Матвеевич в числе ведущих профессоров-исполнителей выступил в сонатном вечере в Малом зале консерватории.

С 14 по 20 декабря проводилась «Музыкальная неделя», посвященная восьмидесятилетию Московской консерватории. В ее последний день состоялся концерт профессоров, среди которых были и лауреаты международных и всесоюзных конкурсов. В этом концерте участвовала наша семья. Я и Марина исполнили Пассакалию Генделя, а отец с Ириной сыграли третью часть из Сонаты Рахманинова.

28 декабря 1948 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в развитии музыкальной культуры Семену Матвеевичу было присвоено звание народного артиста РСФСР.

Эти годы вспоминаются как годы особенно наполненные творческой работой и разносторонней музыкальной деятельностью. Концертная жизнь продолжалась. Репертуар Семена Матвеевича обогащался новыми произведениями советских композиторов, а также незаслуженно забытыми, но достаточно интересными сочинениями русских авторов.

В программу своего сольного концерта в Малом зале консерватории в ноябре 1948 года Семен Матвеевич кроме произведений Баха, Бетховена, Шумана включил очень понравившиеся ему пьесы для виолончели своего ученика, талантливого композитора и виолончелиста Сулхана Цинцадзе. Сулхан Федорович учился в консерватории не только у Семена Матвеевича в классе, но и по композиции у профессора С. С. Богатырева.

Несмотря на то что свои обязанности декана в 1948 году Семен Матвеевич передал Дмитрию Михайловичу Цыганову, работы у него было более чем достаточно.

В течение многих лет он был членом ВАКа, продолжал консультировать фабрику музыкальных инструментов; он всегда входил в состав Совета Московской консерватории, принимая активное участие в его работе, и многие заботы о кафедре виолончели и контрабаса лежали на его плечах. Но он все успевал, его собранность и дисциплина помогали ему в этом. Почти всегда он был в хорошем настроении, никогда не терял чувства юмора, твердости убеждений и прямоты в суждениях. Часто он говаривал нам назидательно: «Надо знать и обязательно людям передать все, что знаешь». Мне это всегда напоминало фразу Александра Федоровича Гедике, который тоже часто, как всегда очень спокойно, говорил на уроках торопящемуся ученику (симпатично произнося букву «р»): «Пока не сыгнал — не иди дальше».

* *
*

В 40-х и 50-х годах было издано довольно много музыкальных произведений под редакцией Семена Матвеевича. Капитальным трудом, которому он отдал много времени и внимания, была редакция шести виолончельных сюит Баха, вышедших из печати в 1947 году. Она являлась первой советской редакцией этих произведений. Одной из задач, поставленных Семеном Матвеевичем, было дать этому изданию определенную педагогическую направленность (он решил не касаться вопросов текстологии). Его аппликатура и штрихи вносили ясность в смысл музыки, решали определенные стилистические задачи исполнения и помогали выявлению голосоведения и скрытой полифонии. Эта редакция разошлась в считанные дни и пользовалась, да и сейчас пользуется, большой популярностью. Много благодарностей было получено Семеном Матвеевичем от педагогов учебных заведений на периферии.

Семен Матвеевич задумал сделать еще одну редакцию сюит, так как в процессе работы (редакционной и концертной) его и его учеников рождалось много мыслей, дополнений и вариантов, которые он мечтал воплотить во втором издании. К сожалению, этого сделать он не успел. Его первая редакция была переиздана в 1976 году (автор этой книги подготовила издание к печати на основе сохранившихся архивных материалов, с добавлением некоторых аппликатурных и штриховых вариантов и текстологических изменений).

В 1948 году был издан сборник — Шесть сонат Бокерини для виолончели под редакцией С. М. Козолупова и Л. С. Гинзбурга. В 1950 году под редакцией Семена Матвеевича издавался Второй концерт Давыдова (переиздан в 1957 году). Очень значительный вклад в виолончельный репертуар внес Семен Матвеевич, отредактировав Сонату («Агреггione») Ф. Шуберта, изданную в 1951 году. Над редакцией этого стилистически и технически труднейшего произведения он работал с особым удовольствием и был очень рад, когда оно стало популярным в концертном репертуаре виолончелистов. Под общей редакцией Семена Матвеевича в 1955 году вышли из печати «Мелодические упражнения в соединении позиций» Н. В. Баклановой. В 1956 году была напечатана сделанная Семеном Матвеевичем обработка для виолончели и фортепиано — «Хор и пляски половецких девушек» из оперы «Князь Игорь» Бородина. В этом же году была переиздана под редакцией С. М. Козолупова и Л. С. Гинзбурга Школа К. Ю. Давыдова с дополнениями и комментариями С. М. Козолупова. Соната Биркенштока — великолепное произведение классического виолончельного репертуара — тоже была отредактирована им и вышла из печати в 1958 году.

В своих многочисленных редакциях музыкальных произведений Семен Матвеевич был всегда удивительно современен. Просматривая его работы даже давних лет, кажется, что они были сделаны как бы впрок: аппликатура, штрихи и нюансы, отвечающие нашим современным требованиям, отсутствие примитивизма, лишних украшательств, бережное отношение к музыке и стилю старинных мастеров, классиков, романтиков и современных авторов.

* *
*

С 1947 года стали регулярно проводиться Всемирные фестивали демократической молодежи и студентов, на которых организовывались художественные конкурсы по разным специальностям, в том числе и конкурсы музыкантов-исполнителей. Первый такой фестиваль состоялся в 1947 году в Праге. Председателем жюри конкурса музыкантов-исполнителей был приглашен профессор Виссарий Яковлевич Шебалин, членами жюри — профессора Семен Матвеевич Козолупов и Дмитрий Ми-

хайловнич Цыганов. Наши скрипачи — Леонид Коган, Юлиан Ситковецкий, Игорь Безродный и ученик Семёна Матвеевича виолончелист Федор Лузанов были награждены первыми премиями. Семён Матвеевич остался доволен оценкой наших талантливых музыкантов. Он много рассказывал о Праге, о прогулках по этому старинному красивому городу с его памятниками архитектуры.

В 1950 году в Праге состоялись два международных конкурса. Первый был в мае — Международный конкурс имени Гануша Вигана. Вторую премию на этом конкурсе получил ученик Семёна Матвеевича — Яков Слободкин (первую завоевал Даниил Шафран).

В августе там же состоялся Международный конкурс в честь проходившего в Праге Второго конгресса Союза студентов. Советские музыканты вновь одержали блестящую победу. Виолончелисты — Татьяна Приймак (ученица Г. С. Козолуповой) поделила первую премию с румыном Алдулеску, вторую премию поделили Виктор Симон (класс Семёна Матвеевича) с А. Вечтомовым (ЧССР). Членом жюри от нашей страны был приглашен профессор В. П. Ширинский.

Своими впечатлениями об этом событии В. П. Ширинский поделился через многотиражную газету Московской консерватории «Советский музыкант» (1950, 1 сентября): «Без волнения нельзя вспомнить тот сердечный, восторженный прием, который был оказан советской делегации, приехавшей в Прагу на Второй конгресс международного Союза студентов. После переезда границы, на каждой крупной станции советскую делегацию встречали подлинным ликованием — оркестрами, песнями, приветственными речами, цветами. Встречающие пели советские песни по-русски. Наша делегация была окружена исключительным вниманием и любовью. Вся страна была украшена национальными и советскими флагами. Международный конкурс музыкантов-исполнителей явился серьезнейшим соревнованием для советских участников. Румынские, болгарские, венгерские и чешские музыканты оказались достойными соперниками советских посланцев. Тем почетнее заслуженные победы, одержанные воспитанниками Московской консерватории».

В 1951 году Третий всемирный фестиваль молодежи и студентов проходил в Берлине. Там на Международном конкурсе виолончелистов первых премий были удос-

тоены Виктор Симон и Татьяна Прийменко, вторую получил Вадим Червов (ученик Г. С. Козолуповой) и третью Борис Чурсин (ученик Семена Матвеевича).

На конкурс виолончелистов Четвертого международного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в Бухаресте в 1953 году, был направлен студент второго курса Московской консерватории Игорь Козолупов, завоевавший первую премию.

Шестой всемирный фестиваль молодежи и студентов проводился в 1957 году в Москве. Все было празднично, торжественно. Конечно, серьезно готовились и к конкурсу. Первыми премиями были награждены Валентин Фейгин и Наталья Шаховская (класс Семена Матвеевича), Георгий Иванов (класс Г. С. Козолуповой) и аспирантка Алла Васильева.

На Международном конкурсе, состоявшемся в рамках Седьмого фестиваля молодежи и студентов в 1959 году в Вене, получила первую премию и золотую медаль Наталья Гутман — выпускница Центральной музыкальной школы (класс Г. С. Козолуповой).

В 1955 году состоялся очередной Международный конкурс имени Гануша Вигана. Первые премии здесь завоевали Михаил Хомицер (класс С. Н. Кнушевицкого) и А. Вечтомов (с 1953 года аспирант Московской консерватории у Семена Матвеевича), вторую премию Татьяна Прийменко.

На Международном конкурсе имени Казальса в Париже в 1957 году ученик Семена Матвеевича Валентин Фейгин стал лауреатом третьей премии.

* *

*

В октябре 1949 года состоялся двадцатипятилетний юбилей Государственного академического Малого театра — большое событие для москвичей. В концерте участвовали многие выдающиеся артисты. Посланцами Московской консерватории на этом празднике искусств были: Александр Борисович Гольденвейзер с Григорием Романовичем Гинзбургом, исполнившие Вальс из Первой сюиты для двух фортепиано Аренского, и ансамбль виолончелистов во главе с Семеном Матвеевичем, куда вошли не только профессора Московской консерватории, но и лауреаты всесоюзных и международных конкурсов. Их было так много, что они заполнили всю сцену. Исполнялась «Мелодия» Власова. Красивое,

мощное, проникновенное звучание стольких виолончелей произвело большое впечатление на публику.

В этом же году детская музыкальная школа Фрунзенского района, которую опекал Семен Матвеевич вместе с членами своей кафедры, праздновала свое тридцатилетие. В Большом зале консерватории было проведено торжественное заседание и концерт, посвященные этой дате. После официальной части состоялся концерт, в котором выступил и Семен Матвеевич, исполнив Арию из кантаты «Москва» Чайковского в сопровождении школьного ансамбля виолончелистов. Школа безусловно пользовалась большой популярностью, а такая блестящая организация этого праздника говорила о том, что весь коллектив и все учащиеся жили ее интересами.

В 50-х годах, будучи уже далеко не молодым человеком, Семен Матвеевич продолжал работать над собой, пополнял свой репертуар и был в очень хорошей исполнительской форме. Его постоянная увлеченность современной музыкой вызывала желание композиторов создавать все новые и новые произведения для виолончели.

В программу своего сольного концерта, состоявшегося в декабре 1950 года, он включил Вторую виолончельную сонату Мясковского, над которой работал с большим удовольствием. 30 марта 1952 года успешно выступил на «Вечере двух поколений» в Доме журналиста.

Мне кажется, что самой интересной и значительной программой в его творческой жизни была программа сольного концерта, прошедшего 3 января 1953 года, где он исполнил Первую сонату Бетховена, его же Вариации на тему из «Волшебной флейты» Моцарта, ми-минорную Сонату Брамса и Сонату Сергея Прокофьева.

На бис он часто преподносил какую-нибудь оригинальную, малоизвестную пьесу вроде «Маленького беленького ослика» Жака Ибера, после которой следовала очень серьезная, но тоже малоизвестная классическая пьеса. Подобный контраст воспринимался великолепно, создавая какую-то легкость восприятия и вызывая большой интерес слушателей.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1953 года Семен Матвеевич был награжден орденом Ленина.

Приближался день семидесятилетия Семена Матвеевича. В организации празднования этой даты участвовали дирекция Московской консерватории, дирекция Мос-

ковской государственной филармонии и Правление ЦДРИ. Юбилейный вечер, посвященный семидесятилетию со дня рождения и пятидесятилетию музыкально-педагогической и исполнительской деятельности Семена Матвеевича, состоялся 26 апреля 1954 года в Большом зале Московской консерватории. Это был очень торжественный, но по-домашнему уютный и добрый вечер.

В кратком и ярком вступительном слове профессор Иван Иванович Любимов осветил творческий путь Семена Матвеевича. Об этом достаточно много сказано в данной работе, поэтому приведу всего две заключительные фразы из его выступления, которые, как мне кажется, глубоко и правильно определили характер и значение деятельности Семена Матвеевича за полувековой период. «Будучи выдающимся исполнителем-виолончелистом, Семен Матвеевич вместе с тем является совершенно исключительным по масштабам и достижениям педагогом, создателем первой в Советском Союзе по значению виолончельной школы. Весь жизненный путь Семена Матвеевича — это служение искусству, и через служение искусству — служение своему народу. Высокое чувство моральной ответственности перед Родиной выдвинуло Семена Матвеевича Козолупова в первые ряды советской музыкальной интеллигенции, в те ряды музыкантов Советского Союза, которые составляют славу и гордость не только своими блестящими исполнительскими и педагогическими достижениями, но и близостью к народу, пониманием его лучших прогрессивных чаяний, в те ряды лучшей русской интеллигенции, которые беззаветно отдали себя и дело всей своей жизни служению своей Родине».

В концертном отделении Семен Матвеевич исполнил произведения Эрвелау, Мендельсона, Рахманинова, Форэ, Кленгеля. Владел он собой великолепно, но мы-то, родные, чувствовали, что он очень взволнован. После концертного отделения состоялось чествование юбиляра.

В заключение вечера выкатили рояль, и мы, дочери Семена Матвеевича, сыграли финал Трио соль мажор ор. 1 № 2 Бетховена. После окончания чествования и взволнованных слов благодарности, сказанных Семеном Матвеевичем, сцену Большого зала заполнили его ученики. Их было, вероятно, более восьмидесяти человек. По традиции они исполнили Арию Шуберта и Гимн Давыдова. Репетиционный период был связан с определенными трудностями, так как с каждой репетицией при-

бавлялось количество участников — приезжали многие и из других городов. Выступление ансамбля виолончелистов готовилось втайне от Семена Матвеевича и явилось для него большим сюрпризом.

* *
*

В конце 1954 года Семен Матвеевич решил частично сократить масштабы своей работы и попросил освободить его от заведования кафедрой, которой руководил восемнадцать лет. Ему пошли навстречу, и заведующим кафедрой был назначен С. Н. Кнушевицкий. В 50-х годах класс Семена Матвеевича был по-прежнему очень сильным. У него учились талантливые виолончелисты, среди них Виктор Симон, Валентин Фейгин, Наталья Шаховская, Тамара Габарашвили, Илларион Чейшвили, Борис Чурсин, Кира Цветкова, Галина Зубарева, Алла Жук, Феликс Крамфус, Эрнест Поздеев и многие другие. Это были, как говорил Семен Матвеевич, «хорошо подкованные лошадки», молодые люди, с которыми можно было показать интересные программы на классных вечерах и экзаменах, которых можно было подготовить для отбора к участию в конкурсах. Под руководством Семена Матвеевича готовилась кандидатская диссертация, посвященная созданию методического пособия для класса виолончели в детских музыкальных школах. Ее автор — аспирант из Казани Афзал Хайрутдинов. В основу этой диссертации легло изучение и обобщение педагогического опыта Семена Матвеевича. Научным консультантом являлся Л. С. Гинзбург. Диссертация была успешно защищена.

Нельзя не сказать несколько слов о великих тружениках, превосходных музыкантах и прекрасной души людях, всегда самоотверженно выполнявших нелегкую, но очень важную работу. От нее зачастую во многом зависели результаты и степень успеха молодых исполнителей-студентов, выступавших в концертах и на конкурсах, а также уверенность и спокойствие их профессоров. Я имею в виду ближайших их помощников — концертмейстеров.

У Семена Матвеевича в классе с 1946 по 1958 год работала талантливейшая пианистка, окончившая в 1944 году Московскую консерваторию по классу Константина Николаевича Игумнова, — Фрида Бауэр. Она была превосходным концертмейстером и замечательным

человеком, понимающим непростую иногда жизнь тех, с кем она общалась, и с большим тактом умевшая утешить и поднять настроение, когда это было необходимо. Каждый чувствовал в ней большого мастера и верного друга, готового всегда прийти на помощь. Семен Матвеевич очень сожалел, когда она не смогла работать в Московской консерватории, став постоянным партнером Давида Ойстраха.

После Фриды Иосифовны Бауэр у Семена Матвеевича в классе работала концертмейстером пианистка высокой квалификации — Евгения Львовна Сейдель, ученица Генриха Густавовича Нейгауза, потом Льва Николаевича Оборина, по классу которого окончила Московскую консерваторию в 1945 году. С ней работа проходила также без всяких трудностей и очень успешно.

Нельзя не сказать о почти легендарной личности концертмейстера Екатерины Филипповны Фукс. Наша семья знала ее еще студенткой. Никогда и никому она не отказывала, если необходимо было срочно выручить (а это в нашей работе бывало нередко). Она была настоящим мастером в читке нот с листа любой трудности, в любом транспорте могла аккомпанировать музыкантам самых различных специальностей — от скрипки до контрабаса, от флейты-пикколо до бас-фагота и от трубы до тубы.

* *
*

В 1957 году жизнь семьи была омрачена печальным событием. В июне скончалась Надежда Николаевна. Ее смерть была большим потрясением для отца, он потерял свою жизнерадостность и даже стал иногда плохо видеть. Утешение же находил только в работе, в своем втором доме — консерватории.

В декабре этого года в Центральном Доме работников искусств был организован вечер-концерт «Артистические семьи», вызвавший большой интерес. Участие нашей семьи было очень желательно. На этот раз Семен Матвеевич присутствовал, но не играл, его душевное состояние ему этого не позволило, выступали только дочери.

23 апреля 1959 года Семену Матвеевичу исполнилось семьдесят пять лет. Он отказался от какого-либо торжественного юбилейного празднества, но консерватория все же решила отметить этот день. Его пригласили

С Е. Цимбалистом (Москва, 1958)

в кабинет дирекции, где в очень теплой обстановке было сказано много горячих слов благодарности за тот большой вклад, что он всю жизнь вносил и продолжает вносить в музыкальное искусство нашей Родины своим могучим талантом, преданностью делу и честностью, с которой всегда относится к своему труду, подняв на необычайную высоту значение виолончели как популярного концертного инструмента.

Его пришли поздравить коллеги по консерватории, старейшие профессора А. Б. Гольденвейзер, С. И. Мигай, профессора и педагоги оркестрового факультета, кафедры виолончели и контрабаса, представители оркестра Большого театра и многих других коллективов, Института имени Гнесиных, Центральной музыкальной школы, детской музыкальной школы Фрунзенского района и, конечно, ученики. Пришло много телеграмм, в том числе из консерваторий Саратова, Горького, Казани, Еревана, Киева, Ленинграда.

Семен Матвеевич сердечно поблагодарил собравшихся и сказал, что был бы счастлив, если бы здоровье позволило ему как можно дольше продолжать делать любимое дело.

Работа в классе Семена Матвеевича шла, как всегда, организованно и четко. Проходили открытые вечера

класса в Малом зале, исполнялся интересный разнообразный репертуар большой трудности. Сохранилась рецензия на один из таких вечеров в многотиражной газете консерватории «Советский музыкант», написанная профессором С. З. Асламазяном. Он подробно остановился на выступлениях всех студентов и закончил рецензию словами: «Мы привыкли испытывать особое эстетическое наслаждение от концертов класса С. М. Козолупова, нас всегда удовлетворяет тот высокий художественный уровень, который отличает эти показы учеников».

В 1961 году был объявлен Всесоюзный конкурс музыкантов-исполнителей. Наши виолончелисты начали к нему готовиться. В работе жюри участвовали С. М. Козолупов, С. З. Асламазян, С. Н. Кнушевицкий, С. П. Ширинский, А. К. Власов, Э. Я. Берзинский, Б. Н. Буфлаков и Г. С. Козолупова.

В результате первую премию получила ученица Семена Матвеевича — Наталья Шаховская, вторую завоевала Наталья Гутман (класс Г. С. Козолуповой) и третьей премией был награжден ученик Семена Матвеевича — Валентин Фейгин.

В мае месяце 1961 года в Праге должен был проходить Международный конкурс имени Дворжака. Было решено, что посланцами от нашей страны в Прагу поедут две Наташи — Шаховская и Гутман. Программа там была достаточно сложная, и наши участники усиленно готовились к этому серьезному соревнованию. В жюри должен был поехать Семен Матвеевич.

Все шло как будто не плохо, но в апреле месяце отец заболел и после кратковременной тяжелой болезни 18 апреля 1961 года перестало биться его горячее сердце.

* *
*

Уже четверть века нет с нами Семена Матвеевича, но, сделав хотя бы беглый обзор всего того, что входит в понятие «виолончельное искусство», можно увидеть — что внесено туда Семеном Матвеевичем.

Его школа дала множество отличных виолончелистов разных профилей. Среди них — плеяда выдающихся исполнителей, лауреатов всесоюзных и международных конкурсов, профессора и доценты консерваторий, педагоги музыкальных училищ и школ, участники камерных

ансамблей, артисты оркестров, методисты в области исполнительства на смычковых инструментах.

Конечно, перечислить всех выдающихся музыкантов, учеников Семена Матвеевича нескольких поколений — задача непосильная. Но мой долг — хотя бы частично сделать это.

Среди его учеников есть люди, которых уже нет с нами, но имена их не будут забыты. О них я уже писала в этой работе. Это — Сергей Захарович Асламазян, Святослав Николаевич Кнушевицкий, Лев Соломонович Гинзбург, Давид Борисович Любкин, Борис Маркович Реентович.

В настоящее время прославляют советское виолончельное искусство множество воспитанников Семена Матвеевича.

Наталья Шаховская — профессор, заведующая кафедрой виолончели и контрабаса Московской консерватории, лауреат всесоюзного и международных конкурсов, народная артистка РСФСР.

Александр Власов — профессор института имени Гнесиных, где работает с 1944 года и по настоящее время (шесть лет был деканом оркестрового факультета, двадцать два года заведовал кафедрой струнных инструментов), лауреат Всесоюзного конкурса виолончелистов, заслуженный деятель искусств РСФСР, автор ряда обработок, редакций, сочинений.

Сулхан Цинцадзе — виолончелист и композитор, ректор и профессор Тбилисской консерватории имени Палиашвили, народный артист Грузинской ССР, лауреат Государственной премии.

Федор Лузанов — лауреат всесоюзных и международных конкурсов, народный артист РСФСР, в течение двадцати четырех лет солист ГАБТа, десять лет был концертмейстером Госоркестра СССР, ныне артист Московской филармонии и педагог института имени Гнесиных.

Валентин Берлинский — профессор института имени Гнесиных, участник квартета имени Бородина, лауреат Государственной премии имени Глинки.

Афзал Хайрутдинов — профессор Казанской консерватории, заведующий кафедрой струнных инструментов, кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств РСФСР и Татарской АССР.

Гурген Адамян — профессор Ереванской консерватории, композитор-виолончелист, народный артист Армянской ССР.

Виктор Симон — лауреат международных конкурсов, концертмейстер Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения, заслуженный артист РСФСР.

Валентин Фейгин — доцент Московской консерватории, лауреат всесоюзного и международных конкурсов, концертирующий виолончелист.

Владимир Хоменко — профессор института имени Гнесиных по классу контрабаса, методист, заслуженный деятель искусств РСФСР.

Роман Сапожников — доцент по классу виолончели института имени Гнесиных с 1946 года и по настоящее время. Кандидат искусствоведения, теоретик-методист.

Борис Доброхотов — доцент института имени Гнесиных по классу камерного ансамбля, методист, кандидат искусствоведения.

Яков Слободкин — лауреат всесоюзного и международного конкурсов, заслуженный артист РСФСР.

Исаак Буравский — солист-концертмейстер ГАБТа, лауреат первой премии на конкурсе смычковых квартетов (Москва, 1938), заслуженный артист РСФСР.

Кира Цветкова — лауреат первых премий Всесоюзного и Международного конкурсов смычковых квартетов (Москва, 1937; Будапешт, 1939), помощник концертмейстера в оркестре ГАБТа, участница квартета Союза советских композиторов.

Тамара Габарашвили — солистка Московской филармонии, лауреат международных конкурсов, заслуженная артистка Грузинской ССР.

Александр Вечтомов (ЧССР) — лауреат международных конкурсов.

Вениамин Рубин — солист-концертмейстер ГАБТа.

Борис Чурсин — лауреат Международного конкурса, артист оркестра ГАБТа.

Лев Каплан — лауреат Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей, много лет был концертмейстером Академического симфонического оркестра Московской государственной филармонии (АСО МГФ).

Эрнест Поздеев — концертмейстер АСО МГФ.

Феликс Крамфус — второй концертмейстер Государственного оркестра кинематографии.

Людмила Королевич — заместитель концертмейстера ГАБТа.

Леонид Гольдберг — артист оркестра АСО МГФ.

Алла Жук — артистка Госоркестра СССР.

Гурген Вартапетов — артист оркестра ГАБТа.

Николай Вавилов — артист оркестра ГАБТа.

Татьяна Полторыхина — артистка оркестра АСО
МГФ.

Галина Иванова — артистка оркестра ГАБТа.

Тамар Мовчан — артистка Государственного оркестра кинематографии.

Галина Зубарева — концертмейстер Камерного оркестра Московской консерватории.

Были у Семена Матвеевича ученики, не получившие высоких званий, но влюбленные в свое дело, работающие самоотверженно и плодотворно. Например, Вера Бирина, педагог школы-десятилетки при институте имени Гнесиных, готовит очень хорошие кадры для вузов. Или Игорь Мортэнсен, увлеченный ансамблями виолончелистов, которые он выращивал всю свою жизнь, заслуживая признательность слушателей. И таких энтузиастов — десятки.

Продолжатели дела Семена Матвеевича Козолупова — это его бессмертие.

Приложение

ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНИКОВ

Н. Н. Шаховская

Великий педагог

Я поступила в класс Семена Матвеевича Козолупова в 1954 году, когда вся музыкальная общественность нашей страны торжественно отметила в Большом зале Московской консерватории семидесятилетие этого выдающегося музыканта. Попасть в класс знаменитого профессора для каждого юного виолончелиста было мечтой. Но тогда я еще не могла себе представить, какую огромную роль в моей жизни сыграет общение с этим удивительным человеком.

В классе Семена Матвеевича я получила не только профессиональную школу, не только сделала первые шаги в исполнительском искусстве; здесь был заложен очень крепкий фундамент определенных жизненных взглядов, определенной позиции в искусстве, в общении с людьми. Скольким его мудрым, поистине отеческим советам я благодарна — они и по сей день помогают мне в педагогической и исполнительской работе. Семен Матвеевич очень любил молодежь, очень бережно ее воспитывал. Его интересовали все мельчайшие подробности быта его студентов, и в трудные моменты каждый из нас мог получить от него совет и помощь.

В классе всегда царила творческая рабочая атмосфера. Наш профессор был человек удивительной дисциплины.

Казалось бы, находясь в зените педагогической славы, Семен Матвеевич мог ограничиваться отдельными указаниями, используя свой богатейший исполнительский и педагогический опыт, но это было не так. Семен Матвеевич очень умело, тактично направлял ученика, вместе с ним находил наиболее рациональное решение той или иной проблемы, воспитывал самоконтроль во время игры, осознанность любого действия на инструменте, приучал учеников творчески мыслить.

Семен Матвеевич всегда требовал от нас высокого профессионализма. Он никогда не торопил ученика, мог потратить несколько уроков на освоение того или иного

технического приема. И если что-то у ученика не удавалось, он очень огорчился и также искренне радовался, когда добивался необходимого результата. Я никогда не забуду поразивший меня случай в период моих занятий на втором курсе. У меня был последний урок перед зимними студенческими каникулами, на котором я играла Сонату Вебера. Одно место мне не удавалось сыграть так, как хотел Семен Матвеевич. Естественно, что после урока Семен Матвеевич был очень недоволен. Я ушла с урока расстроенная. Я не имела возможности заниматься дома и занималась в консерватории. На период каникул мне был выделен класс для занятий. В один из дней, когда я уже в отчаянии опустила руки, так как решила, что я никогда не сыграю эту Сонату, открывается дверь в класс, входит как всегда улыбающийся Семен Матвеевич и говорит: «Ну, давай поработаем». Он занимался со мной почти два часа, пока неудававшееся мне место в Сонате не было сделано.

Меня тогда просто потрясло отношение Семена Матвеевича ко мне. Позже я поняла, что это была удивительная ответственность великого педагога и человека, которая не давала ему спокойно отдыхать, пока его педагогическая задача не будет решена.

Проходят годы, я уже сама двадцать пять лет работаю педагогом. Когда я открываю утром дверь 43-го класса, где всегда занимался Семен Матвеевич, с чувством глубокой благодарности смотрю на портрет своего профессора — человека удивительного таланта, труженика, настоящего патриота своей Родины, влюбленного в свою профессию, воспитателя огромной плеяды советских музыкантов.

С. Ф. Цинцадзе

**Мой учитель
Семен Матвеевич
Козолупов**

Время — самый справедливый и строгий судья нашему прошлому, оно безошибочно точно расставляет на свои места окружающих нас людей, которых порой безжалостно отдаляет от нас круговорот жизни. Так, с большинством из тех, с кем мне довелось общаться,

судьба сводила меня лишь на определенные отрезки времени. Но мне, естественно, дороги те, кто оставил неизгладимый след в моей жизни. Среди них одним из первых я представляю себе Семена Матвеевича Козолупова -- одного из основоположников советской виолончельной школы, профессора Московской консерватории, в классе которого мне посчастливилось учиться в 40-х годах.

Семен Матвеевич был музыкантом в самом прекрасном смысле этого слова. Его глубоко одаренная натура отражалась в его исполнительстве (помню его великолепные выступления в Малом зале консерватории) и педагогической деятельности. Одаренность эта сочеталась с высочайшим профессионализмом, исходящим от благоговейного отношения Семена Матвеевича к музыке, от его бескомпромиссности, требовательности к себе и к своим ученикам.

В своей педагогической деятельности он руководствовался строгими и непоколебимыми принципами. Вместе с тем, ничуть не изменяя им, Козолупов всегда искал и находил ту направленность в занятиях, которая в наибольшей степени соответствовала способностям каждого ученика в отдельности. Нам это было хорошо известно, так как, по прекрасной традиции лучших профессоров Московской консерватории, ученики Семена Матвеевича почти всегда присутствовали в классе, слушая друг друга на уроках.

Я горжусь тем, что Семен Матвеевич возлагал на меня большие надежды как на виолончелиста. Тем не менее, узнав о моем увлечении композицией и прослушав мои ранние опыты, он не только не воспрепятствовал моему устремлению, но и с отеческой мудростью «уступил» меня Семену Семеновичу Богатыреву (в классе которого я стал заниматься по композиции), при этом настояв на том, чтобы я окончил учебу и по классу виолончели. Фактически на путь композитора меня благословил именно Семен Матвеевич Козолупов. По его настоятельному требованию, написанный мною в те годы Виолончельный концерт был включен в программу классного вечера и экзамена. Мне никогда не забыть того, как был счастлив Семен Матвеевич. Он был рад за своего ученика — начинающего композитора. Позднее, поздравляя меня с творческими успехами, он с гордостью говаривал, что вместо виолончелиста выходил композитора.

Семен Матвеевич был человеком исключительного благородства. Он бывал очень строгим, но при этом добрым и сердечным. От его заботливых глаз не ускользало плохое самочувствие его питомцев, вызванное постоянным недоеданием, которое испытывали мы, студенты консерватории, в тяжелые послевоенные годы. Помню, как Семен Матвеевич неожиданно стал назначать мне занятия у себя дома, мотивируя это своей загруженностью в консерватории. Лишь через несколько уроков я воспротивился, догадавшись, что педагог мой преследовал совершенно другие цели — в перерыве между занятиями он, между прочим, предлагал мне закусить. Подобных примеров душевной доброты Семена Матвеевича я помню очень много...

Завершая свое небольшое воспоминание о дорогом мне человеке, я благодарю свою судьбу за то, что она свела меня с Семеном Матвеевичем Козолуповым, светлая память о котором стала спутницей всей моей жизни.

А. К. Власов

**В классе профессора
Семена Матвеевича
Козолупова**

Мои занятия с Семеном Матвеевичем Козолуповым начались в 1934 году. С первых уроков я почувствовал, что должен проявлять свою инициативу, так как мой новый профессор обратил особое внимание на развитие моей самостоятельности в подборе аппликатуры, штрихов и трактовки музыкальных произведений. Он ничего не навязывал, а только лишь контролировал и советовал.

В эти годы у Козолупова был очень сильный по составу учеников класс.

В классе и на академических прослушиваниях нам аккомпанировала Ирина Козолупова, превосходный музыкант и человек.

Я старался присутствовать в классе, когда он работал с другими учениками, и воспринимал много полезного. Обычно Семен Матвеевич занимался, не придерживаясь строгого регламента, — столько, сколько считал нужным. На уроках он часто брал в руки виолончель и,

показывая тот или иной прием игры, давал ясные, лаконичные пояснения, что всегда было впечатляюще. Целиком он никогда ничего в классе не играл — но его мысль и данное им направление всегда были исключительно понятны.

Помню, бывали у меня продолжительные двухчасовые уроки, когда профессор находился в особом «ударе» и занимался с большим подъемом и увлечением. Часто это было при изучении новых произведений: однажды я принес на урок Сонату Кассадо, Семен Матвеевич предложил мне сыграть ее. Я рискнул, хотя она была мной только поверхностно предварительно просмотрена. Прослушав, Козолупов ничего определенного не сказал, даже немного поморщился, но разрешил мне принести ее в класс вторично, через неделю. На этот раз произведение очень понравилось профессору. Он увлекся работой и увлек меня, предложил мне много ценных указаний, и два часа прошли незаметно.

Семен Матвеевич был практиком. В методе его занятий преобладали либо показ на инструменте, либо выразительный дирижерский жест, помогающий ученику уловить нужный темп и характер. Он не любил слабый, немощный звук и требовал сочности, красоты, полноты и выразительности тона.

Большое преимущество школы Козолупова заключалось в том, что он добивался такой постановки рук, которая обеспечивала наилучшее звучание и перспективное развитие техники, тем самым создавая условия для раскрытия творческой индивидуальности ученика. Особо замечательную постановку рук приобретали у Козолупова ученики, начинавшие у него занятия с первых уроков. У студентов, имеющих какие-либо недостатки в постановке, Козолупов настойчиво исправлял их в процессе занятий.

Вне класса Семен Матвеевич бывал общителен, весел и обаятелен, но в часы занятий соблюдал строгость и требовательность. Уроки проводил целеустремленно. Иногда задавал студенту краткие вопросы, интересуясь его занятиями и бытом.

Играя на уроках в классе, я иногда чувствовал некоторую скованность, но зато в концертах или на академических вечерах присутствие профессора меня вдохновляло и помогало преодолевать излишнее волнение. Если Козолупов оставался доволен игрой студента, то награждал его высшей степенью похвалы — поцелуем.

Семен Матвеевич обладал тонким умом, чувством юмора. С двух слов он мог понять скрытую мысль и весьма кратким намеком выразить свою. Для разрядки слишком серьезной или напряженной ситуации в классе он любил пользоваться образными выражениями. Как-то раз, когда я играл на уроке Концерт Дворжака недостаточно эмоционально, Семен Матвеевич сказал: «Ну что ты сидишь как цветная капуста, расшевелись немного». Следя за интонационной аккуратностью исполнения, я иногда мало значения придавал эмоциональной стороне музыки. По этому поводу профессор как-то раз воскликнул: «Ты играешь до противности чисто».

Семен Матвеевич старался всесторонне развивать студента, включая в его рабочий план произведения самых различных стилей. Он с интересом следил за появлением виолончельных новинок и охотно давал их студентам. Семен Матвеевич никогда навечно не закреплял установленную интерпретацию, нюансы, штрихи, аппликатуру; он всегда находился в поисках лучшего. По этому поводу профессор весьма образно выражался: «Я в жизни линял не один раз». Кстати об аппликатуре: С. М. Козолупов очень скупно проставлял в нотах аппликатуру; он говорил, что большое количество цифр мешает играть с листа, поэтому цифру, обозначающую палец, следует указывать только при смене позиции. Во всех сделанных и изданных им редакциях он придерживался этого правила. Играя в оркестре, я на практике убедился в его правоте. Зрение охватывает несколько нот, которые сразу группируются в определенной позиции. Если же в этом отрезке проставлена аппликатура, не совпадающая с той, которая сформировалась у играющего, то происходит как бы конфликт между двумя аппликатурами; а исполнитель при этом может сбиться.

Особое внимание Семен Матвеевич обращал на исполнительский план и требовал, чтобы все было продумано до мельчайших подробностей. При работе над интонацией указывал на то, что широким и узким позиционным расположением пальцев следует придавать огромное значение. Объясняя исполнение штрихов, Семен Матвеевич вносил полную ясность — какой частью руки производятся те или иные движения.

Все исполнительское и педагогическое творчество С. М. Козолупова было проникнуто и наполнено опти-

Мистическим, жизнеутверждающим началом, и это передавалось его ученикам.

Семен Матвеевич сам не обладал штрихом стаккато, но многие его ученики овладели им в совершенстве. Он считал, что научить этому нельзя, а помочь научиться — можно. Однажды, выступая перед студенческой аудиторией в институте имени Гнесиных, Семен Матвеевич высказал такую мысль: «Я никого не научил штриху стаккато, это природный дар. Если штрих есть в зародыше, то он быстро выявляется и быстро развивается, важно лишь уловить правильный прием игры». Интересно, что пианистка Ирина Семеновна Козолупова, совершенно не владея виолончелью, демонстрировала этот штрих великолепно. Она брала в руки смычок, прикладывая его к струне инструмента, который держал виолончелист, и изображала «пулеметное» стаккато.

Все мы, его ученики, очень любили слушать игру нашего профессора, когда он давал свои сольные концерты или выступал с оркестром. В эти моменты мы особенно гордились им. Постоянно, один-два раза в год С. М. Козолупов выходил на сцену Большого или Малого зала Московской консерватории и демонстрировал свое мастерство.

Семен Матвеевич обладал сочным, объемным звуком, безукоризненным ведением смычка, блестящими комбинированными штрихами и особенно спиккато и сотийе, которые он мог выполнять в верхней части смычка. На сцене профессор выглядел по-царски, величественно. Он очень красиво, прямо и с достоинством большого артиста держался за инструментом. Крупные, мягкие и пластичные руки свободно и непринужденно выполняли все движения. В свои программы Семен Матвеевич особенно любил включать сонаты Биркенштока, Боккери-ни, Рахманинова, позднее Вторую Мясковского, Прокофьева. Семен Матвеевич до семидесяти лет продолжал выходить на сцену и хорошо играть.

Ежегодно Семен Матвеевич устраивал торжественный смотр творческим силам своего класса и организовывал в Малом зале консерватории концерты, в которых принимали участие лучшие его ученики. Часто концерты завершались виолончельными ансамблями.

Окончив консерваторию, а затем аспирантуру, я не порывал творческой связи с профессором и пользовался его консультациями перед своими сольными концертами, а с 1944 года мы много лет работали вместе в открыв-

шемся Музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных. С. М. Козолупов возглавлял кафедру струнных инструментов, я — оркестровый факультет.

Ф. П. Лузанов

Мой дорогой профессор

Я начал учиться на виолончели в возрасте десяти лет в музыкальной школе в Ростове-на-Дону, где жила наша семья. Летом 1933 года в Железноводске профессор Александр Иванович Орлов, дирижировавший оркестром Ростовской филармонии, где работал мой отец, посоветовал моим родителям показать меня знаменитому профессору Московской консерватории Семену Матвеевичу Козолупову, отдыхающему в Ессентуках. В Ессентуках я и увидел в первый раз Семена Матвеевича.

Он меня прослушал, сказал, что мне нужно учиться в Москве и что он возьмет меня в свой класс в Центральную музыкальную школу. Позже Семен Матвеевич любил шутить: «Этого ученика я откопал в горах Кавказа».

После двух лет занятий в ЦМШ, когда я сыграл в Кисловодске с оркестром (под управлением профессора Орлова) Концерт Сен-Санса, Александр Иванович сказал: «Да, Козолупов педагог фантастический».

Трудно сосчитать, сколько виолончелистов учились у профессора Козолупова, так как многие, не занимаясь, а только присутствуя в его классе, так или иначе впитывали в себя его школу, его методы. Редакции сюит Баха, концертов Давыдова, сонат Боккерини и многих других сочинений, даже не изданных, до сих пор являются основой для воспитания нового поколения советских виолончелистов в вузах страны и других музыкальных учебных заведениях. Семен Матвеевич создал свою систему и методы работы с учениками, свою школу. Это штриховая техника, пальцевая беглость, аппликатурные приемы. Огромное значение Семен Матвеевич придавал качеству звучания инструмента. Работа над звуком, культурой исполнения, интонацией всегда была основой занятий в классе. На уроках Семена Матвеевича всегда присутствовали все ученики. Мы слушали друг друга, а замечания и советы нашего учителя касались нас всех.

Большим событием всегда были классные вечера. Участник такого вечера отчитывался перед своим учителем о проделанной работе за определенный период. Семен Матвеевич был довольно скуп на похвалу, даже при удачном выступлении. Если при разборе игры ученика он говорил: «Сегодня ты играл достойно», то это было высокой оценкой. Ну а если он произносил «хорошо», то это было равносильно тому, что в настоящее время равняется 5⁺⁺⁺. Часто задают вопрос: «Как Семен Матвеевич готовил ученика к экзаменам или к конкурсам?» Хочу по опыту сказать, что Семен Матвеевич никогда и никуда своих учеников не готовил. Он учил играть на виолончели, и этим все сказано. Более того, он часто говорил: «Где бы ни играл мой ученик, он должен играть достойно». Под словом «достойно» подразумевалось многое: чистейшая интонация, красивый сочный звук, высокая исполнительская культура и многое другое. Как правило, ученики Семена Матвеевича приходили на урок с выученным вчерне заданным сочинением. В классе Козолупова считалось неприличным играть не чисто, не те ноты и т. д. Семен Матвеевич никогда не стеснял индивидуальности ученика, не подавлял стремление показать что-то свое, но в то же время очень корректно оберегал от возможной манерности, слащавости и других недостатков. Репертуар в классе Семена Матвеевича был очень велик и разнообразен. Сочинениям советских композиторов уделялось большое внимание. Надо сказать, что благодаря усилиям Семена Матвеевича многие сочинения советских композиторов стали исполняться у нас в стране и за ее пределами. Этому способствовало и новаторство Семена Матвеевича в области аппликатуры и штрихов; Семен Матвеевич был редактором и исполнителем многих произведений советских композиторов.

В своей педагогической и исполнительской работе я всегда стараюсь следовать указаниям и советам Семена Матвеевича. Своим студентам я много рассказываю о нем, его школе, о том, как мы, его ученики, любили и уважали своего учителя, о той замечательной атмосфере, которая царил в классе.

Могучий талант Семена Матвеевича Козолупова создал советскую виолончельную школу, которая обогатила музыкальную культуру нашей страны. Ученики Семена Матвеевича, лауреаты конкурсов, профессора, доценты, артисты оркестров и педагоги музыкальных

учебных заведений высоко несут знамя советского искусства, всегда помнят, что своими успехами и достижениями они обязаны кропотливой работе своего учителя, выдающегося педагога современности Семена Матвеевича Козолупова.

В. Л. Симон

Мой учитель

Я учился у Семена Матвеевича Козолупова с 1948 по 1952 год как студент Московской консерватории и потом несколько лет в заочной аспирантуре, уже работая в Большом симфоническом оркестре Всесоюзного радио и телевидения. По прошествии многих лет я продолжаю ощущать, что общался с незаурядным, многогранно одаренным человеком, и благодарю судьбу, что был учеником такого талантливого педагога.

К каждому студенту он подходил очень индивидуально, видел в нем личность. Со мной на первых порах обращался весьма сурово. Несмотря на то что до начала занятий с Семеном Матвеевичем я уже проходил очень сложные произведения концертного репертуара вроде Вариаций на тему рококо Чайковского и Сонаты Шуберта, я был «посажен» на Сонату Корелли и Четвертый концерт Ромберга. В первые годы учения у Семена Матвеевича я слышал немало резких и обидных, казалось мне, слов. Теперь же я понимаю, что Семен Матвеевич, разобравшись в моем складе характера, выбрал единственно правильный тон и правильную линию педагогического воздействия, за что я безгранично ему благодарен.

Во время занятий у Семена Матвеевича присутствовали в классе другие студенты, настоящие и бывшие, учившиеся у других педагогов, приезжавшие из других городов, педагоги-виолончелисты, а также часто музыканты не виолончелисты.

Когда студент начинал играть, устанавливалась тишина. Семен Матвеевич никогда не прерывал исполнителя без особых на то причин, давал сыграть или всю пьесу, или часть крупной формы, а уже потом разбирал игру и делал указания.

Я всегда волновался, когда играл на уроке.

Такая обстановка публичного выступления была почти на каждом занятии, что помогало чувствовать себя более уверенным на эстраде.

Не надо много слов говорить о том, как это важно для будущего артиста. Лично для меня это обстоятельство в дальнейшей творческой жизни имело огромное значение.

Р. Е. Сапожников

Учитель и друг

Весной 1923 года в Киеве с большим успехом прошел концерт виолончелиста, профессора Московской консерватории С. М. Козолупова. Незадолго до этого концерта я окончил Киевскую консерваторию. Стремясь к дальнейшему совершенствованию, я осенью поступил на существовавшее в то время «Виртуозное отделение» Московской консерватории в класс профессора С. М. Козолупова.

С первых же уроков Семен Матвеевич стал для меня не только уважаемым и авторитетным учителем, но также старшим товарищем, а вскоре я подружился и со всей семьей Козолуповых.

Семен Матвеевич относился к каждому своему ученику с большим вниманием. Он интересовался не только успеваемостью студентов, но чутко отзывался на все трудности, возникавшие у них в жизни. Не раз он и мне помогал мудрыми советами.

Весной 1926 года С. З. Асламазян и я окончили Московскую государственную консерваторию. Это был первый выпуск учеников из класса тогда еще молодого профессора консерватории С. М. Козолупова. На всю жизнь я сохранил в душе глубокую благодарность к моему учителю и другу. В дальнейшем я еще многие годы общался с Семеном Матвеевичем и при первой возможности посещал его занятия, черпая в них многообразные педагогические и методические познания.

Позволю себе поделиться некоторыми своими наблюдениями и впечатлениями о методах работы профессора С. М. Козолупова, которого справедливо считают одним из основателей всемирно известной советской виолончельной школы.

На своих занятиях Семен Матвеевич всегда был предельно собран и работал с полной отдачей. Разумеется, его поведение в классе во многом зависело от того, с каким учеником он занимался, и от учебного материала. Если работа велась над произведением, которое студент уже достаточно освоил, Семен Матвеевич с большим эмоциональным «накалом» вел занятия, доходя порой до высшей степени возбуждения. Добиваясь от ученика художественно-выразительного исполнения, он часто применял показ на инструменте, дирижерские жесты, изредка напевая ту или другую музыкальную фразу. При работе над инструктивными этюдами профессор спокойно и обстоятельно пояснял основную методическую задачу этюда и встречающиеся в нем трудности, указывал, как лучше преодолеть их. Иногда он от весьма подвижных студентов неожиданно требовал сыграть гамму различными штрихами. Очень тщательно готовил Семен Матвеевич своих учеников к выступлениям на академических вечерах, к зачетам и экзаменам. Следует еще отметить одну характерную черту, которая была свойственна профессору Козолупову до последних дней его жизни: неустанное совершенствование своего педагогического мастерства.

Когда после длительного перерыва я приходил на уроки Семена Матвеевича, то неизменно замечал у него все новые приемы и методы ведения занятий.

В заключение хочу подчеркнуть, что Семен Матвеевич оказывал самое благотворное влияние на дальнейшую профессиональную деятельность своих учеников. Не случайно из его класса вошла в жизнь не только блестящая плеяда виолончелистов-виртуозов, но и многие видные советские педагоги, а также ряд научных работников — историков и теоретиков виолончельного искусства.

Г. Л. Адамян

Воспоминания об учителе

Мечтой каждого виолончелиста было попасть в класс № 43 Московской консерватории, где преподавал Семен Матвеевич Козолупов и где складывалась великолепная виолончельная школа.

Класс его был интернациональным. Исполнительский облик каждого ученика — весьма разнообразным. Семен Матвеевич умел выявить индивидуальность каждого и передать своим ученикам многое из того, чем владел сам: он глубоко раскрывал содержание произведений, обращая внимание на градацию нюансов, разнообразие штрихов, удобство аппликатуры. Он никогда не допускал дешевых эффектов, всегда развивал чувство ответственности у студента.

В 1932 году я приехал из Еревана поступать в Московскую консерваторию. Я не был уверен, что Семен Матвеевич возьмет меня в свой класс. На экзамене я очень волновался. Семен Матвеевич меня взял, хотя на первом уроке сказал, что на экзамене я «разбомбил» первую часть Концерта Лало, что мне придется много работать над звуком, над легкостью и непринужденностью, которых пока не хватает в моей игре, — и это будет не легко.

Он дал мне сначала два этюда Грютцмахера, сказав, чтобы я принес их наизусть, а художественный материал он даст мне позже. Я был несколько обескуражен тем, что через три дня нужно принести этюды наизусть, но постарался это сделать.

Выслушав замечания, я получил и художественный материал — Сонату Капорале, текст которой не показался мне сначала очень сложным, но Семен Матвеевич требовал разнообразия звука и легкости в штрихах, а это оказалось для меня полной неожиданностью.

Через некоторое время я познакомился с Первой сюзитой Баха, а в последующие годы и с остальными.

Так начались мои занятия в классе Семена Матвеевича.

Каждый урок меня удивлял, но скоро я привык к тому, что даже самые простые этюды и пьесы должны были исполняться «совершенно».

Очень много мне дало то, что я просиживал целыми днями в классе, слушая других студентов.

Семен Матвеевич как-то пришел и протянул мне ноты. Это была Соната Корелли, которую он недавно отредактировал. Подарив мне ее, Семен Матвеевич сделал надпись: «Моему грузовику Адамяну в надежде на перестройку в легковую машину» (тогда я играл еще тяжело).

Но время шло, и «перестройка» осуществлялась. Я старался радовать своего учителя. Высокоодаренный

музыкант и педагог, он умел вдохновить, умел зажечь наши юные сердца.

Заветы дорогого мне человека Семена Матвеевича Козолупова я чту и храню всю свою жизнь.

Л. С. Гинзбург

Из воспоминаний о годах учения

Семен Матвеевич Козолупов запомнился мне не только как маститый артист, замечательный педагог, сумевший создать целое направление в советском виолончельном искусстве, но и как своеобразно-интересный и самобытный человек. Еще в расцвете исполнительской деятельности занявшийся педагогикой, он и этой области отдавал много творческих сил и энергии; его педагогические принципы были неразрывно связаны с музыкальной практикой, ею подсказывались, ею же проверялись.

На протяжении тридцати трех лет я посещал класс Семена Матвеевича, сперва в качестве его студента и аспиранта, затем ассистента и наконец просто бывшего ученика, хотя учиться у этого музыканта можно было всегда.

Да и сам он, по его собственным словам, учился всю жизнь. Обладая на редкость здоровой и верной интуицией, он творчески отбирал из окружающих музыкальных явлений все то, что соответствовало его собственной натуре, его естественным музыкальным и артистическим стремлениям.

Он требовал от своих учеников одновременно яркости, артистизма, увлеченности и сознательности, логичности исполнения. Требуя выразительности, он резко отрицал слащавость, сентиментальность, манерность. Семен Матвеевич умел словом (иногда одним междометием) и утрированным показом на инструменте так подчеркнуть недочеты, что у студента возникало немедленное желание избавиться от данного недостатка.

Вообще, живой показ на виолончели сочетался в его практике с образным словесным пояснением. Ярko подчеркнутый исполнительский прием и метко найденное слово в равной мере полностью достигали своей цели.

Семен Матвеевич не терпел расхлябанности, лени, неорганизованности и сам являл собой пример поразительного трудолюбия и любви к своей специальности. Никогда он не опаздывал на занятия. А придя в класс — это всегда был класс № 43, носящий ныне его имя, — рано утром, он не покидал его до трех-четырёх часов дня, занимаясь одинаково интенсивно с первым и с последним студентом.

Вместе с учеником искал он верные пути интерпретации того или иного произведения. Вспоминается, как в годы аспирантуры (это были 30-е годы) он работал со мной над незадолго до того изданной Сонатой Шостаковича. И для ученика, и для профессора это было новым словом в музыке. И это новое глубоко содержательное произведение постепенно все более увлекало и раскрывалось в совместной работе.

Живой и неослабевающий интерес питал Семен Матвеевич к Баху. На протяжении всех лет он, не переставая, искал и отбирал верные на его взгляд исполнительские средства — темпы, штрихи, аппликатуру — для виолончельных сюит этого композитора. Результатом огромного собственного исполнительского опыта и работы над сюитами в классе явилась его редакция, изданная в 1947 году.

Вспоминаю, как мне, студенту третьего курса, он поручил сыграть на классном вечере Пятую сюиту с оригинальной, предписанной Бахом перестройкой струны *ля* в *соль*. В наше время сюиту эту принято играть с нормальным строем, хотя ее оригинальная редакция создает особые тембровые краски и позволяет брать некоторые аккорды, неисполнимые при нормальном строе. С подлинным увлечением, по многу раз повторяя и изменяя найденное, искал Семен Матвеевич лучшего решения исполнительского воплощения этой не сразу дававшейся музыки. И помню его радость, когда найденные средства выражения (динамика, штрихи, аппликатура) его удовлетворяли.

Позднее Семен Матвеевич прошел со мной сольную Сонату Хиндемита, что было не очень «в моде» и свидетельствовало о широте его взглядов.

Семен Матвеевич придавал огромное значение работе над техникой, большое внимание уделяя изучению гамм во всех разновидностях, многие из которых он сам придумывал.

В 1931 году, когда я кончал консерваторию, по пред-

ложению моего учителя я изучил и сыграл перед комиссией ре-мажорный Концерт Гайдна, Вариации на тему рококо Чайковского и Виолончельный концерт Шумана.

И как я был потом благодарен Семену Матвеевичу, когда, по его совету, отправившись после окончания консерватории на работу в Саратов — город, где сам он начал свою профессорскую деятельность, — я имел в своем репертуаре эти классические произведения и мог играть их с оркестром.

Два слова об отношении Семена Матвеевича к ученикам. Строгий и требовательный во время работы в классе, он был чуток и внимателен к своим ученикам в их жизни, делах, переживаниях. Для тех, кто его близко знал, он был, несмотря на кажущуюся строгость, добрым, отзывчивым человеком, а для многих из нас, его учеников, — старшим товарищем и другом.

В. Я. Фейгин

Память на всю жизнь

Мечта заниматься у Семена Матвеевича Козолупова возникла у меня еще в музыкальной школе-десятилетке в Харькове, где я учился. Имя знаменитого профессора было легендарным; почти все, что мы играли, было под редакцией профессора С. М. Козолупова, особенно ценной для нас была его редакция сюит И. С. Баха (очень своевременно выпущенная недавно вторым изданием). Многие мы, школьники, слышали о Семене Матвеевиче от гастролирующих в Харькове виолончелистов. Мой преподаватель Исаак Моисеевич Коган делал все возможное для того, чтобы я мог попасть в число учеников Семена Матвеевича.

В первый раз я имел счастье видеть профессора на всесоюзном отборе на Пражский конкурс имени Вигана в 1950 году, в котором я участвовал. Поговорить мне тогда с Семеном Матвеевичем не довелось, но мне рассказывали, что, когда в начале 1952 года меня привезли показать ему на предмет поступления в Московскую консерваторию, Семен Матвеевич меня вспомнил и сказал Ф. И. Бауэр: «Это хороший мальчонка».

День приемного экзамена запомнился мне на всю жизнь: большего волнения я с тех пор никогда не испы-

тывал. Но все кончилось благополучно, и вот я — студент класса С. М. Козолупова. Очень хорошо помню, как у меня, провинциала, ежеминутно екало сердце, когда я проходил по консерватории и нередко встречал знаменитостей, попасть на концерт которых в Харькове было величайшим счастьем, и нам, слушателям, они казались не людьми, а олимпийскими божествами.

Первые пьесы, заданные мне Семеном Матвеевичем, были Первая сюита Баха и Концерт Боккерини си-бемоль мажор. Я был очень обескуражен, когда на первом уроке получил замечание, что сюита Баха играется не наизусть. К следующему уроку выучил и сюиту, и концерт. Так начались занятия, которые никак нельзя назвать «буднями». Семен Матвеевич умел исправлять технологические недостатки совершенно незаметно, буквально одним-двумя точными словами. Большое внимание обращал на координацию движений. Он любил полновзвучную глубокую игру и терпеть не мог «шептания» или, как он выражался, «щекотания инструмента». Семен Матвеевич сразу распознал мои сильные и слабые стороны. Мне были присущи легкость игры и неплохие природные штрихи, особенно стаккато, поэтому в первый раз на его классном вечере я исполнил Сонату Локателли ре мажор. Над моими слабыми сторонами Семену Матвеевичу пришлось немало потрудиться.

В первые годы учебы мне посчастливилось не раз слышать игру Семена Матвеевича.

Неизгладимое впечатление оставил концерт, состоявшийся 3 января 1953 года в Малом зале консерватории. Наибольшее впечатление произвела Соната Прокофьева ор. 119. Особенно запомнилась вторая часть. Такого неподражаемого юмора, доброго лукавства и неподдельного очарования я никогда больше ни у кого не слышал, хотя известно, что эту Сонату играют почти все виолончелисты.

На всю жизнь я запомнил знаменательное событие — семидесятилетний юбилей Семена Матвеевича, который состоялся в Большом зале консерватории. В первом отделении после многочисленных приветствий играл сам Семен Матвеевич. Я хорошо запомнил всю его программу, в особенности Каприччио Кленгеля, где он продемонстрировал свое знаменитое сотийе. Никогда я больше не видел и не слышал такого естественного и красивого штриха. Да и вообще руки Семена Матвеевича являли собой недосыгаемый идеал красоты, естест-

венности во всех положениях. Это настоящая классика постановки рук на виолончели!

Во втором отделении этого знаменательного концерта выступил ансамбль виолончелистов — учеников Семена Матвеевича разных лет, вернее это был не ансамбль, а колоссальный оркестр, который с трудом поместился на громадной сцене Большого зала консерватории. Я был горд, что принимаю участие в исполнении Гимна Давыдова.

В моих занятиях с Семеном Матвеевичем, по-моему, переломным был второй курс. Нам пришлось работать над: кантиленой, разнообразием вибрации (особенно в верхнем регистре), рациональным распределением смычка. Мне прививались понятия широкого дыхания, цельности формы в исполнении. Эти важнейшие для музыканта знания, заложенные моим любимым профессором, навсегда остались для меня основой исполнительской и педагогической работы. Семен Матвеевич умел учить и был очень настойчив, всегда добиваясь от студентов выполнения своих указаний.

Благодаря его педагогическому мастерству я скоро дошел до изучения таких произведений, как Соната Шуберта, Вариации на тему рококо Чайковского, Концерт Шумана.

Важнейшее значение Семен Матвеевич придавал изучению произведений И. С. Баха. Я получил твердую базу для развития, изучив под его руководством все шесть сюит и три сонаты великого композитора. Под руководством Семена Матвеевича мы постигали глубину и величие баховских творений. От внимания профессора не ускользали ни целое, ни одна деталь.

Семен Матвеевич был очень высокого мнения о творческом потенциале Московской консерватории и неоднократно повторял, что мы должны учиться не только у него, и рекомендовал посещать уроки, классные вечера и концерты наших замечательных профессоров. Эти уроки, концерты были великолепным дополнением к тому, что мы получали в классе. Классные вечера Московской консерватории в те времена проходили при переполненном Малом зале, были очень интересными по программам, являясь важной составной частью музыкальной жизни Москвы. Об этом вспоминаешь, с сожалением глядя на полтора десятка посетителей иных теперешних классных вечеров. Семен Матвеевич всегда считался с мнением своих коллег. Глубоко зная весь

классический и современный виолончельный репертуар, он любил знакомиться с новыми или малоизвестными сочинениями, умел выявить их интересные стороны.

Под руководством Семена Матвеевича я подготовился к двум международным и Всесоюзному конкурсу. Да и при подготовке к Конкурсу имени Чайковского в 1962 году, когда Семена Матвеевича уже не было с нами, я целиком и полностью оставался его учеником (как, впрочем, и до сих пор), помнил все его указания, старался следовать стилю его музыкального мышления.

Сейчас видно, насколько плодотворной, основополагающей была деятельность Семена Матвеевича Козолупова как основателя советской виолончельной школы.

А. Н. Хайрутдинов

Четыре незабываемых года

Судьба подарила мне четыре незабываемых года учебы (1950—1954) в аспирантуре Московской консерватории в классе профессора Семена Матвеевича Козолупова. Годы общения с ним остались в памяти как самые светлые и радостные в моей жизни. С тех пор прошло уже немало времени, однако воспоминания тех лет до сих пор глубоко волнуют меня.

Индивидуальные занятия этого тонкого художника, большого музыканта незабываемы. Его отеческая забота о каждом из нас, мудрые советы и наставления оставили в душе чувство искренней признательности и восхищения. В нем счастливо сочетались талант большого музыканта с щедростью души, строгость с нежностью и отзывчивостью. Он был обаятелен и добр. Ученики питали к Семену Матвеевичу безграничное уважение и доверие, искренно и горячо его любили. То обстоятельство, что они учатся у «самого» Козолупова, наполняло их и гордостью и радостью.

Семен Матвеевич обладал особым, редко встречающимся педагогическим даром. Работа с учениками была его стихией. Занимался он с полной отдачей, самоотверженно и с увлечением.

В классе были нетерпимы расхлябанность, работа вполсилы, кое-как. Уровень требований ко всему, что приносилось для исполнения, был очень высок. С первого же раза пьесы должны были быть исполнены наи-

зують. Произведения крупной формы один-два раза можно было играть по нотам, в остальных случаях — только наизусть. Игра по нотам считалась признаком слабой работы. Иногда можно было пропустить урок. В редких случаях это не замечалось, но прийти неподготовленным даже единственный раз было невозможно. Случайная остановка из-за «провалов» в памяти, одна-две интонационно неточные ноты вызывали крайнее огорчение Семена Матвеевича. В таких случаях он казался удивленным происшедшим, растерянным и разочарованным.

Однако основное требование, предъявляемое к ученикам, было связано с верным пониманием содержания исполняемого произведения, особенностей его стиля и убедительным воплощением художественного образа.

Семен Матвеевич ценил эмоциональность, темперамент и артистическую яркость в исполнении и всячески способствовал развитию у ученика этих качеств. Иногда он останавливал играющего и говорил с огорчением: «Кому нужна такая „правильная“ бесцветная игра? Все чистенько, все вроде бы так, но нет жизни, нет души! Нельзя играть так холодно, созерцательно. Ты бы лучше где-нибудь сфальшивил, что ли, или от скуки смычок уронил. Было бы какое-то разнообразие».

Основное время урока обычно уходило не на техническую работу. Художественная трактовка, работа над фразировкой, выбор звуковых красок, необходимых штрихов, динамических оттенков, применение различных нюансов, акцентировки, доведение исполнения до высокого уровня — все это составляло содержание большинства занятий. Иногда эта работа так захватывала Семена Матвеевича и ученика, что они доходили до изнеможения. Когда наконец исполнение приобретало яркую выразительность и художественную законченность, Семен Матвеевич удовлетворенно вытирал пот с лица и уставшим голосом тихо произносил: «На сегодня достаточно, кое-что мы улучшили с тобой».

Семен Матвеевич любил слушать игру ученика, сидя рядом с концертмейстером с правой стороны, и ничем не мешал ему, однако слушал ученика не пассивно. Он руководил исполнением замысловатыми движениями руки, напоминающими дирижирование. Ученик боковым зрением эти движения видел и отлично понимал их значение. Меткие и ясные образные замечания, если были нужны, следовали после остановки.

Иногда для решения трудной задачи он находил такие удивительные сочетания штрихов и аппликатуры, которые казались поначалу необычными, невероятными, а на деле обеспечивали успех.

Занятия, методы работы Семена Матвеевича привлекали внимание многих музыкантов. В классе всегда было многолюдно: присутствовали педагоги других учебных заведений (нередко из других городов), музыканты, бывшие ученики, коллеги. Присутствие «чужих» никогда не сковывало Семена Матвеевича, а скорее, наоборот, он воодушевлялся и работал с еще большим энтузиазмом. Ученики же чувствовали себя почти как на эстраде, волновались.

Я старался как можно чаще бывать в классе. Это было очень интересно. Я погружался в рабочую «кухню» своего учителя, мог следить за ходом его мысли, наблюдать, как постепенно претворяются его замыслы, какими средствами это достигается. На уроках Семен Матвеевич нередко показывал на инструменте трудное место, пассаж или штрих. Это всегда бывало убедительно.

С методическими и педагогическими принципами Семена Матвеевича мне пришлось особенно близко познакомиться в связи с работой над кандидатской диссертацией под его научным руководством. Научным консультантом был профессор Л. С. Гинзбург. Мне довелось побывать на нескольких его сольных концертах, а также слушать его выступление в Большом зале в 1954 году на семидесятилетнем юбилее. Эти концерты запомнились мне блестящей виртуозностью и высокой исполнительской культурой. Сочный тон, безукоризненный вкус, четкие и ясные штрихи, тонкая музыкальность были характерными особенностями его исполнительского мастерства.

После завершения учебы, бывая проездом или по делам в Москве, я навещал Семена Матвеевича в классе или дома. Всякий раз встреча с ним превращалась в радостное и волнующее событие.

Почти четверть века прошло с тех пор, как не стало нашего незабвенного учителя. Выросло новое поколение советских виолончелистов, пришедших на смену уходящему. Им предстоит приумножать успехи и славу советской виолончельной школы, которой так преданно служил ее выдающийся основатель Семен Матвеевич Козолупов.